Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Блохин Алексей Валерьевич

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРЕОДОЛЕНИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ДЕФЕКТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
профессор Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор Черногор Николай Николаевич

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЕГО ДЕФЕКТЫ..... 17

§ 1.1. Понятие и классификация правовых дефектов..... 17

§ 1.2. Современное законодательство как сфера возникновения правовых дефектов и системный подход как методологическая основа их недопущения и преодоления..... 41

ГЛАВА 2. ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ДЕФЕКТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА..... 66

§ 2.1. Коллизии в законодательстве 66

§ 2.2. Пробелы в законодательстве..... 84

ГЛАВА 3. МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ДЕФЕКТОВ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 104

§ 3.1. Понятие преодоления содержательных дефектов законодательства .. 104

§ 3.2. Средства преодоления содержательных дефектов современного законодательства 122

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 142

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК..... 152

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена теоретической и практической значимостью вопросов, связанных с обеспечением эффективности законодательства Российской Федерации, в том числе посредством преодоления его содержательных дефектов.

Российское законодательство динамично развивается, продолжает находиться в процессе модернизации. Для ее текущего этапа характерны: расширение сферы законодательного регулирования; значительный масштаб и разнообразие способов преобразований законодательства; оптимизация методов и средств регулирующего воздействия; совмещение модернизации с процессами конституционализации законодательства, а также его адаптации к стремительно меняющимся условиям жизни общества и государства; увеличение объема законодательства в геометрической прогрессии и др.[1]

Одной из важнейших задач, решаемых в ходе интенсивного обновления законодательства, является преодоление содержащихся в нем дефектов – как допущенных в предшествующие периоды и не устраненных до настоящего времени, так и потенциально возможных. Ее решению способствуют проведенная масштабная работа по изменению и дополнению ранее принятых законодательных актов с целью их приведения в соответствие с Конституцией РФ (после внесения в нее поправок в 2020 г.[2]), отмена значительного количества нормативных правовых актов в ходе

---

[1] См.: Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. 8-е изд. перераб. и доп. М.: Норма, 2023. С. 45.

[2] См.: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001 (дата обращения: 25 июля 2024 г.).

проведения регуляторной реформы[1], усиление программных и плановых начал в законотворчестве[2], расширение практики применения правового эксперимента[3], начавшаяся работа по систематизации правовых актов органов публичной власти всех уровней[4]. В то же время исследователи констатируют факты воспроизводства и тиражирования дефектов законодательства при создании нового регулирования[5]. Данное обстоятельство существенно снижает эффективность позитивного права, важнейшим источником и формой которого в современной России является законодательство.

В числе причин, объясняющих такое положение дел, следует отметить, с одной стороны, невысокую востребованность законодателем имеющегося научного инструментария[6], эффективное применение которого может позволить минимизировать не только дефекты законодательства, но и риски их появления; с другой – нарастание несоответствия ряда положений юридической теории формирующейся законотворческой практике. Есть основания прогнозировать обострение этого противоречия в связи

---

[1] См.: Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации: монография / ред. колл. А.Ф. Ноздрачев, С.М. Зырянов, А.В. Калмыкова. М.: Инфотропик медиа, 2022.

[2] См.: Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило и др.; под общ. ред. Н.Н. Черногора, Д.А. Пашенцева. М.: Норма – Инфра-М, 2021.

[3] См.: Федеральные законы от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701; от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 6 авг.

[4] См.: распоряжение Президента РФ от 1 июля 2022 г. № 202-рп «О межведомственной рабочей группе по разработке проекта государственной программы по систематизации правовых актов органов публичной власти всех уровней. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207010036 (дата обращения: 25 июля 2024 г.).

[5] См.: Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. С. 64.

[6] См.: Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: Норма – Инфра-М, 2020; Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для вузов / под ред. Ю.Г. Арзамасова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2024. 542 с.

с поступательной цифровизацией законотворчества[1] и перспективой изменения формы законодательства – его перевода в машиночитаемый вид[2]. Соответствующая трансформация законодательства с высокой степенью вероятности будет сопряжена с изменениями языка закона, приемов, способов и правил юридической техники, системных связей между юридическими нормами и законодательными массивами и др.[3], в том числе с появлением неизвестных практике разновидностей дефектов законодательства, например конкуренции и коллизий текстуально выраженных норм с кодом, погрешности в идентичности текстуально выраженных и машиночитаемых норм и др. Подобная перспектива является одним из факторов актуализации задачи модернизации теории «законодательной дефектологии» и теоретико-правовой основы преодоления содержательных дефектов законодательства, а также научного поиска вариантов ее решения.

Из вышеизложенного следует, что актуальность избранной темы определяется:

1) важностью задач, решаемых на текущем этапе модернизации российского законодательства, его конституционализации и адаптации к стремительно меняющимся условиям жизни общества и государства;

2) сохраняющейся общественной потребностью в обеспечении эффективности законодательного регулирования;

---

[1] См.: Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина; под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: Инфра-М, 2019.

[2] См.: Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды». URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/08f25bcd101aecc2ad6142099117dccd/pasport_fp_normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy.pdf (дата обращения: 25 июля 2024 г.); Концепция развития технологий машиночитаемого права (разработана фондом «Сколково», одобрена рабочей группой «Нормативное регулирование» при АНО «Цифровая экономика»). URL: https://sk.ru/media/documents/29.03.2021._Концепция_МЧП._Внесение_после_РГ.pdf (дата обращения: 25 июля 2024 г.); Порываева Н.Ф. Алгоритмизация права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022.

[3] См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука. М.: Инфра-М, 2020. С. 134–152.

3) объективной необходимостью ревизии, систематизации и обогащения теоретической основы идентификации содержательных дефектов законодательства, а также совершенствования практического инструментария их преодоления.

Степень разработанности научной проблемы. Проблематика правовых коллизий начала исследоваться еще римскими юристами в контексте конкуренции субъективных прав. В последующем со времен глоссаторов и постглоссаторов направления научных исследований сместились в сторону разрешения интерлокальных и интерперсональных коллизий, что послужило основанием возникновения международного частного права. В отечественной юридической традиции наибольшие результаты в этом направлении были достигнуты Л.А. Лунцем, который стал лауреатом государственной премии СССР за свой трехтомный труд «Курс международного частного права»[1].

В контексте правовых дефектов коллизии стали рассматриваться только в середине прошлого века. Пионером в этом вопросе был А.А. Тилле, утверждавший в своем исследовании, что в «…системе отечественного права коллизии не только вероятны, но даже неминуемы»[2]. К проблематике правовых коллизий как дефектов права и законодательства обращались в своих работах Н.Г. Александров, В.Б. Исаков, В.К. Бабаев, М.Т. Баймаханов, Н.А. Власенко, В.Д. Зорькин, П.Е. Недбайло, А.Ф. Черданцев, В.Н. Кудрявцев, Ю.А. Тихомиров, М.Д. Шаргородский и др.

Проблематика пробелов в праве поднималась советской юридической наукой также в середине прошлого века. Так, еще в 1940-е годы С.И. Вильнянским было предложено определение, согласно которому в качестве критериев пробела (полной или частичной неурегулированности

---

[1] См.: Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002. 1007 с.

[2] Тилле А.А. Время, пространство, закон: действие советского закона в пространстве и во времени. М.: Юрид. лит., 1965. С. 5.

общественных отношений правовыми нормами) служили: 1) отсутствие нормы; 2) неполнота нормы; 3) противоречие норм права[1]. В дальнейшем их сущность, причины происхождения, механизм устранения и преодоления в разные периоды освещались в работах ведущих советских и российских ученых-юристов В.К. Забигайло, В.Д. Зорькина, В.В. Лазарева, П.Е. Недбайло, В.С. Нерсесянца, А.С. Пиголкина, А.Ф. Черданцева, Л.С. Явича.

К рассмотрению правовых коллизий и пробелов в праве уже в текущем веке неоднократно обращались молодые исследователи[2].

Изучению вопросов выявления и устранения дефектов нормативных правовых актов посвящена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук М.А. Соколовой[3].

Научная и практическая ценность результатов исследований перечисленных авторов не вызывает сомнений. Однако несмотря на большое число опубликованных в советский период и в последнее время работ по проблематике правовых коллизий и пробелов в праве, разработка их теории и механизма преодоления еще не соответствует в полной мере потребностям современной юридической науки и практики. Они еще не были

---

[1] См.: Вильнянский С.И. Толкование и применение гражданско-правовых норм // Методические материалы ВЮЗИ. 1948. Вып. 2. С. 34.

[2] См., напр.: Тихонравов Е.Ю. Способы восполнения пробелов в законодательстве: вопросы теории и истории: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 30 с.; Юдин А.И. Юридические коллизии и механизм их разрешения: теоретико-правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2013. 158 с.; Сибилева С.В. Коллизии в публичном праве: автореф. дис. … канд. юрид наук. М., 2009. 24 с.; Петров А.А. Иерархические коллизии в праве: дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. 204 с.; Уранский Ф.Р. Пробелы в праве и способы их восполнения в правоприменительной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 192 с.; Панасюк О.С. Пробелы в праве и способы их преодоления и устранения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.; Денисенко В.В. Коллизии правовых актов и механизм их разрешения (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид наук. СПб., 2004. 24 с.; Сухов Э.В. Правовые коллизии и способы их разрешения: дис. … канд. юрид наук. Н. Новгород, 2004. 148 с.; Спектор Е.И. Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. 127 с.; и др.

[3] Соколова М.А. Выявление и устранение дефектов нормативных правовых актов в механизме правотворчества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 192 с.

рассмотрены совместно в качестве содержательных дефектов современного законодательства.

Следует отметить, что в 2020 году была защищена диссертация И.П. Кожокаря «Технико-юридические дефекты в российском праве»[1]. Признавая актуальность работы, необходимо подчеркнуть два обстоятельства: 1) она охватывает практически весь спектр проблем, связанных с формированием и реализацией российского права, не акцентируя необходимого внимания на конкретных вопросах развития собственно законодательства Российской Федерации; 2) проведенное исследование основывается на максимально широком понимании юридической техники, в то время как проблематика законодательных дефектов как таковых предполагает применение более узкого подхода в данной сфере.

Объектом настоящего диссертационного исследования выступают общественные отношения, связанные с возникновением и преодолением содержательных дефектов законодательства.

Предметом исследования являются законодательство, его содержательные дефекты, а также механизм их преодоления.

Цель исследования состоит в установлении общих закономерностей возникновения и преодоления содержательных дефектов законодательства.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- рассмотрение современного законодательства в контексте применения системного подхода;
- определение понятия и разработка классификации дефектов законодательства;
- раскрытие существа отдельных видов содержательных дефектов законодательства, таких как коллизии и пробелы в законодательстве;

[1] См.: Кожокарь И.П. Технико-юридические дефекты в российском праве: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2020. 414 с.

- определение понятия преодоления содержательных дефектов законодательства;
- установление основных средств преодоления содержательных дефектов законодательства.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специально-юридические методы познания, имеющие диалектическую основу.

Совокупность общественных отношений, образовавших объект настоящего исследования, рассматривается в рамках комплексного подхода, предполагающего сочетание приемов формально-юридического, сравнительно-правового и историко-правового анализа. При необходимости используются фактические описания и приведение эмпирических данных.

Отдельно в методологии настоящего исследования следует выделить системный подход, познавательные средства которого как раз и должны обеспечивать формирование эффективного механизма недопущения и преодоления содержательных дефектов законодательства.

Теоретическую базу настоящей диссертации составили результаты исследований ведущих отечественных ученых: С.А. Авакьяна, Д.В. Агашева, Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева, М.В. Баглая, В.М. Баранова, М.В. Барановой, А.Ю. Буякова, А.Д. Бойкова, А.Б. Венгерова, Н.А. Власенко, Н.Н. Вопленко, Р.А. Гончарова, В.В. Денисенко, М.Л. Давыдовой, В.С. Жеребина, В.Д. Зорькина, О.С. Иоффе, В.Н. Карташова, Д.А. Керимова, В.Н. Кудрявцева, О.Е. Кутафина, А.Я. Курбатова, А.Р. Лаврентьева, В.В. Лазарева, Н.И. Матузова, А.В. Малько, Л.А. Морозовой, М.Н. Марченко, А.В. Мицкевича, В.С. Нерсесянца, Ж.И. Овсепян, А.С. Пиголкина,

В.Д. Перевалова, Г.С. Працко, Л.П. Рассказова, И.А. Стародубцевой, С.В. Сибелевой, И.Н. Сенякина, М.С. Студеникиной, Э.В. Сухова, В.А. Толстика, Ю.А. Тихомирова, Т.Я. Хабриевой, В.Н. Хропанюка, Г.Т. Чернобеля, В.В. Чиркина, К.В. Шундикова и др.

Эмпирическую базу настоящего диссертационного исследования образуют законодательные и подзаконные акты, доктринальные источники, материалы судебно-арбитражной практики, статистические данные, экспертные оценки, публикации в средствах массовой информации, в том числе электронных.

Научная новизна диссертации выражается в том, что на монографическом уровне выделены содержательные дефекты законодательства, обосновано отнесение к ним законодательных коллизий и пробелов в законодательстве, раскрыто понятие преодоления содержательных дефектов законодательства и рассмотрены такие его средства, как разрешение законодательных коллизий и восполнение пробелов в законодательстве.

Кроме того, были исследованы юридико-технические и методологические черты содержательных дефектов законодательства; раскрыты особенности отдельных видов правовых коллизий и пробелов в праве; продемонстрирована причинно-следственная связь и определены обстоятельства возникновения содержательных дефектов законодательства, появляющихся в настоящее время; предложены механизмы преодоления содержательных дефектов законодательства, формирующиеся на правотворческом, интерпретационном и правоприменительном уровнях.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Анализ современного законодательства, правоприменительной практики и правовой доктрины позволил выделить ряд характерных черт, присущих правовым дефектам: 1) правовые дефекты представляют собой различные проявления несовершенства права, отдельных правовых норм, правовых режимов и правовых статусов, правовых конструкций, правообразующих и правореализационных актов; 2) указанные проявления правового несовершенства есть результат человеческой деятельности – как предполагаемый, так и достигнутый случайно; 3) на субъектном уровне они имеют или могут иметь негативные последствия, которые выражаются

в упразднении или ограничении субъективных прав, полном или частичном игнорировании свобод и интересов конкретных лиц, недостаточном обеспечении исполнения юридических обязанностей, обязательных требований; 4) на объектном уровне их последствием выступает правовая неопределенность. При этом результат человеческой деятельности, расцениваемый в качестве правового дефекта, не должен был быть предусмотрен предшествующими правовыми нормами в качестве правонарушения и с его появлением не должны быть связаны санкции соответствующих норм.

Несовершенство права и правовая неопределенность, выражающиеся в правовых дефектах, являются естественными свойствами права и служат необходимыми условиями его дальнейшего развития. Так, если правовой дефект успешно устранен и/или преодолен, что обеспечило совершенствование структуры права и развитие правовой мысли, то допустимо говорить о его позитивном значении. Если же на правовой дефект не было необходимой и достаточной реакции, что повлекло неэффективность правового регулирования и/или правовой охраны, то его следствием является негативное воздействие на правовую реальность.

Специфика российской правовой системы предполагает, что наиболее существенными для нее являются дефекты законодательства.

2. В зависимости от характера обстоятельств возникновения дефекта законодательства представляется обоснованным выделение (1) сущностных, (2) содержательных, (3) технических дефектов.

Первые отражают несовершенство законодательства в результате возникновения противоречий между правовыми принципами, идеями, ценностями. Как правило, они выступают отражением недостаточного уровня систематизации законодательства.

Собственно юридическими по своей природе являются содержательные дефекты законодательства, представленные отдельными законодательными коллизиями и пробелами в законодательстве,

т.е. противоречиями и лакунами в самом законодательном материале, которые вызваны допущенными при его формировании логическими ошибками.

Понятие «технические дефекты законодательства» объединяет все те недостатки в законодательном материале, которые обусловлены незначительными отступлениями от правил юридической (законодательной) техники и не содержат в себе грубых логических ошибок, повлекших частичный распад целостности соответствующих законодательных массивов, недостижение ими системности правового воздействия.

3. Можно выделить следующие характерные черты правовых коллизий, являющихся содержательными дефектами законодательства: 1) вступившие в противоречие законодательные нормы регулируют тождественные общественные отношения; 2) наличие таких норм есть логическое нарушение, которое не может быть преодолено через их буквальное толкование; 3) возникновение таких противоречий является результатом правотворческой деятельности компетентных органов; 4) условием их возникновения выступают нарушения требований, предъявляемых к нормативным правовым актам и правотворческой деятельности; 5) их наличие препятствует достижению целей правового регулирования, реализации прав, свобод и законных интересов, иным образом ухудшает правовое положение участников общественных отношений.

Общественные отношения представляются тождественными, если однотипны их участники, объект, содержание, обстоятельства возникновения, изменения и прекращения.

Логические ошибки, составляющие суть рассматриваемых коллизий, влекут (1) ограничение или упразднение действия отдельных правовых норм, что препятствует реализации прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, (2) неправильную юридическую интерпретацию обстоятельств дела, (3) неопределенность в содержании правовой нормы.

4. Пробел в законодательстве, выступая одной из форм выражения правовой неопределенности, является следствием полного или частичного

отсутствия объективно необходимого звена в конкретной правовой системе, правовой конструкции или норме права, должного обеспечить упорядочение определенной группы общественных отношений, которые уже подвергнуты правовому регулированию или в силу своей значимости (предполагаемой значимости) должны входить в предмет законодательного регулирования. Необходимость в упорядочении таких отношений обусловлена правовой политикой, смыслом и содержанием действующего законодательства, уровнем развития социально-экономических и политических отношений, а также рядом иных факторов, процессов и условий.

5. Если устранение содержательных дефектов в законодательстве осуществляется путем внесения изменений в нормативные правовые акты или принятия новых нормативных правовых актов, то преодоление таких дефектов предполагает устранение вызванной ими правовой неопределенности через использование иных средств.

Преодоление таких дефектов – это всегда решение задачи юридической квалификации, осуществляемой в рамках правореализации, преимущественно правоприменителем. Его сущность состоит в выборе применимой нормы права в условиях неочевидности. Так, при законодательной коллизии неочевидность выбора применимой нормы права обусловлена тем, что фактическое общественное отношение, нуждающееся в правовом регулировании, одновременно подпадает под признаки, закрепленные в гипотезах нескольких правовых норм и/или объеме иных норм права. При пробеле в законодательстве, напротив, признаки такого отношения не находят отражения в гипотезе и/или объеме ни одной нормы. Задача субъекта правореализации, в первую очередь правоприменителя, – не просто выбрать применимую норму, а обосновать свой выбор.

Средства обоснования выбора применимой нормы могут носить нормативный, интерпретационный или правоприменительный характер. В первом случае разрешение законодательной коллизии или восполнение пробела в законодательстве основывается на специальной норме права,

которая не имеет самостоятельного регулирующего эффекта, а обеспечивает логическую непротиворечивость и полноту законодательства. Во втором случае содержательный дефект законодательства преодолевается через официальное толкование нормативных правовых актов. В третьем случае имеет место индивидуальный акт, совершаемый в рамках юридической квалификации конкретного общественного отношения. Нужно подчеркнуть, что законодательные правила преодоления рассматриваемых дефектов носят специальный характер, в то время как доктринально обоснованные правила, используемые в правоприменении, по своей природе общие.

6. Следует выделить две формы преодоления содержательных дефектов законодательства – (1) разрешение законодательных коллизий и (2) восполнение пробелов в законодательстве.

Первой из них соответствуют такие правовые средства, как принципы-приоритеты, среди которых надлежит назвать (1) нормативно установленный приоритет, (2) приоритет специальной нормы перед общей, (3) приоритет целого перед частью и (4) общеправовой приоритет. Они могут быть закреплены нормативно, установлены в результате официального толкования либо обоснованы в рамках юридической квалификации.

Второй форме преодоления содержательных дефектов законодательства соответствуют такие правовые средства, как субсидиарное применение права, аналогия закона и аналогия права.

Если правовые средства разрешения законодательных коллизий, как правило, находят свое материально-правовое закрепление, то правовые средства восполнения пробелов в законодательстве при их материально-правовой допустимости также нуждаются в отражении на процессуально-правовом уровне.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что в ее рамках концептуализировано научное знание о содержательных дефектах законодательства, аргументировано включение в их состав законодательных

коллизий и пробелов в законодательстве, а также определена доктринальная основа механизма их преодоления.

Практическое значение проведенного исследования и его результатов состоит в возможности их использования в практике совершенствования национального правопорядка Российской Федерации через преодоление содержательных дефектов законодательства, в прикладных научных изысканиях по вопросам правовых дефектов, а также в учебном процессе в рамках дисциплины «Теория права и государства».

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация подготовлена на кафедре теории, истории и философии права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, где она была обсуждена и рекомендована к защите. Отдельные положения и выводы прошли апробацию, докладывались на различных научных форумах (конференциях, семинарах):

– V Московский юридический форум (г. Москва, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 5 апреля 2018 г.);

– Ежегодная конференция аспирантов, магистрантов и молодых ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ «Правовые стандарты и их роль в регулировании общественных отношений» (г. Москва, ИЗиСП, 16 мая 2018 г.);

– XIII Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Право в условиях цифровой реальности» (г. Москва, ИЗиСП, 6–7 июня 2018 г.);

– III Международная конференция, посвященная памяти профессора В.М. Курицына (г. Москва, МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 19 декабря 2018 г.,);

– VI Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики» (г. Москва, МГЛУ, 15–16 декабря 2022 г.);

– VII Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики» (г. Москва, МГЛУ, 13 декабря 2023 г.);

– XI Общероссийское годовое собрание теоретиков права «Концепции развития российского законодательства как достижение современной академической науки (к 300-летию Российской академии наук)» (г. Москва, ИЗиСП, 28 февраля 2024 г.).

Промежуточные результаты исследования неоднократно доводились до научного сообщества через публикации в научных изданиях, в том числе в журналах, рекомендованных ВАК для опубликования основных результатов диссертационных исследований.

Структура диссертации предопределена поставленными целью и задачами и включает в себя введение, три главы, объединяющие шесть параграфов, заключение и библиографический список.

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЕГО ДЕФЕКТЫ

§ 1.1. Понятие и классификация правовых дефектов

Проблематика совершенствования российской правовой системы, повышения ее качественного уровня является в настоящее время одной из наиболее актуальных. В связи с этим Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в своем выступлении в Государственной Думе в конце 2014 года выделил следующие проблемные зоны, препятствующие построению действительно эффективного национального правопорядка: 1) нестабильность законодательства, что неизбежно ведет к нарушению его системности и подрывает ключевой принцип правовой определенности; 2) отступление от принципа юридического равенства; 3) недостаточный учет федеративной природы Российского государства; 4) тенденция к чрезмерному увлечению запретами, правилами, ограничивающими права в той или иной сфере отношений, слишком болезненно задевающими людей; 5) дефекты законодательной техники, подрывающие принцип правовой определенности. Даже мелкие на первый взгляд технические погрешности порождают грубые нарушения прав и свобод. В ряде случаев подобные дефекты являются фактором, способствующим усилению коррупции[1]. Несмотря на то, что термин «дефект» употреблен только однажды — применительно к законодательной технике, без сомнения, большинство факторов, препятствующих поступательному развитию отечественной правовой системы, носят характер правовых дефектов.

В дальнейшем В.Д. Зорькин связал с предотвращением законодательных дефектов функции конституционного контроля, выделив три такие функции:

[1] См.: Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 1–5.

1) выявление дефектов; 2) их преодоление; 3) предупреждение конституционно значимых законодательных дефектов[1].

В целом соглашаясь с высказанным мнением главы национального конституционного правосудия, хотелось бы акцентировать внимание на том влиянии, которое правовые дефекты оказывают на развитие российской правовой системы. Сразу же следует оговориться, что специфика правовых дефектов состоит в том, что они не могут оцениваться безусловно отрицательно. Они неизбежны в процессе государственного и правового строительства, а потому могут иметь и положительное значение, не только препятствуя, но и способствуя поступательному развитию права, правовой системы, правопорядка и законодательства.

Однако начать представляется целесообразным с этимологии самого термина «дефект». Он происходит от латинского слова *defectus*, которое обозначает недостаток, изъян. В русский язык оно пришло в царствование Петра I, вероятно, из голландского или немецкого языка[2]. В толковых словарях русского языка «дефект» определяется как недостаток, изъян, недочет[3].

Справедливым представляется мнение, согласно которому правовые дефекты связаны не только с нечеткостью в логике и структуре правовых предписаний, безграмотным оформлением нормативных правовых актов, отсутствием связей между нормами права и правовыми актами, непониманием особенностей реализации правовых норм на практике, но и с обстоятельствами, формирующимися и реализующимися на более глубоких слоях общественной жизни. В связи с этим в научных исследованиях последних лет появилась идея, согласно которой правовые дефекты имеют

---

[1] См.: Зорькин В.Д. Конституционный контроль как фактор совершенствования российского законодательства // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 86–102.

[2] См.: Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. М., 2006. С. 32.

[3] См., напр.: Медведева А.А. Толковый словарь наиболее употребительных иностранных слов. М.: Центрполиграф, 2009. С. 58; Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. С. 76; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995. С. 89; Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1988. С. 158; и др.

опосредованное отношение к юриспруденции, так как их истоки находятся за рамками механизма правового регулирования, формируясь как результат необоснованных политических решений[1].

Признавая частичную обоснованность такой позиции, следует подчеркнуть, что все правовые дефекты – от технических до политических – есть изъяны в правообразовании или/и правореализации. Они представляются нарушениями в стратегии и тактике правового воздействия, препятствуют действию права, свидетельствуют об ошибках определения сферы отношений, требующих правового регулирования в конкретный период[2]. Без их устранения и/или преодоления невозможно нормальное функционирование всей правовой системы. В силу указанных обстоятельств исключать проблематику всех правовых дефектов из предмета юриспруденции нельзя. Более того, то место, которое занимает дефектология в этой области знаний в настоящее время, должно быть признано не соответствующим тому значению, которое имеют правовые дефекты для развития права и науки о нем.

При этом не будет преувеличением сказать, что к настоящему времени не только не сложились общая теория правовых дефектов или единый подход к их пониманию, но и не сформировался необходимый понятийно-категориальный аппарат. Одни исследователи, обращаясь к тематике юридической дефектологии, говорят о «дефектах в праве», «дефектах права» или «правовых дефектах», другие – о «дефектах правового регулирования», третьи авторы, рассматривая данный феномен в рамках изучения отдельных компонентов и сфер правового регулирования (дифференцируемых по характеру юридической деятельности), используют для его обозначения термины «правотворческие дефекты», «законодательные дефекты», «дефекты норм права», «дефекты системы права», «дефекты системы

---

[1] См., напр.: Толстик В.А., Миннебаев В.Х. Классификация дефектов фактических составов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 59.

[2] См., напр.: Мушинский М.А. Проблемы диагностики правотворческих дефектов. Иркутск: Изд-во ин-та законодательства и правовой информации, 2009. С. 13–24.

законодательства», «дефекты нормативных правовых актов», «дефекты правоприменительных актов» и др.

Однако бóльшая часть представителей юридической науки вообще не оперирует применяемым в разных областях теории и практики термином «дефект» для характеристики свойств правовой материи, отражающих ее качественность, заменяя его синонимичными понятиями «недостатки», «несовершенства», «изъяны», «неопределенность», «несогласованность», «ошибки», «огрехи», «деформации», «текстуально-правовой конфликт» и т.п.[1] Сказанное следует дополнить также тем, что в современных публикациях при обсуждении проблематики юридической дефектологии наряду с приведенными используются и иные термины, обозначающие порой сходные до степени смешения правовые явления: «пробелы» и «лакуны», «противоречия» и «коллизии», «квалифицированное молчание», «оценочные понятия» и т.п.

Для целей настоящего исследования представляется целесообразным в качестве родового понятия избрать правовой дефект, в дальнейшем дифференцируя его по различным признакам в зависимости от конкретной исследовательской задачи.

Без сомнения, юридическая дефектология началась и получила свое развитие в контексте исследования таких правовых явлений, как правовые коллизии и пробелы в праве. Уровень познания этих уже устоявшихся как в общей теории права, так и в рамках отдельных отраслевых юридических наук категорий достаточно высок. В рамках учений о правовых коллизиях и пробелах в праве не только выявлена их природа, но и предпринимались неоднократные попытки систематизировать способы их устранения и преодоления. В советский период и в наши дни значимый вклад в становление и развитие учения о юридических коллизиях внесли

[1] См.: Хлуденева Н.И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды: монография. М.: Инфра-М, 2014. С. 17.

Н.Г. Александров[1], С.С. Алексеев[2], М.Т. Баймаханов[3], Н.А. Власенко[4], В.Н. Кудрявцев[5], Ю.А. Тихомиров[6]. Сущность пробелов в праве, причины их происхождения, механизм устранения и преодоления в разные периоды времени освещались в работах В.К. Забигайло[7], В.В. Лазарева[8], В.С. Нерсесянца[9], А.С. Пиголкина[10], А.Ф. Черданцева[11], Л.С. Явича[12].

Наряду с юридическими коллизиями и пробелами в праве предметом научных изысканий в последние десятилетия становились и иные правовые дефекты – логико-языковые нарушения, деформации в формулировках правовых норм, логические, языковые и графические недостатки правоприменительных актов, процедурные дефекты и т.п.[13]

---

[1] См.: Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. С. 3–5.

[2] См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 181–186.

[3] См.: Баймаханов М.Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. Алма-Ата: Наука, 1972. 201 с.

[4] См.: Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 134 с.

[5] См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрид. лит., 1972. С. 211–218.

[6] См.: Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. М.: Манускрипт, 1994. 181 с.; Он же. Коллизионное право: учеб. и науч.-практ. пособие. М.: Юринформцентр, 2000. 447 с.

[7] См.: Забигайло В.К. Проблема «пробелов в праве»: к критике буржуазной теории / отв. ред. Н.И. Козюбра. Киев: Наук. думка, 1974. 176 с.

[8] См.: Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. лит., 1974. 188 с.

[9] См.: Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. С. 236–238.

[10] См.: Пиголкин А.С. Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 49–57.

[11] См.: Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2003. С. 221–224.

[12] См.: Явич Л.С. Сущность права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 176–177.

[13] См., напр.: Власенко Н.А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. № 3. С. 21–26; Баранов В.М., Сырых В.М. Законотворческие ошибки: понятие и типология // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст.: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 384–395; Матейкович М.С. Дефекты конституционно-правового регулирования в Российской Федерации // Государство и право. 2007. № 12. С. 15–21; Тихомиров Ю.А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 34–46; Туранин В.Ю. Типология ошибок использования юридической терминологии в российском законодательстве // Российская юстиция. 2009. № 8. С. 12–14; Жильцов М.А. Структурные дефекты трудового права // Lex Russica. 2011. № 4. С. 668–675; Хабибуллина Г.Р., Загидуллин Р.И. Дефекты законодательных актов субъектов Российской Федерации в сфере наделения органов местного самоуправления отдельными государственными

Притом что нет, пожалуй, такого исследователя, который бы в той или иной мере не рассматривал в своих работах те или иные недостатки правового регулирования, в современной правовой науке отсутствует общепризнанный подход к пониманию такого правового явления, каким выступает дефект, не выработана сколько-нибудь упорядоченная классификация правовых дефектов. Одним словом, правовая дефектология еще не сложилась в единую целостную научную теорию. Таким образом, имеет смысл остановиться на существующих в современных исследованиях подходах к пониманию феномена правового дефекта.

С.А. Авакьян обращает внимание на то, что в определенной мере дефектом правового регулирования может считаться пробел в праве, однако понятие первого существенно шире последнего, поскольку охватывает также выбор концепций и качество регулирования. При этом отмечается, что дефект может быть обнаружен в одних случаях при оценке модели регулирования, правового акта и его конкретных норм. Но бывает и так, что, казалось бы, идеально выбранная модель не срабатывает. В этом случае речь идет уже о дефекте правоприменения[1]. Позицию С.А. Авакьяна развивает Ж.И. Овсепян, подчеркивающая, что в широком смысле понятие правового дефекта более объемно в сравнении с понятием пробела в праве, поскольку последний является только одним из видов правовых дефектов, одним из проявлений несовершенства права; в то же время в своем узком значении правовой дефект есть только одна из разновидностей правовых пробелов, возникающая как результат ущербности законодательной техники[2]. К этой же

полномочиями (на примере Приволжского федерального округа) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 62–64; Пронина М.П. Правотворческие ошибки при создании презумпций в российском праве // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 421–425; Соколова М.А. К вопросу о понятии дефекта юридического документа // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1054–1060; Андреев Д.С. Процедурные дефекты административно-правовых актов // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 81–92; и др.

[1] См.: Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 3.

[2] См.: Овсепян Ж.И. Пробелы и дефекты как категории конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 15. С. 71.

группе взглядов следует отнести подход, согласно которому в узком смысле термин «правовой дефект» используется для обозначения разновидности правовых пробелов, которые имеют субъективную природу (или реальные пробелы, свидетельствующие об ущербности, недостаточности законодательной деятельности); в широком смысле его значение шире пробелов и коллизий и должно охватывать также выбор концепций и качество регулирования и правоприменения[1].

Последовательно размежевывает широкое и узкое понимание правового дефекта М.С. Матейкович, который исходит из того, что в широком значении это состояние норм, при котором урегулирование общественных отношений нарушает оптимальный баланс интересов людей, общества, государства, а в узком – ущербность юридических норм, вследствие чего закрепляемое ими правило поведения становится трудноприменимым или неприменимым[2]. Схожая позиция высказывается также некоторыми другими авторами, отмечающими, что понятие правового дефекта охватывает многочисленные правовые явления от недостатков системы права и законодательства логико-структурного свойства до их рассмотрения в качестве состояния правовых норм, при котором регулирование общественных отношений нарушает оптимальный баланс интересов общества, государства[3].

К правовым дефектам также относят регулятивные просчеты и недостатки в виде некачественных нормативных структур (норм, их отдельных частей), которые противоречат социальной нормативности и изнутри разрушают и понижают регулятивный потенциал и социальную

---

[1] См., напр.: Сергевнин С.Л. Отдельные проблемы конституционно-правового регулирования в контексте общетеоретических проблем пробелов и дефектов // Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения: Материалы междунар. науч. конф. МГУ 28–31 марта 2007 г. / под ред. проф. С.А. Авакьяна. М., 2008. С. 73–78.

[2] См.: Матейкович М.С. Указ. соч. С. 15.

[3] См.: Цыбуляк С.И. Дефекты конституционно-правового регулирования избирательных отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 7.

ценность объективного права[1]. Рассматриваемая категория, кроме того, определяется через отсутствие либо ущербность необходимого элемента, замену одного элемента другим, менее подходящим; изъян, препятствующий эффективному использованию данного предмета по назначению или успешному завершению процесса; отсутствие необходимого свойства, недочет[2]. Дается и более узкое определение дефекта в праве, в рамках которого он представляется недостатком юридической формы и содержания действующего права, нормативно-правовых актов и иных юридических документов, юридических фактов и правоотношений, наличие которого препятствует эффективной реализации и применению норм права, а также достижению целей правового регулирования[3].

Если предыдущие исследователи исходили из того, что правовые дефекты, вызывающие неопределенность в праве, – явления безусловно негативные, отрицательно влияющие на правовую систему, то в последнее время в юридической литературе стали появляться научные публикации, в которых предлагается концептуально иной подход к неопределенности в праве. Так, Н.А. Власенко указывает, что неопределенность выступает неотъемлемым свойством права, имеющим не только негативное, но и позитивное значение. Правовая неопределенность в ее отрицательном значении – выражение несовершенства права, дефект выражения воли при правообразовании и правоприменении, элемент правовой несогласованности, который может найти свое отражение при любой форме и на любой стадии правообразования и правореализации. Таким образом,

---

[1] См.: Макарова Т.И. Дефекты экологического права: постановка проблемы // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Семенкова. Минск, 2011. Вып. 7. С. 402–408; Погодин А.В. Дефекты объективного права // Российское право в Интернете. 2010. [электронный ресурс]: http://www.rpi.msal.ru/prints/201004_14pogodin.html (дата обращения: 10 января 2017 г.).

[2] См.: Баранов В.М., Мушинский М.А. Мониторинг дефектности нормативных правовых актов // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 82.

[3] См.: Суслова Н.В. Дефекты в российском праве: постановка проблемы, научные подходы, понятие // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 38.

рассматривая несовершенство права в контексте правовой неопределенности, Н.А. Власенко ставит знак тождества между правовым дефектом и неопределенностью в праве в ее отрицательном значении. Не формулируя понятия правового дефекта, он преимущественно исследует именно дефекты правовой системы, определяя их как нарушения, деформации логико-структурного построения и развития системы права и ее элементов, в том числе нормативных актов[1]. У Н.А. Власенко также есть последователи, которые анализируют различные правовые дефекты в контексте правовой неопределенности. Но если он отождествляет несовершенство правового регулирования исключительно с правовой неопределенностью в ее отрицательном значении, то они, вставая на традиционную позицию, утверждают, что правовая неопределенность всегда есть несовершенство права[2], т.е. правовой дефект.

Из общетеоретических исследований последнего времени отдельно следует остановиться на результатах исследований И.П. Кожокаря, в рамках которых научно-познавательный акцент был сделан на технико-юридических правовых дефектах. Под ними автор понимает недостатки (несоответствие стандарту качества) социальной значимости, содержания, внешней формы и структуры норм права, а также содержащих эти нормы нормативно-правовых актов, которые приводят к снижению эффективности, неэффективности либо антиэффективности нормативно-правового регулирования общественных отношений.

При этом, по мнению И.П. Кожокаря, понятие «правовые дефекты» значительно шире понятия «технико-юридические дефекты» и охватывает

---

[1] См.: Власенко Н.А. Логико-структурные дефекты системы советского законодательства. С. 18–29; Он же. Неопределенность в праве: понятие и пути исследования // Российское правосудие. 2006. № 7. С. 4–7; Он же. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 32–44; Власенко Н.А., Назаренко Т.Н. Неопределенность в праве: понятие и формы // Государство и право. 2007. С. 5–12.

[2] См.: Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 171 с.

собой правовые процедурные дефекты, дефекты правоотношений, дефекты юридических фактов, дефекты правоприменения, дефекты правосознания и другие дефекты правовых явлений. Технико-юридические дефекты находятся в одном категориальном ряду с понятиями «качества права» и «эффективность права». Автор исходит из того, что дальнейшее формирование правовой дефектологии возможно только при параллельной разработке теории правового качества и правовой эффективности.

Классифицируя рассматриваемые правовые дефекты, И.П. Кожокарь сущностно противопоставляет пробелы в праве и правовые коллизии, являющиеся непосредственным предметом настоящего исследования. Первые он определяет как содержательные (сущностные) технико-юридические дефекты, подчеркивая в них нарушения полноты и структурированности нормативно-правового материала. Вторые признает дефектами нормативно-правовых связей. Одновременно он выделяет третий вид правовых дефектов – формально-логические, к числу которых относится правовая неопределенность[1].

Представленный подход, несомненно, заслуживает внимания. Вместе с тем необходимо указать на то, что он основывается на необоснованно широком понимании юридической техники и неоправданном сужении значения формальной логики в праве и юриспруденции.

Так, И.П. Кожокарь признает пробелы в праве и правовые коллизии исключительно технико-юридическими дефектами. При этом сама юридическая техника и ее значение не являются предметом его исследования. Вместе с тем безоговорочность данного суждения вызывает существенные возражения.

Так, юридическая техника в современной отечественной юриспруденции не имеет общепризнанного понимания. Например, В.М. Баранов определяет ее как систему профессиональных юридических

[1] См.: Кожокарь И.П. Технико-юридические дефекты в российском праве: дис. … д-ра юрид. наук. С. 8–12.

правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания[1]. Другие исследователи видят в ней совокупность методов, принципов, средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при подготовке и систематизации правовых актов, в первую очередь нормативных, для обеспечения их совершенствования[2]. Третьи выделяют в юридической технике два аспекта: 1) систему научных знаний о том, как осуществлять правотворчество и правоприменение; 2) систему практических навыков составления правовых актов, прежде всего нормативных, и их реализации[3].

Вместе с тем нельзя не согласиться с родоначальником учения о юридической технике Р. фон Иерингом, который еще во второй половине XIX века подчеркивал, что действие юридической техники может быть сведено к двум главным целям: 1) постижение права; 2) его применение к конкретному случаю[4]. Справедливо и суждение акад. Т.Я. Хабриевой о том, что недостаточное качество современного российского законодательства связано чаще всего и главным образом с несоблюдением правил законотворческой техники. При этом автор подчеркивает, что ее нельзя сводить только к формальному структурированию текста, к использованию тех или иных лексических единиц, у нее есть фундаментальные требования – требования выбора предмета правового

---

[1] См.: Юридическая техника: учебник / под ред. В.М. Баранова. М.: Проспект, 2021. С. 38.

[2] См.: Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014. С. 5.

[3] См.: Томин В.А. Юридическая техника: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. С. 4.

[4] См.: Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб.: Типо-лит. А.Г. Розена, 1905. С. 20–21.

регулирования, выбора оптимальных средств правового воздействия[1]. Следует подчеркнуть, что исследования в области юридической техники проводились еще античными авторами (Платоном, Аристотелем и др.), а также ведущими социальными философами Нового времени (Ф. Бэконом, Т. Гоббсом, Дж. Локком, Ш.-Л. Монтескье, И. Бентамом и др.).

Однако сводить обстоятельства возникновения пробелов в праве, правовых коллизий и правовой неопределенности исключительно к нарушению требований юридической техники не представляется возможным. Несмотря на всю их значимость для формирования и применения правовых массивов, нельзя забывать о том, что указанные правовые дефекты могут быть следствием реализации осознанной правовой политики. Не вызывает сомнения, что в XXI веке основой регулирования общественных отношений является право, которое образует фундамент развития всех сфер общественной жизни. И именно правовая политика определяет механизм его формирования и реализации. Она устанавливает вектор развития самого права, экономики, социальной и духовной сфер, функционирования государства на международной арене. Правовая политика, таким образом, упорядочивает общественные процессы, повышает и совершенствует организованность общественного развития. Необходимость учитывать обстоятельства, вытекающие из сложившейся правовой политики, при исследовании правовых дефектов связана с практической потребностью в знании процессов в сфере правового регулирования всех сторон общественного развития в современных условиях, когда именно с правом связывается возможность усовершенствования нашего общества и практического, а не декларативного, создания эффективно функционирующего правового государства[2].

---

[1] См.: Отчет о состоянии российского законодательства в 2014 году. М.: Издание Государственной Думы, 2014. С. 68.

[2] См., напр.: Краснов Ю.К. Правовая политика России на современном этапе. М.: Прометей, 2019. 393 с.

Таким образом, исключительный акцент на юридической технике и игнорирование правовой политики в контексте возникновения таких правовых дефектов, как пробелы в праве, правовые коллизии и правовая неопределенность, не позволяют в полной мере раскрыть их сущность и сформировать эффективный механизм противодействия им.

Конечно, сложно возразить И.П. Кожокарю в том, что правовые дефекты — это результат несоответствия стандартам качества правового регулирования. Однако определение таких стандартов есть самостоятельная и очень сложная научно-познавательная задача, которая остается нерешенной до настоящего времени. Более того, ее постановка только осуществляется в последние годы. В свою очередь, развитие юридической дефектологии идет параллельно с этим процессом и не может всецело зависеть от определения указанных стандартов, тем более что стандартизация права выступает одним из направлений совершенствования юридической техники. В то же время, как было отмечено выше, возникновение правовых дефектов является результатом не только отступления от ее требований.

Относя пробелы в праве к содержательным (сущностным) дефектам, правовые коллизии – к нарушениям нормативно-правовых связей, а правовую неопределенность – к формально-логическим дефектам И.П. Кожокарь не учитывает, что (1) пробелы в праве так же, как и правовые коллизии, свидетельствуют о несовершенстве нормативно-правовых связей; (2) в свою очередь, правовые коллизии наряду с пробелами в праве – это результат нарушения полноты и структурированности нормативно-правового материала; (3) одновременно правовая неопределенность, помимо прочего, есть результат пробелов в праве и правовых коллизий. Таким образом, и пробелы в праве, и правовые коллизии, и правовая неопределенность должны рассматриваться в качестве отступлений от формальной логики в процессе формирования и реализации права, что в итоге влечет его неполноту и противоречивость.

Общетеоретические рассуждения о природе и характере правовых дефектов находят как свои истоки, так и свое отражение на уровне отдельных отраслевых юридических наук.

Наибольшую активность в этом направлении проявляют представители конституционно-правовой науки, рассматривающие соответствующие проблемы в контексте действия Конституции РФ[1]. При этом наибольшее внимание уделяется конституционно-правовым пробелам.

В рамках цивилистической науки был проявлен интерес к дефектам нормативной подсистемы механизма гражданско-правового регулирования, под которыми прежде всего понимались нарушения принципов, требований и правил правотворчества[2].

В исследованиях, проведенных в отношении механизма правового регулирования трудовых отношений, дефекты трудового права рассматривались в качестве недостатков, противоречий, несовершенства трудоправовых норм и трудоправовых конструкций, которые приводят к проблемам правоприменения, нарушению трудовых прав и законных интересов субъектов трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. При этом применительно именно к ним впервые были обозначены сущностные признаки правовых дефектов: 1) дефекты трудового права – это недостатки, изъяны, несовершенство норм трудового права, а также трудоправовых конструкций; 2) они появляются в результате деятельности нормотворческих органов по принятию, изменению, отмене норм трудового права, а также в результате деятельности высших судебных органов, когда законодательные акты признаются противоречащими Конституции РФ, а подзаконные – законодательству; 3) такие недостатки,

---

[1] См., напр.: Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения. С. 3–12; Овсепян Ж.И. Указ. соч. С. 69–76; Сергевнин С.Л. Указ. соч. С. 73–78; Матейкович М.С. Указ. соч. С. 14–22; Цыбуляк С.И. Указ. соч.; Кондрашев А.А. Пробелы в Конституции России: понятие, классификация и отграничение от смежных явлений // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 20–37; и др.

[2] См.: Кожокарь И.П. Аксиологические дефекты нормативной подсистемы механизма гражданско-правового регулирования // Право и экономика. 2016. № 8. С. 4–8.

изъяны, несовершенство влекут или могут повлечь нарушение прав и законных интересов субъектов трудового права[1].

Неоднократно к проблематике правовых дефектов обращались представители науки экологического права[2]. В этих работах отмечается, что дефекты права и способы их преодоления должны рассматриваться не только с формальной, но и с сущностной позиции, т.е. путем познания самой природы права как общесоциального регулятора[3]. Также отмечается наличие неопределенности в экологическом праве и соответствующем законодательстве в контексте исследования проблем и направлений правотворческой и правореализационной деятельности в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования[4].

Приведя наиболее распространенные как на общетеоретическом, так и отраслевом уровнях подходы к пониманию правового дефекта, необходимо остановиться на тех признаках, образующих данное понятие, которые представляются обоснованными, но главное – на тех, которые нуждаются в дальнейшем уточнении и развитии.

Во-первых, представляется бесспорным, что правовые дефекты представляют собой недостатки, изъяны, несовершенство норм права, правовых режимов и правовых статусов, правовых конструкций, актов возникновения, осуществления, защиты прав, правоприменительных актов и т.п. Обобщая, можно говорить о том, что правовые дефекты –

---

[1] См.: Жильцов М.А. Дефекты трудового права и способы их преодоления: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 10, 28.

[2] См., напр.: Игнатьева И.А. Экологическое законодательство России и проблемы его развития. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 127–141; Бринчук М.М. Концепция развития экологического законодательства Российской Федерации. СПб.: Юрид. ин-т, 2009. С. 19–20; Боголюбов С.А. Правотворчество в сфере экологии. М.: Эксмо, 2010. С. 42–50; Макарова Т.И. Указ. соч.; Васильева М.И. Правовое обеспечение экологической политики. Приоритетные направления. М.: Ин-т устойчивого развития Обществ. палаты РФ, 2011. С. 23, 68; Хлуденева Н.И. Указ. соч.; Рафалюк Е.Е., Власенко В.Н. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды // Журнал российского права. 2014. № 9. С. 150–153; и др.

[3] См.: Макарова Т.И. Указ. соч. С. 403.

[4] См.: Боголюбов С.А. Указ. соч. С. 42–50.

это недостатки, изъяны, несовершенство как самих норм права, так и актов правообразования и правореализации. Во-вторых, такие недостатки, изъяны, несовершенство влекут или могут повлечь нарушение прав, свобод и законных интересов субъектов права, а также иные последствия, имеющие негативный характер для них.

Здесь сразу необходимо оговориться, что прямые нарушения не могут рассматриваться в качестве дефекта. Правонарушения и правовые дефекты нуждаются в размежевании. Нарушение чего-либо предполагает применение санкции, сам факт установления которой означает, что нарушение предвидится и есть меры по его недопущению. При возникновении и выявлении правового дефекта о применении санкции (привлечении к ответственности) речи не идет. Возможность конкретного правового дефекта не предвидится, а меры, направленные на устранение и преодоление правовых дефектов, носят общий характер, т.е. в своей совокупности должны и могут применяться к неопределенному кругу обстоятельств. При этом они не носят очевидно негативный характер для конкретного лица – «виновника» правового дефекта.

Вместе с тем между правонарушениями и правовыми дефектами существует общая черта – субъективный характер, выражающийся в том, что как правонарушение представляет собой результат человеческой деятельности, так и правовой дефект может им быть.

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что значительная доля материальных и нематериальных благ созданы человеком, выступают результатом его деятельности. Следовательно, их недостатки обусловлены главным образом недочетами или сознательными допущениями, имеющими место в ходе осуществления такой деятельности. Таким образом, дефект как результат человеческой деятельности, каковыми являются и правообразование и правореализация, есть изъян, допущенный намеренно или без умысла в процессе осуществления такой деятельности, приведший к созданию некачественного продукта, а также изъян, возникший намеренно

или без умысла в процессе последующего его использования. Дефект, присущий результату человеческой деятельности может (1) быть заложен изначально в процессе его создания или (2) возникнуть уже в процессе его использования.

Разделяя тезис И. Канта о том, что право есть самое святое у Бога на земле[1], очевидным следует признать также то, что всякое внешнее выражение права есть результат деятельности человека. При этом в качестве примера правового дефекта, заложенного изначально, традиционно приводится конституционное предписание, закрепленное в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ[2], провозглашающее право на квалифицированную юридическую помощь. Но ни данная норма, ни обеспечивающие ее законодательные положения не уточняют, какие именно субъекты вправе оказывать такую помощь. Это приводит к тому, что юридическая помощь оказывается не только адвокатами, но и лицами, не имеющими достаточных юридических знаний, а порой и юридического образования вообще[3]. Как пример второго случая, когда правовой дефект возникает в процессе использования результата человеческой деятельности, в юридической литературе приводится применение ст. 40 Конституции РФ, провозглашающей право каждого на жилище. С точки зрения юридической техники данная конституционная норма, а также обеспечивающие ее нормы жилищного законодательства достаточно проработаны. Но на практике они неэффективны: это связано с недостаточностью бюджетных средств, ограниченностью государственного и муниципального жилищного фонда,

---

[1] См.: Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М.: Инфра-М, 2015. С. 7–8.

[2] Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

[3] См., напр.: Соколова М.А. Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи: проблемы правовой регламентации // Конституционное право гражданина на получение квалифицированной (бесплатной) юридической помощи: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции РФ. М.: Российская академия адвокатуры и нотариата, 2014. С. 87; Она же. Дефекты юридических документов: монография. М.: Юриспруденция, 2016. С. 16.

правовым нигилизмом и безграмотностью граждан. Все это ведет к тому, что далеко не все граждане реализуют свое право на жилище[1].

Как видно из приведенных подходов к определению правовых дефектов, подавляющее большинство исследователей указывают на то, что следствием таких дефектов является неэффективность правовой системы в целом или отдельного его элемента. Казалось бы, этот признак очевиден. Наличие дефекта есть недостаток в качестве. В свою очередь, недостаточное качество результата человеческой деятельности влечет его неэффективность. Однако очевидное, казалось бы, умозаключение не представляется обоснованным. Действительно, отдельные правовые дефекты могут иметь позитивные последствия, способствуя развитию и совершенствованию правовой системы. В подтверждение последнего тезиса хотелось бы привести один исторический пример.

Общее место исполнения всех обязательств по римскому праву – Рим либо место, в котором может быть предъявлен иск, т.е., как правило, место жительства должника[2]. Кодекс Наполеона 1804 года[3] и иные кодифицированные акты того периода не содержат в себе норм, принципиально изменяющих данное правило. Однако Германское гражданское уложение (нем. *Bürgerliches Gesetzbuch, BGB*)[4] в § 269, 270 предполагает разделение места исполнения натурального обязательства (место жительства / местонахождение должника) и места исполнения денежного обязательства (место жительства / местонахождение кредитора). Это положение должно было быть заимствовано Гражданским уложением Российской империи, но было включено уже в первый Гражданский кодекс

---

[1] См., напр.: Соколова М.А. Дефекты юридических документов: монография. С. 16.

[2] См., напр.: Дождев Д.В. Римское частное право. М.: Инфра-М, 1996. С. 202; Новицкий И.Б. Римское право. М.: ГЕИС, 2002. С. 123; Гарридо М.Х.Г. Римское частное право: казусы, иски, институты. М.: Статут, 2005. С. 331; и др.

[3] См.: Французский гражданский кодекс 1804 года. С позднейшими изменениями до 1939 года / пер. И.С. Перетерский. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 471 с.

[4] См.: Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). Ausfertigungsdatum: 18.08.1896. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html (дата обращения: 25 июля 2024 г.).

РСФСР (§ 113)[1] и в дальнейшем повторялось во всех последующих гражданских кодексах РСФСР и РФ[2].

Интересно, что такое отступление от общепринятого еще со времен римского права правила произошло в результате того, что, кредитуя германские государства, банкиры, главным образом Ротшильды, систематически вставляли в договоры займа условие о месте возврата долга, каковым признавалось местонахождение кредитора[3]. Допущенное германским законодателем отступление от общего правила можно и нужно считать дефектом, обусловленным частными интересами представителей финансового капитала, повлекшим нарушение интересов должников, а также породившим правовую неопределенность, в том числе на наднациональном уровне (поскольку возникла необходимость в разрешении интернациональной коллизии, например между английской и российской, немецкой и французской правовыми системами). Однако возникшая правовая неопределенность потребовала научного осмысления, что дало дополнительный импульс развитию как немецкой, так и российской юриспруденции[4].

Принимая во внимание сказанное, следует согласиться с Н.А. Власенко в той части, в которой он прослеживает взаимосвязь между несовершенством права (правовыми дефектами) и правовой неопределенностью. Однако целиком его концепция принята быть не может. Отмеченная им взаимосвязь между правовой неопределенностью и правовыми дефектами не столь безусловна. С ним следует согласиться в том, что сама неопределенность есть

---

[1] Гражданский кодекс РСФСР (1922 года): Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М.: Госюриздат, 1950. С. 58.

[2] Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] См., напр.: Фрид А. Ротшильды: история семьи. М.: Феникс, 2012. С. 51.

[4] См., напр.: Шапп Я. Система германского гражданского права. М.: Междунар. отношения, 2006. С. 63; Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999. С. 104, 285;

естественное свойство права. Более того, это свойство, которое, как правило, вытекает не только из человеческого поведения, но и из существа предмета правового регулирования – конкретных общественных отношений. В конечном итоге она способствует развитию правовой системы, приведению ее в соответствие с реальными социальными потребностями и интересами. При этом негативная неопределенность влечет неэффективность правового регулирования, а позитивная может способствовать совершенствованию правовой системы, но дефектность права сохраняется до тех пор, пока не будет устранена или/и преодолена. Таким образом, в том случае, когда правовая неопределенность имеет связь с предметом правового регулирования, следует говорить о ее объективной природе, в то же время правовые дефекты как результат человеческой деятельности, точнее недочеты, изъяны, неточности в ней, должны рассматриваться в качестве субъективности в праве.

В научном сообществе распространено мнение, согласно которому такие проявления правовой неопределенности, как правовые коллизии и пробелы в праве, признаются правовыми дефектами, отражением несовершенства права. С этой позицией нельзя согласиться. Как юридические коллизии, так и пробелы в праве могут иметь природу объективную, т.е. вытекать из существа образующих предмет правового регулирования общественных отношений, или субъективную. Именно в последнем случае мы и имеем дело с недочетами, неточностями, ошибками, изъянами при правообразовании и правореализации, т.е. как раз с правовыми дефектами.

Следует подчеркнуть, что правовая неопределенность, имеющая объективную природу, не должна отождествляться с правовой неопределенностью, имеющей позитивное значение, а правовая неопределенность, имеющая субъективную природу, – с правовой неопределенностью, имеющей негативное значение. При этом неэффективность правовой системы может быть обусловлена как

объективными, так и субъективными факторами. Также отдельные недочеты или даже намеренные отступления от логики правового регулирования, допущенные при правообразовании или правореализации, могут в некоторых случаях способствовать позитивным изменениям в правовой системе.

Подводя итог рассмотрению понятия правового дефекта, следует выделить ряд характерных черт, присущих данной правовой категории:

1) правовые дефекты представляют собой недостатки, изъяны, несовершенство норм права, правовых режимов и правовых статусов, правовых конструкций, актов возникновения, осуществления, защиты прав, правоприменительных актов, иных актов, опосредующих правообразование и правореализацию;

2) подобные недостатки и изъяны в праве, его несовершенство – это результат человеческой деятельности как предполагаемый, так и достигнутый случайно. Результат человеческой деятельности, расцениваемый в качестве правового дефекта, не должен был быть предусмотрен предшествующими правовыми нормами в качестве правонарушения и с его появлением не должны быть связаны санкции таких норм;

3) недостатки и изъяны в праве, его несовершенство имеют или могут иметь негативные последствия, которые выражаются в упразднении или ограничении субъективных прав, полном или частичном игнорировании свобод и интересов субъектов права;

4) правовые дефекты есть форма выражения несовершенства права, а их последствием служит правовая неопределенность. Эти свойства естественны для права и необходимы для его развития. Если правовой дефект успешно устранен и/или преодолен и при этом было обеспечено совершенствование структуры права и развитие правовой мысли, то допустимо говорить о позитивном значении правового дефекта. Если же на правовой дефект не было соответствующей реакции, что повлекло неэффективность правового регулирования и/или правовой охраны,

то обоснованным представляется его негативное воздействие применительно к праву в целом или к отдельному его элементу.

В рамках формирования теории правовых дефектов необходимо рассмотрение не только их понятия, но и классификации, отражающей дифференциацию таких дефектов в зависимости от различных обстоятельств (факторов). Разнообразие обстоятельств, определяющих дифференциацию правовых дефектов, влечет их разветвленную классификацию по различным основаниям (признакам), которая не может быть полностью охвачена в рамках настоящего исследования. Однако принципиальное значение для него имеет такое основание классификации, как характер обстоятельств возникновения конкретного правового дефекта. В зависимости от него в юридической литературе предлагаются различные варианты распределения правовых дефектов по видам.

Так, применительно к конституционно-правовым дефектам С.А. Авакьян выделяет (1) дефекты идеи, (2) дефекты разработки, (3) дефекты правоприменения[1]. Очевидно, что приведенная классификация не отличается полнотой и единством основания. Почему выделяются дефекты идеи и не выделяются аксиологические дефекты? Почему рассматриваются дефекты разработки, но не говорится о дефектах принятия? Почему из всех форм реализации права указывается только одна – правоприменение? Признавая несовершенство предложенной классификации, следует подчеркнуть, что она была первой, до этого проблематика классификации правовых дефектов не поднималась.

Более обоснованной представляется классификация дефектов нормативной подсистемы механизма гражданско-правового регулирования, предложенная И.П. Кожокарем, включающая аксиологические, содержательные (смысловые) и юридико-технические дефекты[2]. Здесь уже

---

[1] См.: Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения. С. 41–45.

[2] См.: Кожокарь И.П. Аксиологические дефекты нормативной подсистемы механизма гражданско-правового регулирования.

очевидны как минимум три самостоятельных основания классификации правовых дефектов: 1) сфера возникновения дефекта – дефекты нормативной подсистемы; 2) отраслевая принадлежность дефекта – дефекты механизма гражданско-правового регулирования; 3) характер обстоятельств возникновения дефекта – аксиологические, содержательные (смысловые) и юридико-технические дефекты. При этом развернутая характеристика дается только последнему основанию, хотя и подобная классификация также не свободна от критики. Почему выделены в отдельную группу аксиологические дефекты, т.е. имеющие отношение к правовым ценностям, но не рассматриваются дефекты, связанные с правовыми принципами и правовыми идеями? Чем руководствовался автор, отождествляя содержание и смысл?

По мнению автора диссертации, в зависимости от характера обстоятельств возникновения правовых дефектов представляется более обоснованным выделение трех видов: 1) сущностные; 2) содержательные; 3) технические.

Сущностные правовые дефекты отражают несовершенство права в целом или отдельных его элементов в связи с противоречиями между правовыми принципами, идеями, ценностями. Как правило, они служат отражением несовершенства, бессистемности правовой политики. Именно они наиболее глубоко травмируют правовую материю, их устранение или преодоление связано с наибольшими трудностями, для этого требуется переосмысление самой правовой политики, что не всегда может быть успешно завершено.

Для собственно юридической науки наибольший интерес представляют содержательные дефекты, т.е. нарушения базовой юридической логики, представленные отдельными правовыми коллизиями и пробелами в праве, т.е. противоречиями и лакунами в самом правовом материале. Такие дефекты устраняются и преодолеваются с использованием собственно правовых средств. Иногда они служат продолжением сущностных и технических

дефектов, представая производными от них, что позволяет частично минимизировать отрицательное влияние последних при помощи тех же средств, которые были использованы для устранения и/или преодоления содержательных дефектов.

Следует подчеркнуть, что не всякие правовые коллизии и пробелы в праве могут и должны рассматриваться в качестве правовых дефектов. Правовые коллизии и пробелы в праве как выражение правовой неопределенности могут выступать в качестве правовых дефектов, исключительно будучи субъективными по своему генезису, т.е. являясь результатом человеческой деятельности. Если правовая коллизия или пробел в праве возникли как следствие объективных факторов, отражающих специфику предмета и метода правового регулирования, то правовым дефектом признаваться они не могут. Например, не могут рассматриваться в качестве правового дефекта интернациональные коллизии (коллизии по международному частному праву), поскольку в их основе лежит объективная причина – ограниченность действия национальной правовой системы в пространстве и по кругу лиц.

Понятие «технические дефекты в праве» объединяет все те недостатки в правовом регулировании, которые обусловлены отступлениями от правил юридической техники.

В рамках юриспруденции наибольший интерес представляют содержательные правовые дефекты, что обусловлено следующими обстоятельствами: 1) если сущностные и технические дефекты требуют своего устранения, то содержательные дефекты могут быть не только устранены, но и преодолены; более того, в ряде случаев правовая система может функционировать эффективно только при сохранении содержательных правовых дефектов, если параллельно действуют механизмы их преодоления; 2) средства (механизмы) устранения и преодоления содержательных правовых дефектов носят исключительно правовой характер, в то время как для устранения сущностных и технических

дефектов могут потребоваться познания в иных областях знаний (философии, логики, социологии, филологии и т.п.).

Специфика российской правовой системы состоит в том, что ключевое место в ней занимает законодательство. Следовательно, наибольший научный интерес должны составлять его содержательные дефекты. Здесь также необходимо подчеркнуть, что законодательство – это результат человеческой деятельности. Следовательно, все коллизии и пробелы в нем имеют субъективную природу и, таким образом, составляют основную долю содержательных правовых дефектов.

§ 1.2. Современное законодательство как сфера возникновения правовых дефектов и системный подход как методологическая основа их недопущения и преодоления

Понятие содержательного дефекта законодательства должно стать одним из ведущих в современной юридической науке. Теоретическая значимость его формулирования состоит в том, что оно должно дополнить понятийно-категориальный аппарат юриспруденции, способствовать раскрытию сущности данного явления, пониманию его природы, его разграничению со смежными понятиями. Практическая значимость заключается в том, что на основании сформулированного определения, понимая, что представляет собой содержательный дефект законодательства, можно предложить эффективные меры по предупреждению, выявлению, устранению и преодолению таких дефектов. Только зная, с чем бороться, можно подобрать оптимальные способы и методы, формы и средства противодействия негативным явлениям и процессам в праве. При этом рассмотрение содержания современного законодательства и его дефектов целесообразно начать с такой базовой категории, каковой является закон.

В правовых системах, уходящих своими корнями в континентальную (романо-германскую) правовую традицию, закон выступает основным

регулятором общественных отношений. Именно на его основе осуществляется координация различных социальных интересов. Именно он является гарантом прав и свобод человека и гражданина, служит важнейшим средством трансформации социально-экономической системы, в то же время обеспечивая стабильность и устойчивость общественной жизни. Через него происходит закрепление институциональной основы общества. В результате именно закон занимает ведущее место в системе источников права, поскольку его юридическая сила определяет ее развитие. Сказанное в полной мере относится и к российской правовой системе, которая в момент своего зарождения (в первой половине 90-х годов прошлого века) избрала именно закон в качестве своей основы.

Такие понятия, как закон и законодательство, являются одними из самых используемых как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Вместе с тем их содержание постоянно выступает предметом научной полемики, которая в зависимости от внешних обстоятельств то затихает, то разгорается вновь. В современной истории она впервые активизировалась в момент зарождения российской правовой системы и принятия действующей Конституции РФ, т.е. тогда, когда произошел отказ от советской модели права[1]. Ее новый этап обусловлен принятием в течение последних десяти лет ряда федеральных законов, которые носят не собственно нормативный (адресованный неопределенному кругу лиц), а индивидуальный характер[2].

Современные российские исследователи сходятся в том, что закон – это в первую очередь нормативно-правовой акт, исходящий от законодательных (представительных) органов государственной власти

[1] См., напр.: Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. 146 с.; Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства: проблемы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов,1993. 32 с.; и др.

[2] См.: Власенко Н.А. Индивидуализация как закономерность развития современного российского законодательства // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 11–17.

или принимаемый непосредственно народом путем прямого волеизъявления (референдума/плебисцита) в соответствии с действующими требованиями законотворческой процедуры, выражающий общую государственную волю, регулирующий наиболее важные общественные отношения, содержащий правовые нормы, которые формируют в пределах действия закона в определенном пространстве, времени и по кругу лиц общие модели поведения участников правоотношений, и обладающий высшей юридической силой во всей системе нормативных актов[1].

Традиционно понятие закона раскрывается через систему признаков, характеризующих его как высший нормативный правовой акт. Среди них можно назвать следующие: цель создания, заключающаяся в регулировании наиболее важных общественных отношений; особые форма, структура и порядок принятия компетентными органами (непосредственно населением); высшая юридическая сила и прямое действие в пределах территории деятельности принявшего его органа; первичность, стабильность, устойчивость, прогностический характер; длительность существования и действия[2].

Цель каждого закона состоит в предоставлении его адресатам полноценного, непротиворечивого и понятного регулирования конкретной группы общественных отношений и в особенности регламентации их поведения, т.е. определении или установлении их прав и обязанностей. С учетом конкретной проблематики закон должен искать средства и пути наиболее стабильного решения задачи упорядочения общественных отношений, которое будет иметь как можно меньше нежелательных побочных

---

[1] См., напр.: Теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М.: Юристъ, 2001. С. 217; Проблемы общей теории права и государства: учебник / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2001. С. 273; Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 214; Бошно С.В. Закон в системе нормативных правовых актов современной России // Научные труды. Вып. 5: в 3 т. Т. 1. М.: РАЮН, 2005. С. 40; Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. С. 161; и др.

[2] См., напр.: Бошно С.В. Указ. соч. С. 40–45; Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты: учеб.-практ. и справ. пособие. М.: Юринформцентр, 1999. С. 81–82; и др.

последствий и устанавливать экономически наиболее целесообразное соотношение между целью и средствами правового регулирования. В зарубежной литературе в этом случае обычно приводятся примеры гармонизации интересов, связанных с охраной окружающей среды и экономическим развитием[1], либо интересов предпринимателей и работников[2].

Структура закона представляет собой его внутреннее построение, обеспечивающее последовательность и логичность его составляющих частей. Обязательными элементами структуры закона являются (1) указание самой формы акта, в которую он облекается, т.е. указание на то, что данный нормативный правовой акт является законом; (2) указание органа государственной власти, его принявший; (3) наименование закона, которое позволяет определить круг регулируемых общественных отношений; (4) преамбула (вводная часть) закона; (5) нормативное содержание закона, постановляющее предписания, содержащие в себе дозволения, позитивные обязывания и/или запреты, для удобства практического использования подразделяемое на части, разделы, главы, статьи, пункты и пр.; (6) меры поощрения, контроля, ответственности, порядок разрешения споров; (7) указания об отмене, изменении или дополнении тех или иных предшествующих законодательных или подзаконных актов (полностью или в части) в связи с принятием нового закона; (8) место и время принятия (издания), опубликования закона и вступления его в силу; (9) подписи должностных лиц, удостоверяющие принятие закона[3].

Функционирование каждого закона в отдельности и законодательства в целом неразрывно связано с реализацией такого принципа, как законность,

---

[1] См., напр.: Coase R.H. The Problem of Social Cost // J. L. & Econ. 1960. Vol. 3. P. 1, 15–19.

[2] См., напр.: Calabresi G. Some Thoughts on Risk Distribution and the Law of Torts // Yale Law Journal. 1961. № 70. P. 499–553.

[3] См., напр.: Законодательная техника: науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Городец, 2000. С. 104–106.

которая является одной из ключевых правовых категорий современности. Как справедливо указывает Д.А. Керимов, «реализацию законов на основе требований законности нельзя себе представить при отсутствии самих законов, равно как и законодательная деятельность потеряла бы какой-либо смысл, если бы созданные в результате этой деятельности законы не реализовывались в жизнь»[1]. Законы и принятые в соответствии с ними подзаконные акты в своей совокупности образуют основу законности, но не тождественны ей и не являются ее элементами. Реализация рассматриваемого принципа предполагает соответствие самих законов уровню экономического развития страны, реальным ресурсам государства и основывается на таком распределении доходов и расходов между различными уровнями власти, которое бы позволяло обеспечить надлежащее исполнение всеми органами государственной власти и местного самоуправления возложенных на них обязанностей и функций.

Требования законности распространяются и на другие стороны законодательной деятельности: установление верховенства закона в правовой системе, последовательное соподчинение правовых актов по их юридической силе и сфере реализации, своевременность принятия новых нормативных правовых актов, изменение, уточнение и отмена действующих и т.п. Многие из названных требований находят свое выражение в самих законах. Однако тесная связь законотворчества, закона и законности как явлений близких и взаимообусловленных тем не менее не позволяет их отождествлять. Применительно к проблематике содержания законодательства ключевое значение имеет такое требование законности, как подразделение законов по их юридической силе и сфере применения, т.е. установление их соподчиненности между собой. Только такой подход способен обеспечить формирование и функционирование полной и слаженной системы законов, не допуская повторений и избегая пробелов.

---

[1] Керимов Д.А. Методология права. М.: Аванта+, 2000. С. 493.

По общему правилу содержание законодательства составляют те правовые нормы, которые нашли свое закрепление в различных законах (нормативных правовых актах), через которые объективируются внутренние содержательные и структурные характеристики права. Таким образом, законодательство выступает внешним выражением права, которое получает свое реальное бытие именно в четких, формально-определенных актах, имеющих форму документов. Вместе с тем совпадение между содержанием права и содержанием законодательства в пределах от отдельной нормы до права в целом не абсолютно. В этих границах они существуют самостоятельно, так как обладают спецификой, имеют собственные тенденции развития. Содержание законодательства складывается в результате издания правовых норм, закрепления их в официальных актах и систематизации этих актов. В связи с этим законодательство имеет сложную структуру.

Особенностями предмета и метода правового регулирования, т.е. фактическими общественными отношениями и спецификой правового воздействия на них, определяется горизонтальное (отраслевое) строение законодательства. На основе этого критерия в содержании законодательства вычленяются отрасли и институты. Они могут соответствовать отраслям и институтам права (гражданское право – гражданское законодательство; уголовное право – уголовное законодательство; трудовое право – трудовое законодательство; и т.д.) либо иметь иной генезис, представляя собой комплексные образования (банковское законодательство, страховое законодательство, таможенное законодательство, законодательство о социальном обеспечении и т.п.). Следует отметить, что впервые комплексные правовые образования были выделены В.К. Райхером во второй половине 40-х годов прошлого века[1]. Вновь вопросы о комплексных образованиях в праве, а также о соотношении права и законодательства были

[1] См.: Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 282 с.

подняты в начале 1980-х годов, когда комплексные отрасли и институты законодательства стали общепризнанными[1]. Достаточно широко проблематика комплексных отраслей и институтов законодательства исследовалась в 90-е годы прошлого века[2] и в первые годы текущего[3].

Иерархия субъектов нормотворчества отражается в вертикальном (иерархическом) строении законодательства. Однако здесь нельзя говорить о единстве не только доктринальных подходов, но и законодательной позиции. В этом контексте в юридической литературе выделяют как минимум два подхода к содержанию законодательства: узкий и широкий. Первый предполагает, что законодательство образует исключительно совокупность законов. Подзаконные акты находятся вне понятия «законодательство». Широкий подход состоит в том, что содержательно законодательство включает в себя все нормативные правовые акты, образующие единую систему, имеющую стройную иерархичную структуру.

Указанная дискуссия началась еще в советский период. Так, С.С. Алексеев определял законодательство как всю совокупность нормативных юридических актов, действующих в конкретной стране, образующих единую цельную систему, которая обычно именуется системой законодательства[4]. В целом этот подход разделяли и другие исследователи[5]. В настоящее время также высказываются схожие позиции. Например, Н.А. Власенко определяет систему законодательства как дифференцированную систему нормативных правовых актов, основанную

---

[1] См.: Система советского права и перспективы ее развития: круглый стол журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1982. № 6. С. 3–18.

[2] См., напр.: Козырин А.Н. Правовое регулирование таможенно-тарифного механизма: сравнительно-правовое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 21–43; Емельянов А.С. Правовая основа обязательного государственного страхования (на примере органов внутренних дел): дис. … канд. юрид. наук. М., 1998. С. 15–32; и др.

[3] См., напр.: Милушин М.И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.

[4] См.: Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1981. С. 214.

[5] См., напр.: Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М.: Наука, 1979. С. 4; Лившиц Р.З. Теория права. М.: БЕК, 1994. С. 112; и др.

на принципах субординации и скоординированности ее структурных компонентов[1]. Таким образом, в рамках широкого подхода еще с советского периода развития отечественной юриспруденции законодательство рассматривается как форма существования правовых норм, средство придания им определенности и объективации, их систематизации в составе конкретного нормативного правового акта и системы таких актов.

Если перечисленные выше авторы рассматривали законодательство как единое целостное понятие, то в рамках советской юриспруденции существовал также подход (сохраняющий своих сторонников и в наши дни[2]), предполагавший выделение двух понятий законодательства: широкого и узкого. Так, по мнению Д.А. Керимова, законодательство юридически – это совокупность только законодательных актов, но в практическом обыкновении законодательство понимают более широко: оно включает в себя не только законы, но и подзаконные акты, образуя вместе с ними единую законодательную систему[3]. Фактически здесь речь идет не об одном едином целостном понятии, а о двух самостоятельных категориях.

Такое разнообразие в доктринальных подходах к пониманию законодательства обусловлено тем, что сам термин «закон» нередко выступает собирательной конструкцией по отношению ко всему массиву нормативных правовых актов.

Это обстоятельство обусловило продолжение научной дискуссии о понятии законодательства и в наши дни. Однако в ней произошло смещение акцентов. Если в советской юридической науке единое (широкое) понятие законодательства противопоставлялось двухаспектному (широкое и узкое) его пониманию, то в настоящее время широкое понимание

---

[1] См.: Власенко Н.А. Теория государства и права: учеб. пособие. М.: Проспект, 2011. С. 247.

[2] См., напр.: Добрынин Н.М. Основы конституционного (государственного) права Российской Федерации: сто вопросов и ответов. Практическое руководство. Современная версия новейшей истории государства. Новосибирск: Наука, 2013. С. 448.

[3] См.: Керимов Д.А. Законодательная техника: науч.-метод. и учеб. пособие. М.: Норма, Инфра-М, 2000. С. 3.

противопоставляется узкому. В современных исследованиях законодательство в широком смысле рассматривается как совокупность законов и принятых в соответствии с ними подзаконных и других нормативных правовых актов, в том числе указов главы государства, постановлений и распоряжений правительства и т.д.[1] В узком смысле же законодательство понимается исключительно как совокупность законов. Акцент на узкое понимание законодательства был обусловлен внедрением в российскую правовую систему концепции правового государства с его базовой идеей верховенства закона[2].

Если обратиться к позиции законодателя по данному вопросу, то она представляет весьма обширный спектр доктринальных подходов к пониманию законодательства. Наиболее распространенным из них является отнесение к конкретному отраслевому законодательству кодифицированного законодательного акта, а также, при необходимости, принятых в соответствии с ним иных федеральных законов, а в случае отнесения соответствующей отрасли законодательства к предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (см. ст. 72 Конституции РФ) еще и законов субъектов Российской Федерации[3].

---

[1] См., напр.: Злобин А.В., Рысина Е.П. Законы и подзаконные акты в системе нормативных правовых актов Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3. С. 219–222; Мазуренко А.П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. М.: Юрист, 2010. С. 21; Апт Л.Ф. Теоретические вопросы правовой экспертизы федеральных законов // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 81–83; Анненкова В.Г. Проблемы обеспечения единства российского правового пространства // Научные труды. Вып. 5: в 3 т. Т. 1. М.: РАЮН, 2005. С. 30; и др.

[2] См., напр.: Золотухина Т.А. Современное состояние и направления совершенствования законодательства России // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 4. С. 44–49.

[3] См., напр.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; и др.

Отдельно следует выделить Бюджетный и Налоговый кодексы[1], в которых в состав бюджетного законодательства и законодательства о налогах и сборах включены также муниципальные правовые акты. Объясняется такая специфика тем, что муниципальные образования имеют собственную бюджетную компетенцию и компетенцию в области налогов и сборов. Особняком в составе национального законодательства стоит жилищное законодательство, которое согласно ч. 2 ст. 5 Жилищного кодекса Российской Федерации состоит из указанного Кодекса, принятых в соответствии с ним других федеральных законов, а также изданных в соответствии с ними указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, принятых законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления[2]. То есть если применительно к бюджетному законодательству и законодательству о налогах и сборах хоть и с оговорками, но был применен узкий подход, то при формулировании состава жилищного законодательства был безоговорочно избран подход широкий.

Необходимо иметь в виду, что в большинстве случаев в отраслевых кодифицированных актах перечисление источников права не ограничивается нормой о составе соответствующего законодательства. Так, например, ст. 3 ГК РФ наряду с п. 2, в котором определен состав гражданского законодательства, включающий в себя наряду с ГК РФ принятые в соответствии с ним иные федеральные законы, содержит п. 3, устанавливающий, что имущественные и личные неимущественные отношения могут регулироваться также указами Президента РФ, которые

---

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

[2] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1. Ч. 1. Ст. 14.

не должны противоречить гражданскому законодательству, а п. 4 предполагает, что на основании и во исполнение гражданского законодательства, указов Президента РФ Правительство РФ вправе принимать постановления, содержащие нормы гражданского права. Схожие нормы содержатся и в иных кодифицированных актах российского законодательства.

О реализации широкого подхода к пониманию законодательства также может свидетельствовать структура такого официального периодического издания, как «Собрание законодательства Российской Федерации». В нем официальному опубликованию подлежат не только федеральные конституционные законы, федеральные законы, но и акты палат Федерального Собрания, указы и распоряжения Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, решения Конституционного Суда РФ о толковании Конституции РФ и о соответствии Конституции РФ законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ или отдельных положений перечисленных актов.

Таким образом, в настоящее время на законодательном уровне доминирующим все же следует признать узкое понимание законодательства, однако есть примеры реализации и широкого подхода.

Субъекты законодательной инициативы несколько раз пытались на законодательном уровне систематизировать существующие в этой сфере представления. Еще в 1996 году в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Госдума) был внесен проект Федерального закона № 96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации», принятый Госдумой в первом чтении[1]. В нем под законодательством понималась вся совокупность нормативных правовых актов, а под законодательством Российской Федерации – совокупность

[1] См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11 ноября 1996 г. № 778-II ГД «О проекте Федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 47. Ст. 5307.

федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации, а также нормативные правовые акты органов местного самоуправления. Однако в 2004 году Госдума отклонила данный законопроект[1].

Вопрос о законодательной систематизации нормативных правовых актов был вновь инициирован в 2014 году Минюстом России, подготовившим новый законопроект «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», который не внесен в Госдуму[2]. В отличие от первого законопроекта в нем последовательно реализуется узкий подход: 1) совокупность федеральных законов составляет федеральное законодательство; 2) совокупность законов субъектов Российской Федерации составляет законодательство субъектов Российской Федерации; 3) понятие «законодательство» не включает иные нормативные правовые акты, кроме законов.

Таким образом, ни широкий, ни узкий подходы к пониманию законодательства безоговорочно не приняты ни на доктринальном, ни на законодательных уровнях. В каждом конкретном случае предпочтение отдается одному из них в зависимости от круга решаемых задач. Применительно к предмету настоящего исследования необходимо отметить, что вся совокупность нормативных правовых актов, включая как законы, так и подзаконные акты, должна рассматриваться как единая система, имеющая строго иерархичную структуру. В связи с этим нецелесообразно оперировать двумя практически тождественными понятиями – «система нормативных правовых актов» и «законодательство». Признавая наличие отличий между ними, тем не менее, думается, именно широкий подход

---

[1] См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 12 мая 2004 г. № 491-IV ГД «О проекте Федерального закона № 96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 21. Ст. 1982.

[2] См.: проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»: подготовлен Минюстом России. URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=36955 (дата обращения: 26 декабря 2014 г.).

к пониманию законодательства должен лечь в основу дальнейших рассуждений.

Такая авторская позиция обусловлена тем, что решение задач преодоления и устранения дефектов законодательства возможно только на основе системного подхода, сущность которого может быть выражена в том, что для эффективного правового регулирования необходимо (1) формулирование целей и установление их иерархии; (2) достижение поставленных целей при минимальных затратах, что достигается предварительным сравнением альтернативных путей их достижения; (3) введение количественной оценки (квантификации) целей, методов и средств их достижения, основанной не на частных критериях, а на широкой и всесторонней оценке всех возможных и планируемых результатов правового регулирования.

Вместе с тем эффективное использование системного подхода в юриспруденции и других гуманитарных дисциплинах затруднено недостаточной разработанностью методологии его применения, отсутствием непротиворечивого понятийно-категориального аппарата, что препятствует корректной классификации правовых явлений и процессов, которая и лежит в основе системного подхода. При этом развитие современного законодательства, обеспечение его эффективности, недопущение и преодоление в нем противоречий и пробелов невозможны без активного внедрения системного подхода, который выступает прикладной функцией самой диалектики и ее законов[1].

Само понятие «законодательство» позволяет рассматривать внешнюю объективизацию права через систему нормативных правовых актов не как совокупность отдельных законов и подзаконных актов, а как нечто целостное, имеющее собственное качественное наполнение, отличное от качественного наполнения его элементов. Понятие целостности,

[1] См., напр.: Гришиани Д.М. Организация и управление // Избранные труды по философии, социологии и системному анализу. М.: Канон, 2007. С. 9–292.

как и другие философские понятия, весьма сложно по своему содержанию и составу. С одной стороны, в нем синтезируются те представления об особенностях целостных объектов, которыми в данный момент располагает конкретно-научное знание. С другой стороны, оно входит в систему философских понятий и категорий, которые в своей совокупности составляют теоретическую систему мировоззрения и выступают в качестве принципов познавательной и практической деятельности[1]. В результате при исследовании законодательства через использование категорий системности и целостности достигается синтез научных представлений и результатов практической деятельности, а также обеспечивается критичность подхода, что, в свою очередь, препятствует появлению законодательных дефектов либо способствует их выявлению с последующим устранением или преодолением. При этом исключение подзаконных актов из той целостности, какую образует законодательство, сделает данную цель недостижимой.

Таким образом, вертикальное (иерархическое) строение законодательства, отражая иерархию субъектов нормотворчества, предполагает, что во главе законодательства стоит Конституция РФ, далее идут законы, за ними следуют подзаконные акты, юридическая сила которых определяется компетенцией органов государственной власти или местного самоуправления, их принявших. Применительно к федеративным государствам также необходимо учитывать распределение нормотворческих полномочий между федерацией и ее субъектами. В России этой проблематике посвящен целый комплекс конституционных норм, включающий в первую очередь ст. 66, 71, 72, 73, 76 Конституции РФ.

В силу федеративного устройства России во главе национального законодательства следует поставить действующую Конституцию, что прямо вытекает из ее ст. 4 и закрепленной в ней суверенности Российской

[1] См.: Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М.: Эдиториал УРСС, 1997. С. 93.

Федерации[1]. Далее следует выделить федеральные законы, в том числе конституционные, принятые в пределах исключительной компетенции Федерации (ст. 71 Конституции РФ), федеральные законы и законы субъектов РФ, принятые в сфере совместного ведения Федерации и ее субъектов (ст. 72 Конституции РФ), законы субъектов Федерации, принятые в пределах их собственной компетенции (ст. 73 Конституции РФ). В целях развития законодательных норм принимаются подзаконные акты.

Конституция, выступая основным законом государства, выражает и закрепляет реальное соотношение сил, сложившихся в обществе на конкретном историческом этапе его развития, непосредственно регулирует общественные отношения, связанные с организацией власти, формами правления и государственного устройства, гарантирует реализацию и защиту основных прав и свобод человека и гражданина, достижение мира и согласия в обществе. Федеральные конституционные законы развивают и конкретизируют фундаментальные конституционные нормы и обеспечивают развитие текущего законодательства. Федеральные законы и законы субъектов РФ регулируют основные вопросы государственного, экономического и социального развития, характеризуются общностью принципов их принятия, признаков, но различаются по сфере действия, содержанию, форме, структуре. Их принятие напрямую зависит

[1] Следует отметить, что в отечественной правовой науке обосновывалась позиция, согласно которой конституция находится не только вне законодательства, но и вне права так какового, поскольку не может быть обеспечена государственным принуждением. При этом именно конституция лежит в их основе, образуя их фундамент, будучи, по сути, формой общественного договора (см.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 4 т. Т. 1. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910. С. 57).

Являясь законом по форме, не может быть признан законом по сути также бюджет, который только отчасти закрепляет правовые нормы, но главным образом выступает финансовым планом, играя организационную роль.

Отдельного упоминания здесь также заслуживают законы, не содержащие правовых норм, а закрепляющие индивидуальные предписания (см.: Власенко Н.А. Индивидуализация как закономерность развития современного российского законодательства). Они также могут считаться законами только по форме, по сути выступая учредительно-организационными актами.

от специфики разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами власти и органами власти субъектов РФ.

Действенность законодательства обеспечивается принятием качественных законов, что достигается совершенствованием их структуры и содержания. Условиями, способствующими этому, являются использование выверенной терминологии, средств и приемов законотворческой техники, правил грамматики и формальной логики, соблюдение законотворческих процедур, выбор надлежащей формы нормативного акта, преодоление проблемы количества нормативных источников, но главное – признание законодательства, включая подзаконные нормативные правовое акты, единой целостной системой. Среди обширного комплекса направлений повышения эффективности российского законодательства особое внимание следует обратить именно на совершенствование его структуры и содержания; обеспечение системного развития законодательства, его упорядочение; устранение пробелов и преодоление противоречий. Достижение такого результата обусловливается не отдельными законами и их механической совокупностью, а целостностью законодательства, включая подзаконные акты, конкретизирующие законодательные предписания, системно организованным нормативно-правовым массивом со своей структурой, внутренними взаимосвязями.

Только через применение системного подхода возможны построение законодательства как целостности, согласованность его содержания, полнота и единообразие регулирования общественных отношений. В современных публикациях отмечается, что для этого необходимо активизировать работу по последовательной систематизации законодательства, ведущими формами которой признаются кодификация на федеральном уровне и консолидация – на региональном. Весьма действенным может быть «пакетный» способ принятия законов, который должен стать условием для подготовки и принятия законов, касающихся наиболее важных сфер общественных отношений, предусматривая при этом конкретный механизм реализации

комплексных правовых актов. Допускается также формирование Свода законов Российской Федерации, тем более что соответствующий опыт имелся как в дореволюционный, так и в советский периоды[1].

Зародившись в прошлом веке, системный подход стал особой методологией специально-научного познания, в основе которого лежит исследование объекта как целостной системы. Он ориентирует исследователя на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов внутренних и внешних связей объекта и формирование на данной основе единой теоретической картины. Понятие «системный подход» (*systems approach*) поучило распространение с конца 1960-х годов как в англоязычной, так и в русскоязычной философской и научной литературе[2]. В настоящее время оно обозначает междисциплинарное философско-методологическое и научное направление исследований, в основе которого лежат такие принципы, как (1) системность, (2) целостность, (3) иерархичность, (4) структурированность, (5) множественность[3]. При этом «…системный подход не ограничивается материальными единицами в физике, биологии и других естественных науках, он применим также к единицам, являющимся частично не материальными и весьма гетерогенными. Системный анализ, например,

---

[1] См., напр.: Свод Законов Российской Империи. СПб., 1912. URL: https://civil.consultant.ru/code/ (дата обращения: 8 января 2017 г.); Сборник законов СССР: 1938–1967. В 2 т. М.: Известия, 1968; Сидорчук М.В. О систематизации законодательства в России. 1826–1832 гг. // Правоведение. 1990. № 6. С. 26–32; Поленина С.В. Система права и система законодательства в современных условиях // Правоведение. 1987. № 5. С. 29–37; Мазуренко А.П. Правотворческая политика в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь России в начале XXI века: Материалы международного круглого стола, 23 июня 2008 г. Ростов н/Д: Южный федеральный ун-т, 2009. С. 175; Корабельников С. Свод законов стабилизирует российское законодательство // Российская юстиция. 1997. № 5. С. 12–13; Савельева Е.М. Проблемы совершенствования законодательной деятельности в России на федеральном уровне // Государство и право. 2001. № 9. С. 7.

[2] См., напр.: Bertalanffy L., von. General System Theory. N.Y.: Basic Books, 1968. 380 p.; Churchman C. The Systems Approach. N.Y.: Dell Publishing, 1968. XII + 243 p.; Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 271 с.; Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 280 с.; и др.

[3] См., например: Гришиани Д.М. Указ. соч. С. 181–229.

делового предприятия включает людей, машины, здания, приток сырья, выход продукции, денежные ценности, добрую волю и прочие элементы, не поддающиеся взвешиванию; он может дать окончательный ответ и практический совет»[1]. Системный подход как познавательный метод настолько универсален, что совершенно очевидно – процитированные слова Л. фон Берталанффи о деловом предприятии в равной степени могут быть распространены на государство и законодательство.

Системный подход, сформировавшись во второй половине прошлого века, исторически связан еще с античной философией (Платон[2], Аристотель[3]), а также с немецкой классической философией (Кант[4], Гегель[5], Шеллинг[6]). Уже в рассуждениях К. Маркса[7] (политэкономия) и Ч. Дарвина[8] (биология) присутствуют идеи, в дальнейшем легшие в его основу. Таким образом, системный подход представляет собой определенный этап в развитии методологии познания, исследовательской деятельности, способов описания и объяснения природы анализируемых или искусственно создаваемых объектов. Принципы системного подхода приходят на смену широко распространенным в XVII–XIX века концепциям механицизма, противостоя им, закладывая основу новой научной парадигме. Наиболее широкое применение методы системного подхода находят при исследовании сложных развивающихся объектов – многоуровневых, иерархических, самоорганизующихся биологических, психологических, социальных

---

[1] Bertalanffy L. von. Op. cit. P. 32–33.

[2] См., напр.: Платон. Государство // Собрание сочинений. В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–421.

[3] См., напр.: Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376–644.

[4] См., напр.: Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.

[5] См., напр.: Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. М.: Мысль, 1974–1977.

[6] См., напр.: Шеллинг Ф. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1989.

[7] См., напр.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. В 3 т. М.: Политиздат, 1983.

[8] См., напр.: Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. М.: Тайдекс, 2003. 494 с.

и других систем, больших технических систем, систем «человек – машина» и т.д. Без сомнения, законодательство представляется такой системой, дальнейшее развитие которой без применения системного подхода невозможно.

К числу важнейших задач системного подхода применительно к законодательству относятся: 1) разработка средств представления законодательства как системы; 2) построение обобщенной модели законодательства как системы, моделей отдельных отраслей и институтов, а также специфических свойств законодательства, законодательных отраслей и институтов; 3) исследование структуры законодательства и различных системных концепций и разработок, связанных с ним. В системном исследовании законодательство рассматривается как определенное множество элементов, взаимосвязь которых обусловливает целостные свойства этого множества. Основной акцент делается на установлении многообразия связей и отношений, имеющих место как внутри законодательства, так и в его взаимоотношениях с внешним окружением, средой. Свойства законодательства как целостной системы определяются не только и не столько суммированием свойств его отдельных элементов, сколько свойствами его структуры, особыми системообразующими, интегративными связями.

Для понимания функционирования законодательства (прежде всего целенаправленного) необходимо выявить реализуемые им формы передачи информации от одних подсистем к другим и способы воздействия одних частей системы на другие, координацию низших уровней системы со стороны элементов ее высшего уровня, влияние на последние всех остальных подсистем. Существенное значение в системном изучении законодательства должно придаваться установлению вероятностного характера его применения. Таким образом, именно системный подход выступает наиболее действенным инструментарием при выявлении законодательных дефектов и противодействии им.

При этом системный подход не существует в виде строгой теоретической или методологической концепции: он выполняет свои эвристические функции, оставаясь совокупностью познавательных принципов, основной смысл которых состоит в соответствующей ориентации конкретных исследований: 1) содержательные принципы системного подхода позволяют фиксировать недостаточность старых, традиционных предметов изучения для постановки и решения новых задач; 2) понятия и принципы системного подхода существенно помогают строить новые предметы изучения, задавая структурные и типологические характеристики этих предметов, способствуя тем самым формированию конструктивных исследовательских программ.

Роль системного подхода в развитии законодательства и определяющей его правовой доктрины состоит в следующем: 1) понятия и принципы системного подхода выявляют более широкую познавательную реальность по сравнению с той, которая фиксировалась в прежнем правовом знании; 2) в рамках системного подхода разрабатываются новые по сравнению с предшествующими этапами развития юриспруденции схемы объяснения, в основе которых лежат поиск конкретных механизмов целостности законодательства и права, выявление типологии таких связей; 3) из важного для системного подхода тезиса о многообразии типов связей в праве следует, что любое правовое явление или процесс допускает несколько расчленений. Приведенные факторы свидетельствуют о необходимости использования познавательных возможностей системного подхода для противодействия негативному влиянию содержательных дефектов законодательства.

Принимая во внимание сказанное выше о системном подходе, нужно подчеркнуть, что в процессе разработки и принятия нормативного правового акта субъект правотворческой деятельности стремится урегулировать тот или иной вопрос правильно, полно и всесторонне в соответствии с требованиями Конституции РФ и нормами международного права, обеспечить его согласованность с другими нормативными правовыми актами —

как вышестоящими, так и одноуровневыми. Здесь вовсе не предполагается полного совпадения его субъективных целевых установок с конституционными задачами и целями. Если вопреки его желанию конечный результат достигнут не был, значит, при разработке и принятии нормативного правового акта не все промежуточные задачи были осознаны и решены. Нельзя рассматривать в качестве дефекта законодательства намеренное злоупотребление субъектом правообразования своими полномочиями. Здесь имеет место правонарушение либо действие, содержащее признаки правонарушения, но за которое не установлена юридическая ответственность.

Рассматривая механизм (совокупность обстоятельств) образования содержательных дефектов законодательства, в его составе следует выделить (1) причины таких дефектов, (2) условия и (3) факторы их образования. Причинами содержательных дефектов законодательства выступают различные обстоятельства, непосредственно порождающие их, определяющие их характер и место среди правовых дефектов: например, пробелы в профессиональной подготовке, недостаточный опыт работы, небрежность и упущения в работе, правотворческие ошибки. Под условиями рассматриваемых дефектов следует понимать обстоятельства, способствующие их образованию: например, несформулированность в доктрине и/или невнедренность на практическом уровне механизма их недопущения. Факторами называются внешние обстоятельства образования содержательных дефектов законодательства. Все обстоятельства их образования диалектически взаимосвязаны: конкретная внутренняя причина может быть связана со многими условиями, и наоборот: каждое условие, способствующее их возникновению, может проявляться в нескольких конкретных причинах в зависимости от природы и характера[1].

[1] См.: Вопленко Н.Н. Причины ошибок в правоприменении // Советское государство и право. 1982. № 4. С. 51.

Факторы как наиболее общие внешние обстоятельства образования содержательных дефектов законодательства вытекают из состояния общественного строя, экономических, политических, юридических гарантий законности. В первую очередь к числу факторов образования таких дефектов следует отнести несовпадение частных, частно-публичных и публичных интересов и, как результат, конфликты компетенции субъектов права[1].

Также факторами содержательных дефектов законодательства могут выступать: 1) недостаточность юридических знаний субъектов правообразования и правоприменения; 2) неблагоприятные условия деятельности, например противодействие (давление) заинтересованных лиц (групп) в целях принятия конкретного решения; 3) отсутствие стабильной юридической практики[2].

Обстоятельства образования содержательных дефектов законодательства могут иметь объективную и/или субъективную природу, выражаясь в (1) непоследовательности правовых конструкций; (2) неясности и неопределенности правовых предписаний; (3) недостатках в структуре законодательства; (4) неисследованности фактических общественных отношений, которые должны стать предметом правового регулирования, неустановленности всей совокупности связанных с ними частных, частно-публичных и публичных интересов; (5) неизученности всех смежных нормативных правовых актов; (6) отступлении от требований правотворческой техники, например невнесении изменений в смежные нормативные правовые акты, в первую очередь содержащие общие нормы.

Следует подчеркнуть, что содержательные дефекты законодательства, как правило, образуются при недостаточной определенности, неконкретности правовых предписаний, существовании возможности их множественного толкования. Расплывчатость юридических правил может привести

---

[1] См.: Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М.: Юринформцентр, 2001. С. 11–33, 202.

[2] См., напр.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 2: Логика правового исследования. М.: Юстицинформ, 2004. С. 223–224.

к их произвольному и дискриминационному применению государственными и муниципальными органами, их должностными лицами, а, следовательно, к нарушению конституционного принципа юридического равенства. В связи с этим, например, применительно к сфере налогообложения Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что в силу ст. 57 Конституции РФ в системной связи с ее ст. 1, 15 и 19 в Российской Федерации как правовом государстве законы о налогах должны содержать четкие и понятные нормы. Поэтому Налоговый кодекс РФ предписывает, что необходимые элементы налога (налогоплательщик, объект налога, налоговая база, налоговый период, налоговая ставка, порядок исчисления налога, порядок и сроки его уплаты) должны быть сформулированы так, чтобы каждый точно знал, какие налоги, когда и в каком порядке он обязан платить, а все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах толкуются в пользу налогоплательщика[1]. Неопределенность правовых предписаний, влекущая множественность их толкования, весьма часто встречается на всех уровнях законодательства, в том числе в федеральных законах[2], что определяет необходимость преодоления таких законодательных дефектов при правоприменении. Неясность и неопределенность может выражаться в неоднозначности терминологии, отсутствии единообразия в употреблении юридических терминов и т.п.

Как правило, латентный характер имеют законодательные дефекты, связанные с несоответствием нормативного правового акта объективным закономерностям общественного развития. Несовершенство нормативного правового акта в этом случае обусловливается обстоятельствами, лежащими

---

[1] См.: постановления Конституционного Суда РФ от 8 октября 1997 г. № 13-П // СЗ РФ. 1997. № 42. Ст. 4901, от 15 июля 1999 г. № 11-П // СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3988; от 28 марта 2000 г. № 5-П // СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1533; и др.

[2] См., напр.: Доклад Совета Федерации Федерального Собрания РФ 2007 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» / под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса. М.: Норма, 2008. С. 21.

за пределами правотворческого процесса. В связи с этим актуальна фраза, которая приписывается Ю.В. Андропову: «Мы не знаем страны, в которой живем». Причины несоответствия законодательства объективной действительности, потребностям общества, реальным частным, частно-публичным и публичным интересам разнообразны: 1) несоответствие разрабатываемого и принимаемого нормативного правового акта предшествующей правоприменительной практике; 2) отсутствие его научной обоснованности; 3) ресурсная необеспеченность законодательства; и т.п.

Однако наиболее значимой причиной содержательных дефектов законодательства выступает несоответствие разрабатываемого и принимаемого проекта нормативного правового акта структуре системы права во взаимодействии всех ее составляющих – иерархической (вертикальной), отраслевой (горизонтальной) и федеративной структур.

Иерархичность законодательства выражается в том, что нижестоящие по юридической силе нормативные правовые акты должны находиться в строгом соответствии с вышестоящими, а в совокупности они должны развивать и конкретизировать положения Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права. Юридическая сила нормативного правового акта определяется компетенцией субъекта правообразования, его принявшего.

Отраслевая структура системы права и тем более отраслевая структура законодательства весьма динамична. На разных этапах развития появляются новые отрасли права и законодательства, создаваемые путем объединения в рамках одной отрасли права (законодательства) норм различных отраслей. Комплексное, межотраслевое регулирование общественных отношений становится одной из ведущих тенденций современного развития системы законодательства[1].

[1] См.: Милушин М.И. Указ. соч. С. 1.

Наиболее слабым звеном существующей модели построения отраслевой структуры законодательства является вторжение одних отраслей права в предмет регулирования других. Коллизионность законодательства, кроме того, усугубляется тем, что отдельные законы включают в себя нормы, относящиеся к предмету регулирования разных отраслей права. Законодатель не всегда корректно решает задачу разграничения сфер правового регулирования различных отраслей права и в большинстве случаев идет по пути вторжения норм одной отрасли права в предмет регулирования другой.

Реальные корни этой проблемы уходят в действующие конституционные положения. Речь идет о ст. 71 и 72 Конституции РФ. При определении предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов была допущена грубая логическая ошибка и соответствующие перечни были составлены без единого основания. В результате, например, финансовое регулирование оказалось в составе предмета исключительного ведения Российской Федерации, а такие его составные части, как бюджет и налогообложение (частично), – в предмете совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов; гражданское законодательство – предмет исключительного ведения Российской Федерации, а фактически специальное по отношению к нему земельное законодательство – предмет совместного ведения.

Понимание обстоятельств образования содержательных дефектов законодательства не просто приводит к появлению новых правовых знаний, имеет теоретическую и практическую значимость, но выступает условием, необходимым для доктринального обоснования механизмов их недопущения и преодоления.

ГЛАВА 2. ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ДЕФЕКТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

§ 2.1. Коллизии в законодательстве

Феномен коллизий в праве обратил на себя внимание еще в древнеримский период. Так, И.Б. Новицкий и И.С. Перетерский отмечают, что в римском праве осуществление некоторых субъективных прав может происходить не иначе, как задерживая или препятствуя вполне или отчасти осуществлению других субъективных прав. Такие случаи называются коллизией прав. Разрешается эта коллизия в зависимости от отношений, установленных законом между сталкивающимися правами в различных случаях:

1) в области залоговых прав при коллизии прав залоговых кредиторов на один предмет залога право продажи этого предмета предоставляется лишь первому залоговому кредитору, остальные же удовлетворяются из остающейся (по удовлетворении первого) части вырученной от продажи суммы. Последовательность удовлетворения остальных кредиторов определяется по времени установления их требований;

2) при коллизии прав собственности с другими непосредственными правами на ту же вещь (сервитуты, право застройки, наследственная аренда) последние беспрепятственно осуществляются, ограничивая права собственника;

3) в области обязательственных требований принцип старшинства по времени при коллизии этих прав уступает место принципу однородности и одновременности взыскания по этим требованиям. Это значит, что при несостоятельности должника все его кредиторы получают удовлетворение на одинаковых основаниях, независимо от времени возникновения их требований, пропорционально сумме каждого из предъявленных требований;

4) наконец, права могут быть равносильными и взаимно не связанными. В этих случаях коллизия разрешается по принципу превенции, т.е. преимуществом пользуется тот, кто раньше осуществляет право. Так, если один из нескольких кредиторов несостоятельного должника успел до открытия конкурса взыскать свой долг, то он лишает других полного удовлетворения: лучше положение того, кто владеет, чем того, кто отыскивает. В процессуальных отношениях при иске о собственности владение предметом спора до процесса определяет положение владельца как ответчика, перелагает тяжесть доказательства на истца[1].

Традиция исследования коллизий (конкуренции) прав и исков в рамках рецепции римского права была заимствована первоначально европейской, а в дальнейшем российской юриспруденцией[2].

В советский период значимый вклад в становление и развитие учения о юридических коллизиях внесли Н.Г. Александров[3], С.С. Алексеев[4], М.Т. Баймаханов[5], Н.А. Власенко[6], В.Н. Кудрявцев[7], Ю.А. Тихомиров[8]. Вместе с тем анализ научных публикаций этого времени показывает, что единого подхода к понятию правовой коллизии не существовало. Интересно также то, что проблематика правовых коллизий, рассматривавшаяся римскими юристами применительно к искам, т.е., выражаясь современным языком, в составе процессуального права, для представителей советской юриспруденции стала преимущественно материально-правовой.

---

[1] См.: Римское частное право / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М.: Кнорус, 2012. С. 32–33.

[2] См., напр.: Савиньи Ф.К., фон. Система современного римского права. Т. 3. М.: Статут, 2013. С. 436–471; Покровский И.А. История римского права. СПб.: Летний сад, 1999. С. 108–116.

[3] См.: Александров Н.Г. Указ. соч. С. 3.

[4] См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. С. 181–186.

[5] См.: Баймаханов М.Т. Указ. соч.

[6] См.: Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве.

[7] См.: Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 211–218.

[8] См.: Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия; Он же. Коллизионное право: учеб. и науч.-практ. пособие.

Так, в середине прошлого века Н.Г. Александров указывал, что коллизию следует понимать как существование в отношении одних и тех же общественных отношений нескольких норм, расходящихся по своему содержанию друг с другом[1]. Фактически данный подход предполагает, что понятие правовой коллизии охватывает и такое явление, как конкуренция норм права, под которой в юридической литературе понимается механизм взаимодействия общих и специальных норм. Первые регулируют родовые отношения, а последние – видовые. Действительно, сфера действия таких норм в определенной степени совпадает. Видовые отношения, выступая частью отношений родовых, регулируются специальными нормами. В то же время при отсутствии специальных норм к видовым отношениям должны применяться общие нормы. Последняя ситуация получила название субсидиарного действия (применения) права. Таким образом, специальные нормы ограничивают объем, сферу регулирования общих норм, образуют исключения из них.

Такой подход разделяли многие исследователи советского периода. Так, С.С. Алексеев характеризовал правовые коллизии как противоречие и столкновение между отдельными нормативными актами и как отношения между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения[2]. Он полагал, что правовые коллизии уходят своими корнями в несоответствие позитивного («писаного») права требованиям жизни общества, современному уровня развития прав человека и в целом современному естественному праву[3]. В свою очередь, Н.А. Власенко подчеркивал, что правовая коллизия есть отношение между нормами, реализующееся как различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения. При этом формами его существования могут быть противоречия между

---

[1] См.: Александров Н.Г. Указ. соч. С. 3.

[2] См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций. Свердловск, 1973. С. 137.

[3] См.: Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 142.

юридическими предписаниями и различия между ними. В первом случае речь идет о взаимоисключении нормами друг друга, т.е. они предполагают противоположные варианты юридической регламентации. Во втором нормы не согласуются по своему содержанию, но не находятся в отношениях контрадикторности[1].

В советской и современной юриспруденции обосновывались и иные подходы к содержанию понятия правовой коллизии. Так, В.В. Ершов, напротив, представлял их как частный случай конкуренции норм права, под которой понимал полное или частичное противоречие права, действующих законов и подзаконных нормативных правовых актов[2]. Для него родовым понятием представлялась не правовая коллизия, а конкуренция норм права: «…конкуренция норм может проявляться в форме несовпадения норм по объему либо в форме противоречия норм»[3].

Полностью размежевывает правовые коллизии и конкуренцию норм права В.Н. Кудрявцев. По его мнению, конкуренция норм не является частным случаем правовой коллизий, так как в коллизии находятся нормы, противоречащие одна другой, а конкуренция представляет собой различие по объему и степени обобщенности единых по своей сути и направленности норм[4]. Схожей позиции придерживается Н.И. Матузов[5].

Здесь интересно то, что первоначально – в римском праве – термины «коллизия» и «конкуренция» фактически выступали в качестве синонимов. Не случайно то, что в большинстве исследований они взаимно заменяются или используются одновременно[6]. Объясняется данное обстоятельство

---

[1] См.: Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. С. 23.

[2] См.: Ершов В.В., Ершова Е.А. Трудовой договор. М.: Дело, 2001. С. 12–13.

[3] Там же. С. 12.

[4] См.: Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 214.

[5] См.: Матузов Н.И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. 2000. № 5. С. 48–56.

[6] См., напр.: Римское частное право / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. С. 32–33; Савиньи Ф.К., фон. Указ. соч. С. 436–471; и др.

тем, что в латинском языке «коллизия» означает столкновение, сотрясение[1], а «конкуренция» – столкновение, соперничество[2].

Однако, хотя оба термина были заимствованы из римского права, в советском и современном российском правопорядках они приобрели собственное значение, отличное от древнеримского. Начать следует с того, что древнеримские юристы использовали их применительно к субъективным правам (вещным, обязательственным). Объективное право предполагалось внутренне непротиворечивым (поскольку имело сакральную основу), в столкновение могли вступать только субъективные права, что влекло юридические конфликты между конкретными лицами – их обладателями. В этом случае одни из субъективных прав не могли быть осуществленными или их осуществление отодвигалось во времени. Советская правовая наука исходила из того, что в отношения контрадикторности, т.е. противоречия (противопоставления), или различия по объему и степени обобщенности вступали сами нормы права. Обусловлен такой подход был установившимся в советской юриспруденции еще в конце 30-х годов прошлого века доминированием диалектического материализма и юридического позитивизма[3]. Таким образом, проблематика взаимодействия норм права заслонила собой проблематику взаимодействия субъективных прав.

Здесь, без сомнения, в течение всего периода рецепции римского права, начавшегося от глоссаторов и закончившегося формированием советского права, произошла если не подмена понятий, то значительная их деформация. Но именно она позволила сформироваться двум научным категориям,

---

[1] См.: Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 2003. С. 334.

[2] См.: Там же. С. 385.

[3] Так, еще А.Я. Вышинский, выступая на 1-м совещании научных работников в 1938 году, предложил считать, что право есть «…совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» (Основные задачи науки советского социалистического права: материалы 1-го совещания научных работников права, 16–19 июля 1938 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. С. 74).

имеющим самостоятельную научную ценность, – (1) правовая коллизия и (2) конкуренция правовых норм. Кардинальное отличие между ними состоит в том, что если первая представляет проявление неопределенности права, как правило, выступающее следствием очевидного или скрытого дефекта в работе законодателя, то последняя – необходимое средство, обеспечивающее взаимодействие норм права. Она является неизбежным элементом любой правовой системы, особенно имеющей статутную природу, и реализуется во всех отраслях права. Ни одна современная правовая система не может обойтись без механизмов взаимодействия норм права, в основе которых лежит их конкуренция. В современной российской системе права через них организуется взаимодействие конституции и иных законов, общей и особенной частей внутри кодифицированных отраслевых законодательных актов, рамочных и специальных законов, норм, регулирующих основные и квалифицированные группы общественных отношений. Необходимость различных по форме выражения специальных норм права определяется все более усиливающейся дифференциацией правового регулирования.

Справедливым представляется указание на то, что смещение акцента с конкуренции субъективных прав на конкуренцию и коллизии правовых норм произошло не в советский период, а задолго до него. И связано оно было с деятельностью глоссаторов и постглоссаторов[1], перед которыми встала проблематика интерлокального и интерперсонального выбора, обусловившая такое смещение. Перед римскими юристами не стоял вопрос о применимом праве (норме права). Для них действующим правом было римское право, включавшее право квиритов и право народов, которые в конечном итоге с 212 года при императоре Каракалле в связи с дарованием римского гражданства всем его лично свободным подданным фактически утрачивают различия[2]. Проблема интерлокального и интерперсонального

[1] См., напр.: Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1970. С. 56–58.

[2] См., напр.: Покровский И.А. Указ. соч. С. 68; Гарридо М.Х.Г. Указ. соч. С. 56; и др.

выбора встала только после распада Римской империи, образования множества самостоятельных европейских государств с собственными правопорядками, а также с последующим возрождением товарооборота между ними. Наступление всей совокупности названных условий как раз и приходится на период деятельности глоссаторов и постглоссаторов, начавших рецепцию римского права.

Также следует отметить, что проблематика конкуренции субъективных прав представляет самостоятельный научный интерес, который, без сомнения, будет реализован в ближайшее время.

Признавая теоретическую и практическую значимость научных исследований и их результатов советского периода, необходимо подчеркнуть, что фундаментальная правовая реформа, начавшаяся со вступлением в силу Конституции РФ 1993 года и определившая общие контуры современной российской правовой системы, привела к принципиальной трансформации законодательства, появлению огромного массива нормативных правовых актов. Одновременно возникла проблема согласованности норм этих актов между собой и с ранее действовавшими. Масштабы этой законотворческой деятельности и сжатые сроки ее проведения не могли не породить множества правовых коллизий, противоречий и дублирования законодательных положений. Что, в свою очередь, обусловило необходимость научного переосмысления механизмов их недопущения, выявления, преодоления и устранения.

Указанное обстоятельство обусловило несомненный научный интерес к проблематике правовых коллизий. Только на диссертационном уровне и в рамках общей теории права обращения к ней были неоднократны[1]. Но, бесспорно, внутренняя непротиворечивость сложившегося в советский период понятийно-категориального аппарата, используемого для ее исследования, была нарушена. Даже базовое понятие одни

[1] См., напр.: Юдин А.И. Указ. соч.; Сибилева С.В. Указ. соч.; Петров А.А. Указ. соч.; Денисенко В.В. Указ. соч.; Сухов Э.В. Указ. соч.; и др.

исследователи называют юридической коллизией, другие – правовой коллизией, третьи – коллизией в праве и т.п.

Под юридическими коллизиями предлагается понимать обусловленное объективными и субъективными факторами общественного развития и порождающее трудности в правореализации формальное противоречие (различие) между нормами права (комплексами правовых норм), между нормами права и актами толкования, направленными на регулирование одних и тех же общественных отношений. Юридические коллизии могут существовать как в форме различия, так и в форме противоречия, они возникают не только между диспозициями, но и между гипотезами и санкциями правовых норм[1].

Предлагается также считать термин «юридическая коллизия» синонимичным понятию «противоречие в праве»[2].

В свою очередь, правовой коллизией называют не только противоречия между формами (источниками) права, но и противоречия, возникающие между актами правоприменения, – как между собой, так и с формами права. При этом именно в правовых коллизиях видится основное препятствие для создания единого правового пространства. Отмечается, что выявление причин возникновения таких противоречий, выработка и реализация механизмов предупреждения их возникновения, а также разработка способов их преодоления являются на сегодняшний момент основными задачами юридической науки.

В зависимости от субъективной стороны правовые коллизии предлагается подразделять на умышленные и неумышленные. Умышленные коллизии возникают прежде всего как результат борьбы за политическую власть в государстве между различными группами политической элиты. Эта борьба находит свое выражение в принятии правовых актов, изначально и

---

[1] См.: Буяков А.Ю. Юридические коллизии и способы их устранения: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 1999. С. 6–7.

[2] См.: Денисенко В.В. Указ. соч. С. 5.

прямо противоречащих друг другу. В России, например, такие ситуации возникали в 1990-х годах, когда субъекты Федерации всячески демонстрировали свою самостоятельность и независимость от федерального центра. К причинам возникновения неумышленных коллизий правовых актов относят пробелы в праве и юридические ошибки (несовершенство процедуры подготовки законопроекта, слабую профессиональную подготовку законодателя и т.д.). Конкретными причинами возникновения коллизий в праве являются асимметричность Федерации, нечеткое конституционное разграничение компетенции Российской Федерации и ее субъектов, пробелы федерального и регионального законодательства в регулировании общественных отношений[1].

При рассмотрении коллизий в праве выделяется два подхода к их пониманию. В широком смысле они представляют собой противоречия между правовыми нормами, нормативными правовыми актами, правовыми взглядами, компетенцией органов государственной власти (органов местного самоуправления), актами применения права, правовыми системами. В узком смысле они рассматриваются как противоречия между правовыми нормами или между правовыми актами. Причинами их возникновения на стадии правотворчества могут быть (1) несовершенство юридической техники и ошибки в применении ее приемов и способов; (2) недостаточно четкое разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации; (3) дублирование компетенции различных органов государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления; (4) наличие сфер общественных отношений, не полностью урегулированных правом; и др. Возникновение коллизий в праве может быть также связано с изменением правовых позиций Конституционного Суда РФ вопросам, по которым ранее этим органом уже выносилось решение.

[1] См.: Сухов Э.В. Указ. соч. С. 5–6.

На основе анализа сложившейся практики изменений Конституционным Судом РФ своих правовых позиций (например, по вопросам системы государственной власти в субъектах Российской Федерации, таможенного регулирования и т.п.) обосновывается вывод о том, что подобная практика может привести к последующему возникновению коллизий в праве. Тем более что многие решения Конституционного Суда выходят за пределы толкования права[1].

В некоторых исследованиях выделение узкого и широкого подходов к пониманию правовых коллизий называется даже общепризнанным. Но при этом подчеркивается, что такая ситуация не позволяет «…корректно определить их функциональное значение в правовой системе. Преодоление односторонности данных подходов предполагает рассмотрение юридических коллизий в качестве фактора динамики правовой системы, состоящего в противоречии со структурными элементами правовых норм, нормативно-правовыми актами и другими источниками права, а также актами толкования права, правореализации и правоприменения, правовыми системами и являющегося внутренним источником ее развития»[2].

У того, что в российской юриспруденции было утрачено то единообразие понятийно-категориального аппарата, которым отличалась советская правовая наука, есть не только субъективные, но и объективные причины, значение которых порой преобладает. В первую очередь необходимо обратить внимание на полиаспектность самого понятия «коллизия», его применимость к различным правовым феноменам: 1) интернациональные коллизии; 2) межуровневые (иерархические, вертикальные) коллизии; 3) интертемпоральные коллизии; 4) межрегиональные и межтерриториальные коллизии; 5) межотраслевые (предметные, горизонтальные, одноуровневые) коллизии и т.п.

---

[1] См.: Сибилева С.В. Указ. соч. С. 6–7.

[2] Юдин А.И. Указ. соч. С. 5.

Следует подчеркнуть некоторую условность и недостаточную корректность приведенной классификации. В юридической науке общепризнанными являются такие основания классификации правовых коллизий, как их свойства и особенности, юридическая сила коллидирующих норм, система права и законодательства, объем правового регулирования норм права[1]. Изменения, произошедшие в последнее время в российской системе права и законодательстве, позволяют, кроме вышеназванных оснований, выделить и другие, например структуру системы права, юридическую силу актов, содержащих коллидирующие предписания, характер основного предназначения коллидирующих предписаний, назначение коллидирующих предписаний в механизме правового регулирования, отраслевую принадлежность коллидирующих предписаний[2]. Необходимость поименовать правовые коллизии, указанные выше, была обусловлена не стремлением дать их классификацию, а задачей продемонстрировать всю полиаспектность рассматриваемого понятия.

В основе интернациональных коллизий лежат противоречия между различными национальными правопорядками. Именно необходимость в механизме разрешения таких коллизий послужила причиной возникновения международного частного права[3]. Однако уже здесь необходимо оговориться, что интернациональные коллизии возможны не только в частноправовой, но и в публично-правовой сферах, например при налогообложении или привлечении к уголовной ответственности[4].

---

[1] См., напр.: Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. С. 27–28, 56.

[2] См., напр.: Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): монография. М.: РАП, 2010. С. 28.

[3] См., напр.: Лунц Л.А. Курс международного частного права. С. 26–28.

[4] Справедливости ради следует указать на то, что классик отечественного международного частного права Л.А. Лунц отрицал принципиальную возможность существования интернациональных коллизий в публичном секторе права (см., напр.: Там же. С. 28). Однако развитие современного права, появление наднациональных механизмов регулирования, уменьшение значения национального государства как институциональной основы правопорядка сокращают доказательственную силу доводов, приводимых им. Тем более что как в советский период, так и в последние годы появились исследования, предметом которых как раз и выступают интернациональные коллизии в публичном праве

Межуровневые коллизии возникают тогда, когда в противоречие вступают различные уровни правового регулирования: например, федеральный и региональный, региональный и местный. К этому же виду коллизий следует отнести и несогласованность различных по юридической силе источников права – федерального закона и постановления правительства, инструкции Банка России и правового обычая. Следует согласиться с теми авторами, которые отмечают, что иерархия в праве многомерна. Существует качественная специфика проявления иерархических связей на сущностно-содержательном уровне и уровне формы права. В праве могут существовать нетипичные иерархические связи[1].

Интертемпоральные коллизии предполагают необходимость обеспечения взаимодействия имеющих силу норм права, принятых в различное время.

Межрегиональные и межтерриториальные коллизии – это противоречия между субнациональными правопорядками одного уровня, например между законодательством Москвы и Московской области, города Екатеринбург и Горнозаводским округом.

Те же противоречия, которые возникают между источниками права с одинаковой юридической силой, регулирующими смежные общественные отношения, могут называться межотраслевыми, предметными, горизонтальными или одноуровневыми.

Несовершенство предложенной классификации правовых коллизий также обусловлено все возрастающим уровнем дифференциации самих правопорядков. Если раньше достаточно было выделить международный и национальный правопорядок, а в составе последнего при необходимости

(см., напр.: Шаргородский М.Д. Уголовный закон // Избранные работы по уголовному праву. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 197–225; Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995. 37 с.; Шепельков В.Ф. Уголовный закон как формально-логическая система: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2003. 43 с.; и др.).

[1] См.: Петров А.А. Указ. соч.

обозначались федеральный, региональный и местный уровни, то в настоящее время как на наднациональном, так и на субнациональном уровнях единовременно протекают процессы по формированию и упразднению множества правопорядков. Так, Российская Федерация одновременно является членом ЕЭС и СНГ. Каждому из названных международно-правовых образований соответствует собственный правопорядок, что обусловливает значительное расширение сферы возникновения правовых коллизий между указанными правопорядками, между ними и правопорядком, действующим в рамках ВТО, между ними и международным правопорядком в целом, между ними и национальными правопорядками государств-членов и т.д.[1] Аналогичная ситуация складывается в России на субнациональном уровне при условии, что существует проблема сложноустроенных субъектов Российской Федерации[2], а также действует двухуровневая система местного самоуправления[3].

---

[1] См., напр.: Наднациональное и национальное регулирование в Таможенном союзе ЕврАзЭС: на примере таможенной пошлины / под ред. А.Н. Козырина. М.: Ин-т публично-правовых исследований, 2014. 233 с.; Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе – новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 98–107; Он же. Международно-правовые основы институционной системы евразийской интеграции // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 116–121; Пименова О.И. Наднациональная правовая интеграция на евразийском пространстве: анализ реалий и оценка возможностей использования опыта Европейского союза // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 21–28; Каширкина А.А., Морозов А.Н. Формации правового развития евразийской интеграции и их влияние на правовую систему Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 73–83; Горшков Г. Сложности евразийской интеграции // ЭЖ-Юрист. 2014. № 10. С. 4; и др.

[2] См., напр.: Емельянов А.С. Конституционная реформа: юридические, политические и экономические аспекты укрупнения субъектов Российской Федерации // Публично-правовые исследования. Ежегодник Центра публично-правовых исследований / гл. ред. А.Н. Козырин. Вып. 1. М.: АНО ЦППИ, 2006. С. 19–39; Субъектов Федерации должно быть меньше: интервью с Председателем Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по делам Федерации и региональной политике Александром Казаковым // Российская Федерация сегодня. 2004. № 15. С. 23–24; Глигич-Золотарева М. Укрупнение субъектов Федерации // Федерализм. 2002. № 1. С. 37–48; Она же. Конституция России о федеративном устройстве: былое и думы // Федерализм. 2003. № 2. С. 21–27; Саликов М. Конституционный федерализм России: опыт десятилетнего развития // Федерализм. 2003. № 3. С. 19–26; и др.

[3] См.: Кокотов А.Н. О системе и структуре органов местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 3. С. 3–7; Тимофеев Н.С. Проблемы участия местного самоуправления и гражданского общества в системе

Таким образом, решению задачи классификации правовых коллизий предшествует решение еще двух задач – (1) классификация правопорядков и (2) установление их структуры, которые очевидно выходят за рамки предмета настоящего исследования. Для достижения же его целей требуется выделить те правовые коллизии, которые не являются содержательными дефектами законодательства, т.е. не могут рассматриваться в качестве результата законодательной деятельности, не выражают несовершенство права и не влекут правовую неопределенность.

В первую очередь представляется целесообразным остановиться на интернациональных коллизиях. Они имеют объективную природу, поскольку отражают столкновение различных национальных правопорядков при регулировании общественных отношений, отягощенных иностранным элементом (лицом, объектом, юридическим фактом и др.). Фактически здесь нет того проявления несовершенства права, о котором речь шла выше. Есть необходимость совершить выбор применимого права, носящий интерлокальный или интерпесональный характер. Следует согласиться с Л.А. Лунцем, который писал, что «…о коллизии (столкновении законов) можно говорить лишь образно для обозначения процесса, происходящего в голове судьи, который решает вопрос о законодательстве, подлежащем применению в конкретном случае»[1]. Казалось бы, правовая коллизия выводится им из сферы материальной в сферу идеальную, что подчеркивается отдельными авторами[2]. Однако у процитированного утверждения совершенно иной посыл – сама коллизия и механизм ее преодоления совершенно объективны и не зависят от воли судьи, который

российского этатизма // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 12–17; Безруков А.В. Государственная и муниципальная власть в системе единой публичной власти России // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 6. С. 23–28; Ким Ю.В. Системные эффекты несистемных решений: о тенденциях развития системы местного самоуправления в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 67–73; и др.

[1] Лунц Л.А. Курс международного частного права. С. 167.

[2] См., напр.: Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург: УрГЮА, 1994. С. 73.

должен только правильно избрать применимый правопорядок, как он избирает норму национального законодательства в тех случаях, когда спорное отношение не отягощено иностранным элементом. Фактически Л.А. Лунц стремится обосновать отсутствие судейского усмотрения при разрешении интернациональных коллизий, а не отразить их субъективный характер.

Вместе с тем полностью избежать судейского усмотрения при разрешении интернациональных коллизий невозможно. Суды зачастую используют так называемую обратную логику: интуитивно нащупав предпочтительный материально-правовой результат, они пытаются определить, возможно ли подобрать для такого материального результата убедительное правовое обоснование и в том числе убедительные аргументы в пользу того, что применимым следует считать материальное право, дающее предпочтительный материальный результат. Такой подход даже нашел свое объяснение в судейском сообществе США и теории юридического реализма: «Суд не лениво выбирает применимое право, а решает спор. Как он может сделать мудрый выбор без учета того, каким образом его выбор повлияет на решение спора?»[1] Именно против такого «разрешения интернациональных коллизий» выступал Л.А. Лунц.

Само по себе наличие иностранного элемента не может и не должно рассматриваться как несовершенство права и правовая неопределенность. Он – объективная данность. Задача законодателя – сформировать систему коллизионных норм, которая бы обеспечила обоснованный выбор применимого права. В Российской Федерации в связи с этим отдельного упоминания заслуживает раздел VI Гражданского кодекса[2]. В свою очередь, задача правоприменителя – правильно применить их, избрав соответственно материально-правовую норму национального или иностранного права.

---

[1] Cavers D. A Critique of the Choice-of-Law Problem // Harv. L. Rev. 1933. Vol. 47. P. 189.

[2] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

В то же время исключать коллизионное право из предмета настоящего исследования целиком нельзя. Во-первых, в его рамках зародился, сформировался и успешно применяется наиболее действенный механизм преодоления интернациональных коллизий, отдельные элементы которого могут и должны использоваться при преодолении содержательных дефектов законодательства. Во-вторых, само по себе коллизионное право, будучи закрепленным через национальное законодательство, может быть не лишено дефектов, которые нуждаются в их преодолении.

Аналогичная ситуация с межуровневыми, межрегиональными, межтерриториальными и интертемпоральными коллизиями. В Российской Федерации в основе разрешения первых лежит Конституция РФ, в составе которой отдельного упоминания заслуживает ст. 76, в п. 5 и 6 которой установлены следующие коллизионные нормы: «5. Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым в соответствии с частями первой и второй настоящей статьи. В случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон. <…> 6. В случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, изданным в соответствии с частью четвертой настоящей статьи, действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации».

Интертемпоральные коллизии должны разрешаться при изменении законодательства. Наиболее яркие примеры разрешения таких коллизий – это законы, определяющие порядок вступления в силу кодифицированных законодательных актов[1], а также заключительные (переходные) положения

[1] См., напр.: Федеральные законы от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3302; Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2955; от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4148; от 14 ноября 2002 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 46.

иных законов. Практика законодательного установления таких переходных положений сложилась после вступления в силу действующей Конституции РФ. В советский период законом утверждался только сам кодекс, а порядок его вступления в силу и переходные положения поручалось установить Президиуму Верховного Совета РСФСР[1].

Практика разрешения межрегиональных и межтерриториальных коллизий в Российской Федерации не сложилась. Однако этот тип коллизий получил широкое распространение в США, коллизионное право которых сформировалось как раз на основе разрешения межштатовых коллизий[2]. Следует подчеркнуть, что американские исследователи принципиально не различают коллизии, возникающие на международном уровне и на уровне штатов.

Объединяет все рассмотренные типы коллизий друг с другом и с интернациональными коллизиями то, что они имеют объективную природу. Если установлены и надлежащим образом применяются коллизионные нормы, то не может идти речи о несовершенстве права и правовой неопределенности. При этом сами по себе эти нормы, будучи закрепленными через национальное законодательство, могут заключать в себе содержательные дефекты законодательства, которые нуждаются в преодолении, или участвовать в их выражении.

Ст. 4531; от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 2; от 9 июля 1999 г. № 159-ФЗ «О введении в действие Бюджетного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3492; от 5 августа 2000 г. № 118-ФЗ «О введении в действие части второй Налогового кодекса Российской Федерации и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах» // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3341; и др.

[1] См., напр.: Законы РСФСР от 11 июня 1964 г. «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406; от 11 июня 1964 г. «Об утверждении Гражданского процессуального кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407; и др.

[2] См., напр.: Коллисон И.П. Неправосудные суды. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 315 с.

Таким образом, к собственно содержательным дефектам законодательства могут быть отнесены только коллизии, состоящие в противоречии отдельных законодательно закрепленных норм права при регулировании тождественных общественных отношений. Такие коллизии различными исследователями называются межотраслевыми, горизонтальными, одноуровневыми, предметными. Дефектность законодательства в этом случае выражается в нарушениях, деформации логико-структурного построения законодательства или его элементов, которые препятствуют их развитию. В этом смысле правовые коллизии – выражение несовершенства законодательства, обусловленное преимущественно субъективными факторами правообразования, непоследовательное отражение в законодательстве объективных интересов, что влечет правовую неопределенность.

От правовых коллизий, являющихся содержательными дефектами законодательства, необходимо отличать не только конкуренцию субъективных прав и конкуренцию норм права, но и иные правовые коллизии (интернациональные, межуровневые (иерархические, вертикальные), интертемпоральные, межрегиональные и межтерриториальные). Перечисленные правовые явления не могут рассматриваться как выражения несовершенства и несогласованности права, а также порождать правовую неопределенность. Напротив, они служат предпосылками формирования механизмов взаимодействия субъективных прав и правовых норм.

Рассматривая правовые коллизии, являющиеся содержательными дефектами законодательства, нужно отметить следующие их характерные черты: 1) вступившие в коллизию нормы права регулируют тождественные общественные отношения; 2) наличие таких норм есть логическое нарушение, которое не может быть преодолено через их буквальное толкование; 3) возникновение таких коллизий – это результат правотворческой деятельности компетентных органов; 4) условием

их возникновения выступают нарушения требований к правотворческой деятельности; 5) они препятствуют достижению целей правового регулирования, реализации прав, свобод и законных интересов, иным образом ухудшают правовое положение участников общественных отношений.

Общественные отношения представляются тождественными, если однотипными являются участники, объект, содержание, обстоятельства возникновения и прекращения.

Примеры логических ошибок: 1) право, предоставленное одной нормой, ограничивается или упраздняется другой; 2) система обстоятельств, с которыми связывается осуществление субъективного права или исполнения юридической обязанности, одной нормой трактуется более широко, а другой – более узко; 3) неопределенность в содержании нормы, влекущая за собой ее противоречивое толкование и применение; и т.п. Так, Конституционный Суд РФ прямо называет правовой коллизией различное истолкование конкретных норм в правоприменительной практике, которое может повлечь столкновение конституционно значимых целей, преследовавшихся законодателем при принятии законов, а также гарантируемых Конституцией РФ прав граждан[1].

Рассматриваемый тип правовых коллизий имеет две разновидности – первичные и производные. В первом случае коллизия образуется в результате деятельности одного субъекта правообразования, во втором задействовано два и более субъектов (например, имело место дублирование предметов ведения, полномочий и компетенций, т.е. один и тот же предмет ведения, полномочие или компетенция одновременно относится к различным государственным и/или муниципальным органам).

§ 2.2. Пробелы в законодательстве

[1] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2003 г. № 8-П // СЗ РФ. 2003. № 21. Ст. 2058.

Не меньшее значение, чем законодательные коллизии, имеют пробелы в законодательстве. Так, Конституционным Судом неоднократно отмечалось, что в современных условиях первоочередными задачами совершенствования законодательства являются преодоление пробелов нормативного регулирования, исправление присутствующих в нем и вскрытых правоприменительной практикой дефектов неопределенности и несогласованности. Анализ поступающих в Конституционный Суд жалоб показывает, что отнюдь не все требующие нормативного упорядочения отношения охватываются применяемым в соответствующей сфере регулированием. Проблема неурегулированности определенных общественных отношений нередко неизбежно сопутствует основному вопросу, рассматриваемому при проверке конституционности нормативного правового акта. В связи с этим следует признать осознанным то обстоятельство, что пробельность закона может являться основанием проверки его конституционности, когда пробел ведет к правоприменению, угрожающему соблюдению конкретных конституционных прав. В ряде случаев признание конституционности оспариваемых положений сопряжено с исходящей от Конституционного Суда и адресованной законодателю рекомендацией по оптимизации действующего регулирования, в том числе посредством устранения его неопределенности и несогласованности, восполнения имеющих место нормативных пробелов[1].

При этом в юридической науке изучение пробелов в праве имеет достаточно длительную историю. Их сущность, причины происхождения, механизм устранения и преодоления в разные периоды времени освещались в работах как ведущих советских и современных российских ученых-юристов

[1] См., напр.: Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)», одобренная решением Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

(В.К. Зибигайло[1], В.В. Лазарева[2], П.Е. Недбайло[3], В.С. Нерсесянца[4], А.С. Пиголкина[5], А.Ф. Черданцева[6], Л.С. Явича[7]), так и молодых исследователей[8].

Теория пробелов в праве начала складываться еще в середине прошлого века. Так, еще в 1940-е годы С.И. Вильнянским было предложено определение, согласно которому в качестве критериев пробела (полная или частичная неурегулированность общественных отношений правовыми нормами) служили (1) отсутствие нормы; (2) неполнота нормы; (3) противоречие норм права[9].

Дальнейшее становление и развитие теории пробелов в праве обусловило то, что еще в советский период сложились два основных подхода к их пониманию – узкий и широкий.

На рубеже 1950–1960-х годов известный советский теоретик права П.Е. Недбайло определял пробел в праве как «фактический пробел в законодательстве в смысле отсутствия конкретной нормы для разрешения определенных случаев, находящихся в сфере воздействия права»[10]. Этот подход был широко распространен у юристов того времени, поддержан виднейшими представителями как общей теории права[11], так и отраслевых

---

[1] См.: Забигайло В.К. Указ. соч.

[2] См.: Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения.

[3] См.: Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. 511 с.

[4] См.: Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. С. 236–238.

[5] См.: Пиголкин А.С. Указ. соч.

[6] См.: Черданцев А.Ф. Теория государства и права. С. 221–224.

[7] См.: Явич Л.С. Сущность права. С. 176–177.

[8] См., напр.: Тихонравов Е.Ю. Указ. соч.; Уранский Ф.Р. Указ. соч.; Панасюк О.С. Указ. соч.; Спектор Е.И. Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: дис. … канд. юрид. наук; и др.

[9] См.: Вильнянский С.И. Указ. соч. С. 34.

[10] Недбайло П.Е. Указ. соч. С. 456.

[11] См., напр.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов и факультетов. М.: Норма, Инфра-М, 2001. С. 489; Сабо И. Социалистическое право. М.: Прогресс, 1964. С. 271; и др.

юридических наук[1]. Его сторонников можно найти и среди современных исследователей[2]. Например, А.В. Поляков определяет пробелы в законодательстве через отсутствие конкретной законодательной нормы, необходимой для урегулирования спорного общественного отношения[3]. Таким образом, характеризуя узкий подход к пониманию пробела в праве, необходимо сделать акцент на отсутствии законодательного правила, которое должно быть применено для разрешения правового конфликта.

Широкое понимание пробела в праве сформировалось несколько позднее. Так, в 70-е годы прошлого века В.В. Лазарев определял пробел в праве как «полное или частичное отсутствие нормативных установлений, необходимость которых обусловлена развитием общественных отношений и потребностями практического решения дел»[4]. Данный подход также имеет широкий круг сторонников, отмечающих, что пробел в праве есть полное или частичное отсутствие правового регулирования конкретных общественных отношений или их группы, сложившейся в определенной сфере, которая в принципе может быть урегулирована нормами права и объективно требует этого[5].

Сторонники широкого подхода исходят из того, что пробелы в праве возникают постоянно, причем не только вследствие оплошностей законодателя, который не смог предвидеть те или иные ситуации, имеющие место в ходе правореализации, но и в результате развития общественных отношений, появления новых сфер общественной жизни. Таким образом, в соответствии с рассматриваемым подходом пробел в праве – это проявление правовой неопределенности, объективной или субъективной по своему генезису, естественной для любого правопорядка, преодоление

---

[1] См., напр.: Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. С. 85.

[2] См., напр.: Черданцев А.Ф. Теория государства и права. С. 256.

[3] См.: Поляков А.В. Общая теория права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 777.

[4] Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. С. 37.

[5] См., напр.: Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Юринформцентр, 2002. С. 707.

которой способствует поступательному развитию соответствующей правовой системы.

Некоторые исследователи ставят перед собой задачу обосновать допустимость одного из названных подходов и установить ущербность другого, выявить его недостатки[1]. Эта задача представляется несколько однобокой, не отражающей всю полиаспектность самого понятия «пробел в праве», а также игнорирующей очевидные расхождения в понятийно-категориальном аппарате различных ученых. Так, одни из них говорят о пробелах в праве (В.В. Лазарев), а другие – о пробелах в законодательстве (П.Е. Недбайло). Подобное терминологическое расхождение не случайно, а обусловлено отличиями в предметах исследования. Следовательно, нет необходимости выбирать правильный и неправильный подходы, обоснованный и ущербный, искать недостатки и достоинства в них. Каждый из названных подходов заслуживает признания и применения при условии, что будут установлены различность используемых понятий («пробел в праве» при широком подходе и «пробел в законодательстве» – при узком) и соотношение между ними.

Пробел в праве, выступая одной из форм выражения правовой неопределенности, является следствием полного или частичного отсутствия объективно необходимого звена в конкретной правовой системе, должного обеспечить упорядочение определенной группы общественных отношений, которые уже подвергнуты правовому регулированию или в силу своей значимости (предполагаемой значимости) должны входить в сферу правового воздействия. Необходимость в упорядочении таких отношений обусловлена правовой политикой, смыслом и содержанием действующего законодательства, уровнем развития социально-экономических и политических отношений, а также рядом иных факторов, процессов и условий. Резюмируя, можно сказать, что пробел в праве есть правовая

[1] См., напр.: Кондрашев А.А. Указ. соч.

неопределенность, обусловленная отсутствием или неполнотой правового предписания.

Частичная неполнота правового предписания может быть количественной, качественной или структурной. В первом случае при достаточно полной характеристике родовой группы общественных отношений упущена одна или несколько видовых групп. Во втором – недостаточно корректно охарактеризована собственно родовая группа общественных отношений, в результате чего гипотеза правовой нормы или объем иной нормы права не могут быть соотнесены с конкретными общественными отношениями. Структурный дефект предполагает отсутствие какого-либо элемента правового предписания либо логической связи между отдельными его элементами: например, при установленном запрете отсутствует санкция за его нарушение.

Возникновение пробелов в праве связано с объективными и субъективными причинами. Так, А.Б. Венгеров различает пробелы, имеющие объективную и субъективную природу. Объективные пробелы в праве, по его мнению, возникают в случаях, когда «законодатель может быть не готов к принятию того или иного закона. Они ведут, как утверждают некоторые ученые, к появлению так называемых правовых вакуумов»[1]. Пробелы в праве, имеющие субъективную природу, с его точки зрения, выражаются в несовершенстве законодательства, отсутствии надлежащей законодательной техники и т.п.

К объективным причинам относятся появление новых общественных отношений как результат трансформации политической, экономической и социальной жизни современного общества, не охваченной правовым регулированием; отставание правотворческой деятельности от изменения условий общественного бытия. Представляется допустимым согласиться с теми исследователями, которые относят к объективным причинам

[1] Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. С. 436–437.

нарушения органических связей во всей правовой системе, связи права с правовой культурой, правовым сознанием; отсутствие адекватного отражения правом объективных потребностей современного общества и его национально-культурных особенностей[1].

О возникновении пробелов в праве, имеющем субъективную природу, следует говорить в тех случаях, когда правовая неопределенность, обусловленная отсутствием необходимого правового предписания, сложилась как следствие ошибки или упущения самого законодателя, низкого уровня его правотворческой культуры. Действующее законодательство нередко содержит нормы, формально не отмененные, но уже потерявшие свое значение. Напротив, фактические отношения, объективно нуждающиеся в законодательной регламентации, могут долго оставаться без оной; за принятием рамочного закона длительное время может не следовать появление специальных законов. Так, Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании»[2] принимался как рамочный, предполагалось, что каждому виду и уровню образования будет соответствовать отдельный специальный закон. Однако был принят только закон, посвященный высшему и послевузовскому образованию[3]. Этот законодательный пробел был устранен только в 2012 году с принятием нового закона, посвященному образовательной деятельности[4], который носил уже не рамочный, а комплексный характер, являясь, по сути, образовательным кодексом.

Пробелы в праве могут возникнуть также вследствие отступлений от правил законодательной техники, русского литературного языка

---

[1] См., напр.: Панасюк О.С. Указ. соч. С. 7.

[2] См.: Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1797; Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (в ред. от 13 января 1996 года) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 150.

[3] См.: Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском образовании» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4135.

[4] См.: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53. Ч. 1. Ст. 7598.

и формальной логики при подготовке закона. Здесь также речь идет о субъективных причинах. Без сомнения, при формировании и развитии правовой системы чрезвычайно важно соблюдение в нормотворческом процессе правил юридической техники, законов и требований правовой логики. Нарушение этого и других связанных с ним положений приводит к логическим ошибкам, упущениям, которые могут объективироваться в пробелы в праве, существенно затрудняющие, а иногда и парализующие правореализацию.

Законодательные пробелы – это разновидность пробелов в праве. Они имеют специфическую сферу возникновения – законодательство в широком смысле, а следовательно, их генезис всегда субъективен, т.е. они есть результат такой разновидности человеческой деятельности как правотворчество. Результат, правда, негативный.

В исследованиях последних лет весьма распространенной стала позиция, в соответствии с которой в качестве разновидности пробелов в праве рассматриваются правовые коллизии. «Предлагается следующая классификация пробелов в праве: абсолютные (полные); относительные (частичные); к о л л и з и о н н ы е (здесь и далее в цитатах оформление разреженным шрифтом соответствует оригиналу. — А.Б.)»[1]. «Основными видами пробелов в праве являются: 1) правовой вакуум <…> 2) неполнота правовой нормы <…> 3) квалифицированный пробел <…> 4) у с л о в н ы й (к о л л и з и о н н ы й) п р о б е л , в ы з в а н н ы й п р о т и в о р е ч и в о с т ь ю п р а в о в ы х н о р м ; 5) реальный пробел…»[2]. Справедливости ради необходимо указать и противоположную тенденцию, когда на пробелы в праве указывают при раскрытии понятия коллизии: «К причинам возникновения неумышленных коллизий правовых актов, по мнению автора, следует отнести п р о б е л ы в п р а в е и юридические ошибки (несовершенство процедуры подготовки законопроекта и слабая

[1] Панасюк О.С. Указ. соч. С. 8.
[2] Уранский Ф.Р. Указ. соч. С. 6.

профессиональная подготовка законодателя и т.д.). Конкретными причинами возникновения коллизий в праве являются асимметричность федерации, нечеткое конституционное разграничение компетенции Российской Федерации и ее субъектов, пробелы федерального и регионального законодательства в регулировании общественных отношений»[1].

Согласиться с отнесением правовых коллизий к числу пробелов в праве, как и с обратным отнесением пробелов к причинам коллизий, категорически невозможно. Действительно, указанные правовые феномены имеют много общего. В первую очередь то, что они являются формами выражения правовой неопределенности. Однако соотноситься как родовое и видовое понятия они не могут, так как имеют различные природу и содержание. Если пробел в праве – это «правовой вакуум», отсутствие юридической регламентации, то правовая коллизия – обратная ситуация, предполагающая избыточное, даже противоречивое регулирование, столкновение правовых норм. Именно для корректного размежевания «пробелов в праве» / «пробелов в законодательстве» и «правовых коллизий» / «законодательных коллизий» необходимо общее (родовое) для них понятие, каковым и представляется термин «содержательные правовые дефекты» / «содержательные дефекты законодательства».

Признавая приведенные выше примеры классификации пробелов в праве недостаточно успешными, хотелось бы подчеркнуть, что критериев выделения тех или иных групп пробелов в праве немного и существуют сравнительно устоявшиеся в теории права классификации. Например, по времени возникновения выделяются пробелы первоначальные и последующие[2]. Первоначальные пробелы возникают в момент издания нормативного правового акта. В российской правовой системе они выступают

---

[1] Сухов Э.В. Указ. соч. С. 7.

[2] См., напр.: Алексеев С.С. Теория права. С. 258–259; Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. С. 34; и др.

следствием того, что законодатель или не знал о наличии обстоятельств, требующих нормативного регулирования, или не осознавал необходимости регулирования известных ему общественных отношений, или, зная о них и сознавая необходимость их закрепления в праве, все-таки упустил это из виду по иным обстоятельствам. Первоначальные пробелы, в свою очередь, могут делиться на простительные и непростительные. Если орган, издающий нормативные акты, не знал и не мог знать о существовании отношений, требующих правового регулирования, можно говорить об их простительности. Если же он мог знать о новых явлениях или возможности их возникновения в ближайшем будущем, мог выявить потребность в их юридической регламентации, знал о необходимости закрепления определенных отношений в издаваемом акте, но упустил их регулирование, то пробелы должны рассматриваться как непростительные. Последующие пробелы появляются после издания нормативного акта. Они могут быть обусловлены (1) возникновением совершенно новых, не существовавших ранее общественных отношений, либо (2) потребностью в нормативном регулировании таких явлений, к которым ранее право было безразлично.

Для определения некоторых видов существующих в отечественном законодательстве пробелов зачастую используется понятие «технический пробел»[1], под которым понимаются недостатки правовых норм, связанные с несовершенством законодательной техники. При отсутствии таких правил, а тем более при их нарушении в нормативных актах наблюдаются непостоянство в выражениях, многословие, беспорядочность расположения материала и т.п. Эту категорию дефектов законодательства представляется целесообразным исключить из числа законодательных пробелов, т.е. содержательных дефектов законодательства, и отнести к числу дефектов технических, поскольку говорить о логической ошибке здесь нельзя.

[1] См., напр.: Алексеев С.С. Теория права. С. 258–259.

Представляется справедливым частично отнести к числу законодательных пробелов разновидность дефектов законодательства, которая связана с наличием в законах изъянов, делающих невозможным их применение, ведущих к их полному бездействию и называемых Л.С. Явичем «злостными изъянами» или «квалифицированными дефектами»[1]. Однако существенная часть таких дефектов носит не содержательный характер, предполагающий грубую логическую ошибку, а сущностный, когда ошибка связана с примененными принципами и концепциями, когда имеет место столкновение различных социальных интересов.

В последнее время в юридической науке стали выделяться так называемые намеренные пробелы (или квалифицированное молчание), которые наблюдаются, когда законодатель сознательно оставляет вопрос открытым, полагая, что он решится с течением времени, или предоставляет решение правоприменительным органам[2]. Так, если законодатель ничего не говорит, т.е. прямо не закрепляет возможности для истца дополнить заявленные исковые требования новыми требованиями наряду с ранее заявленными, не меняя основания иска, то исходя из принципа, что все, что законом не предусмотрено, запрещено, такое молчание означает запрет на подобные действия. Законодатель не просто молчит, но своим молчанием выражает свое отрицательное отношение ко всему тому, что выходит за рамки непосредственно оговоренного в законе. Если же отсутствие в ст. 39 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) прямо закрепленной процессуальной возможности не только изменить, но и дополнить исковые требования новыми, определить как пробел, то принятие судом дополнительных исковых требований к ранее заявленным может означать как включение в понятие «изменение предмета

---

[1] См.: Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. С. 144.

[2] См., напр.: Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: Юрист, 2001. С. 369.

иска» дополнений к нему, так и аналогию закона. В свою очередь, рассмотрение дополнительных требований в порядке ст. 133 ГПК РФ также может предполагать как субсидиарное применение правил данной статьи, так и применение их в порядке аналогии закона. Последний подход связан с выявлением в действующем законодательстве пробела, и в таком случае квалифицированное молчание законодателя противопоставляется пробелу и аналогии закона.

Зачастую отождествляемое с такими понятиями, как мнимый пробел и преднамеренный пробел, понятие квалифицированного молчания законодателя в последнее время получило в отечественной правовой науке неоднозначную интерпретацию. В основном оно определяется как прием законодательной техники, посредством которого законодатель делегирует конкретизацию правовой нормы на уровень правоприменителя. В объем квалифицированного молчания законодателя включают также не относящиеся к сфере правового регулирования фактические отношения[1].

В обоих случаях можно говорить о квалифицированном молчании законодателя, посредством которого он ничего не запрещает, а, наоборот, предоставляет правоприменителю возможность разрешить возникающие на практике вопросы, в том числе вопрос о том, является ли фактическое общественное отношение предметом правового регулирования. При этом остается неясным, чем квалифицированное молчание законодателя отличается от неквалифицированного, притом что убедительных доводов в пользу необходимости отнесения любого молчания законодателя к категории квалифицированного не приводится. В связи с этим представляется также некорректным связывать значение термина «квалифицированное молчание законодателя» с использованием оценочных понятий[2]. Понятие квалифицированного молчания законодателя является

---

[1] См., напр.: Морозова Л.А. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2002. С. 288.

[2] См., напр.: Спектор Е.И. Некоторые аспекты применения института аналогии в административном законодательстве // Право и экономика. 2002. № 7. С. 98; Она же. Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: дис. … канд. юрид. наук. С. 123.

специальным, и потому нельзя согласиться с его отождествлением с более общим по отношению к нему понятием молчания.

С учетом изложенного представляется более обоснованной позиция, в соответствии с которой квалифицированное молчание законодателя относится к ситуациям, когда отсутствием нормы права законодатель устанавливает запрет, что корреспондирует с разрешительным типом правового регулирования (запрещено все, что прямо не разрешено законом) и характерно для установления налогов и сборов, юридической ответственности и регламентации компетенции властно уполномоченных субъектов. Однако трудности с отграничением квалифицированного молчания законодателя от пробела в законодательстве приводят к введению такого термина, как «квалифицированный пробел», в роли эквивалента негативного квалифицированного молчания законодателя[1].

Для корректного размежевания понятий «квалифицированное молчание законодателя» и «пробел в законодательстве» представляется верным сохранять за первым то значение, с которым оно вошло в понятийно-категориальный аппарат правовой науки: квалифицированное молчание законодателя выражает отрицательную волю законодателя к тому, что законом не предусмотрено[2]. Отрицательная воля законодателя, как правило, означает запрет. В таком понимании квалифицированное молчание законодателя отчетливо противостоит пробелу. С точки зрения формальной логики квалифицированное молчание законодателя и пробел в законодательстве представляют собой закрытую строгую дизъюнкцию: либо законодатель запрещает то, о чем он умалчивает, либо молчание законодателя оценивается как изъян в его работе, а отсутствие необходимой нормы права –

---

[1] См.: Демин А.В. Квалифицированное молчание закона в механизме налогово-правового регулирования // Закон. 2012. № 2. С. 131–133, 136.

[2] См., напр.: Лазарев В.В. Пробелы в праве. Казань, 1969. С. 68, 82; Общая теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. М.: Юристъ, 1996. С. 251; Боннер А.Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М.: Юрид. лит., 1980. С. 15, 74; и др.

как пробел. Таким образом, мы имеем дело с двумя противоположными понятиями, первое из которых объясняет положение «все, что законом не предусмотрено, запрещено», второе, наоборот, вытекает из представления о том, что вовсе не все, законом не предусмотренное, в то же время и тем самым запрещено.

Из признания того, что пробел в законодательстве противостоит квалифицированному молчанию законодателя, следует, что вывод о наличии пробела в действующем законодательстве – это результат его оценки как не отвечающего практическим потребностям с точки зрения полноты и всесторонности должного правового регулирования. Сама по себе постановка вопроса о возможности пробела в законодательстве связана с отказом от признания в качестве безусловно действующего принципа «все, что законом не предусмотрено, запрещено».

Так, несколько лет назад О.В. Исаенкова обратила внимание на то, что в ст. 55 ГПК РФ предусмотрена возможность использования в качестве средств доказывания аудио- и видеозаписи, а также заключения эксперта. Однако упущенными оказались такие средства доказывания, как фотоматериалы и консультации специалиста. При этом консультации специалиста, будучи ранее предусмотренными в качестве средства доказывания в гражданском процессуальном законодательстве, не вошли в состав сформированного по принципу исчерпывающего перечня списка средств доказывания, закрепленного в упомянутой норме. На практике это привело к тому, что в судебных актах может дословно воспроизводиться консультация специалиста без указания на данный источник, соответственно, суждение специалиста формально выдается за собственное суждение суда[1]. Такие ситуации возникают из-за того, что по общему правилу все находящееся вне рамок исчерпывающих перечней воспринимается как находящееся под запретом. Понятием квалифицированного молчания

[1] См.: Исаенкова О.В. Некоторые проблемы доказательств и формы их представления в гражданском судопроизводстве // Налоги. 2009. № 17.

законодателя данный запрет объясняется как такое отрицательное выражение законодательной воли посредством молчания, при котором нормативное предписание представляется эквивалентным приказу. Строгое подчинение предписанию предполагает рамки поведения, установленные этим предписанием.

При сравнении правовой модели, закрепленной в ст. 55 ГПК РФ, с содержанием смежных законодательных положений, а именно ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса российской Федерации (далее – АПК РФ) и ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса российской Федерации (далее – УПК РФ), убежденность в том, что законодатель своим квалифицированным молчанием сознательно налагал запрет на использование фотоматериалов и консультаций специалистов, только усиливается. Так, ст. 64 АПК РФ допускаются в качестве доказательств письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы. Очевидно не только то, что консультации прямо поименованы как доказательства, но и, что более важно, приведенный в этой норме перечень открытый, что формально не ограничивает стороны в представлении доказательств. Аналогично в ст. 74 УПК РФ предусматриваются заключение и показания специалиста и сам перечень тоже сформирован как открытый, что также не влечет необоснованных законодательных ограничений в возможном составе доказательств.

Использование законодателем различных подходов при регулировании подобных общественных отношений может служить подтверждением того, что в гражданском процессуальном законодательстве мы имеем дело не с пробелом, а с осознанным желанием законодателя ограничить круг доказательств только теми, которые прямо поименованы в ч. 1 ст. 55 ГПК РФ.

В то же время наличие в законодательстве различных подходов для решения одного и того же вопроса при регулировании смежных и/или

подобных общественных отношений может быть обосновано только существованием неких обстоятельств, обусловливающих такие различия. Например, Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 года[1], допуская на территории РСФСР третейское производство и регламентируя его, устанавливал запрет на его применение при разрешении споров между казахами в сельской местности (аулах) Казахской АССР. Ограничение процессуальных прав представителей конкретной национальности было обусловлено пережитками их родоплеменной организации, которые могли стать препятствием для отправления правосудия.

Возвращаясь к обозначенным выше расхождениям в процессуальном законодательстве, связанным с составом доказательств, представляется целесообразным указать на то, что различия в построении перечня доказательств могли бы существовать между УПК РФ с одной стороны и АПК РФ и ГПК РФ – с другой. Они обосновывались бы принципом презумпции невиновности, закрепленным в ст. 14 УПК РФ. Однако модель построения перечня доказательств, избранная в арбитражном процессуальном и уголовном процессуальном законодательстве, одинаковая, а особняком стоит гражданское процессуальное законодательство, которое в этом вопросе не должно отличаться от них. Следовательно, в данном случае речь должна идти о содержательном дефекте гражданского процессуального законодательства. Об этом говорят представители как теории государства и права, так и процессуально-правовой науки[2]. В юридической литературе неоднократно отмечалось, что при подготовке и принятии нормативных актов законодатель может по ошибке не учесть все стороны предмета правового регулирования и связать действие норм права

---

[1] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, принятый на 2-й сессии ВЦИК X созыва 7 июля 1923 г., введенный в действие постановлением ВЦИК от 10 июля 1923 г. с 1 сентября 1923 г. (в ред. по сост. на 1 июля 1950 г.). М., 1950. 322 с.

[2] См., напр.: Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. М.: Статут, 2008. С. 114–115; Апостолова Н.Н. О соотношении законности и целесообразности в российском уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2011. № 1. С. 45; Шафиров В.М. Законность в правовом государстве // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 43.

с понятием, которое является лишь одним из представителей какого-либо рода, вместо того чтобы связать действие правовых норм с общим понятием[1]. Сложившийся содержательный дефект законодательства переходит из латентного состояния в состояние очевидности при практическом применении соответствующей нормы права.

Специфика современного периода исследования пробелов в праве такова, что, если советские исследователи видели в их возникновении в первую очередь объективные факторы, то в современных публикациях прямо указывается – практически сразу после принятия российской Конституции 12 декабря 1993 г. начало отмечаться наличие множества недостатков в тексте Основного закона страны, который стал источником наиболее значимых пробелов в российском праве, а также причиной законодательных и правоприменительных коллизий и дефектов[2].

Таким образом, среди законодательных пробелов в Российской Федерации следует выделить особую группу, обусловленную несовершенством самой действующей Конституции. Еще в 2004 году был опубликован труд «Красная книга. Конституция Российской Федерации»[3], в котором недействующие конституционные положения, а также нормы, смысл и содержание которых были существенно изменены в ходе их применения, были выделены жирным курсивом. Тогда только около трети текста была выделена как проблемная. В настоящее время, по мнению некоторых исследователей, в проблемной зоне оказалась уже половина Основного закона[4]. В связи с этим представители правовой науки к проблеме конституционных пробелов подходят с различных позиций: реакционной, паллиативной и модернизационной[5], которые сформировались еще на рубеже

---

[1] См.: Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1875. С. 25.

[2] См.: Кондрашев А.А. Указ. соч. С. 20.

[3] Красная книга. Конституция Российской Федерации. М.: Новая газета, 2004. 322 с.

[4] См., напр.: Лукьянова Е.А. Некоторые проблемы конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 15. С. 5.

[5] См.: Кондрашев А.А. Указ. соч. С. 25.

прошлого и текущего веков.

Первые отрицают само наличие конституционных пробелов. Ученые стоящие на этой позиции утверждают, что «в Конституции, в отличие от обычных законов, пробелов нет и быть не может»[1], поскольку конституционное регулирование является наиболее широким, а конституционные нормы – это нормы-принципы, имеющие так называемый каучуковый характер. Любые неясности, выявляющиеся в ходе реализации конституционных норм, могут легко преодолеваться официальным толкованием, которое и должно обеспечить связь Конституции с современным состоянием общественного развития. Неслучайно и то, что Конституционный Суд РФ, наделенный полномочиями по официальному толкованию конституционных положений, по отдельным вопросам со временем изменял свою позицию[2]. С точки зрения рассматриваемой группы исследователей толкование – отнюдь не доказательство существования конституционных пробелов, а средство снятия неопределенностей, постоянно возникающих вследствие особой природы конституционных норм: «Официальное толкование Конституции, т.е. толкование, осуществляемое Конституционным Судом, вряд ли можно отнести к способам восполнения пробелов, поскольку деятельность Конституционного Суда направлена на выяснение смысла конституционных

---

[1] Гаджиев Г. К вопросу о пробелах в Конституции // Пробелы в российской Конституции и возможности ее совершенствования: сб. докладов. М.: Изд-во Центра конституц. исслед. МОНФ, 1998. С. 22.

[2] См., напр.: Виноградов Т., Подоплелова О., Храмова Т., Иванов Л. Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 2. С. 190–203; Виноградов Т., Медников Д., Нефедова Е. и др. Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3. С. 121–137; Красиков Д.В. Конвенционно-конституционные коллизии и иллюзии: что лежит в основе «возражения» Конституционного Суда России в адрес Европейского суда по правам человека? // Международное правосудие. 2016. № 3. С. 101–117; Васянина Е.Л. Развитие фискальной системы России в современных экономических условиях // Налоги. 2016. № 4. С. 6–9; Таболин В.В. Латентные ограничения прав граждан в Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 31–33; и др.

положений, а не создание новых норм. Выявление же неявного смысла нормы никак не связано с пробельностью Конституции»[1].

Исследователи, придерживающиеся паллиативного подхода, исходят из того, что конституционные пробелы возможны, но при этом устраняются посредством не реформы конституционного текста, а толкования или принятия нижестоящих по юридической силе нормативных правовых актов. А. Бланкенагель подчеркивает, что при обсуждении этой проблемы часто видна «политическая предвзятость в восприятии пробелов в Конституции»[2]. Для представителей этого подхода попытка обосновать конституционные пробелы с позиций недостаточности предмета конституционного регулирования ошибочна, поскольку принятие компактных либо объемных конституций отражает специфику страноведческих подходов[3]. Не опровергая наличие конституционных пробелов, они полагают, что «пересмотр Конституции и внесение в нее поправок — дело отдаленной перспективы. Любая кампания по ревизии Конституции может сломать хрупкий баланс сил в обществе и каркас новой государственности, прервет медленное, но поступательное вхождение страны в русло конституционализма»[4].

Третий подход к оценке конституционных пробелов заключается не только в признании наличия в ней многочисленных пробелов, неотраженности всех сущностных условий общественного договора, сложившегося в России, но и в обосновании необходимости «ревизии» содержания Основного закона как через поправки, так и через пересмотр конституционного текста в целом. Хотя не исключается возможность

---

[1] Гаджиев Г. Указ. соч. С. 22.

[2] Бланкенагель А. Пробелы в Конституции Российской Федерации и возможности ее совершенствования // Пробелы в Российской Конституции и возможности ее совершенствования: сб. докладов. С. 7–8.

[3] См.: Там же. С. 10–11.

[4] Митюков М.А. Проблема реализации демократического потенциала Конституции Российской Федерации // Пробелы в Российской Конституции и возможности ее совершенствования: сб. докладов. С. 47.

восполнения отдельных конституционных пробелов путем принятия законов и указов Президента, толкования спорных конституционных положений Конституционным Судом РФ. Предложения о внесении в том или ином объеме поправок в действующую Конституцию РФ вносились на рассмотрение научной общественности, например, С.А. Авакьяном, А.А. Белкиным, В. Васильевым, А.И. Лукьяновым, М. Красновым, Г. Сатаровым, Т.Я. Хабриевой, В.Е. Чиркиным, В.Л. Шейнисом и др.[1]

[1] См., напр.: Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М.: РЮИД, 2000. С. 215–228; Ескина Л.Б. Конституционная реформа в России: кризис или очередной этап // Правоведение. 2001. № 2. С. 4–24; Зиновьев А.В. Концепция первоочередных поправок в Конституцию России // Правоведение. 2000. № 4. С. 46–61; Привалова С.В. Конституционно-правовая реформа в современной России (Научно-практическая конференция) // Государство и право. 2000. № 5. С. 91; Чиркин В.Е. О некоторых проблемах реформы российской Конституции // Государство и право. 2000. № 6. С. 6; Хабриева Т.Я. Реформирование Конституции Российской Федерации: возможность и необходимость // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 20–32.

ГЛАВА 3. МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ДЕФЕКТОВ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

§ 3.1. Понятие преодоления содержательных дефектов законодательства

Эффективность права зависит от многих факторов, среди которых одно из ключевых мест занимает качество действующего законодательства. Без согласованности и взаимодействия властных предписаний право не может реализовывать свои функции, не обеспечивается действительная правовая охрана. Действие закона предполагает использование различных способов полного устранения и преодоления его дефектов, в ряду которых немаловажную роль играют применение механизмов разрешения законодательных коллизий и восполнения пробелов законодательства, в том числе на основе непосредственной реализации принципов права при правоприменении, следование конституционным положениям, а также нормам и принципам международного права.

При этом основным препятствием для создания единого эффективного правового пространства представляется как раз проблема содержательных дефектов законодательства. Выявление их причин, а также факторов и условий возникновения, выработка и реализация механизмов предупреждения, устранения и преодоления являются на сегодняшний момент главными задачами юридической науки.

Несмотря на всю важность обозначенной проблематики и многочисленность исследований, предметом которых она является, опять приходится констатировать несформированность не только общей теории преодоления содержательных дефектов законодательства, но даже устоявшегося понятийно-категориального аппарата. Для обозначения процедур, связанных с такими дефектами, используются различные термины: недопущение, профилактика, выявление, устранение, преодоление,

разрешение коллизий, восполнение пробелов и т.п. Однако сколько-нибудь согласованная позиция по данному вопросу так и не сложилась.

Например, применительно к такой разновидности содержательных дефектов законодательства, как законодательные коллизии, отдельные исследователи предлагают сформировать механизм их разрешения, под которым понимается система взаимодействующих юридических средств, направленных на их преодоление и устранение. В него должны включаться лишь юридические средства. Средства, не указанные в законе, равно как и действия, не входящие в компетенцию конкретного органа, в круг его полномочий, не могут считаться законными, следовательно, не входят в такой механизм. При этом отмечается, что устранение коллизий происходит в процессе правотворчества, а при правоприменении осуществляется нормативное толкование актов законодательства.

Средства разрешения коллизий образуют его элементы: 1) способы устранения коллизий; 2) способы преодоления коллизий; 3) способы преодоления разногласий (факультативный элемент). Между ними существует взаимодействие. Коллизии правовых актов, проявляясь в конкретном правоотношении, преодолеваются в правоприменительной практике. Отсутствие единого подхода к коллизионным ситуациям влечет произвол в правоприменении. Поэтому преодоление коллизий должно быть связано с деятельностью органов, осуществляющих нормативное толкование. Между тем следует признать право судебных и административных органов только на создание интерпретационных норм, лишь уточняющих и конкретизирующих смысл и содержание толкуемого предписания. Иными словами, процесс разрешения коллизий происходит при взаимодействии правотворческих органов с органами, осуществляющими нормативное толкование[1]. Таким образом, например, В.В. Денисенко общим понятием

[1] См.: Денисенко В.В. Указ. соч. С. 7–9.

предлагает считать разрешение коллизий, а специальными – преодоление и устранение.

С.В. Сибилева обосновывает вывод о том, что способы предупреждения и разрешения коллизий включают в себя (1) предупреждение правовых коллизий (проведение предварительной юридической экспертизы нормативных правовых актов и их согласование, составление планов и программ законопроектов, правовых прогнозов и др.); (2) выявление правовых коллизий (мониторинг законодательства Российской Федерации и законодательства субъектов Российской Федерации, ведение федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и регистра муниципальных правовых актов и др.); (3) преодоление правовых коллизий (коллизионные правила, устанавливающие порядок применения правовых актов и норм в случае их несоответствия; согласительно-примирительные процедуры, в том числе третейское разбирательство; временные или специальные режимы; оспаривание нормативных правовых актов в арбитражном суде и судах общей юрисдикции и др.); (4) устранение правовых коллизий (принятие правового акта вместо противоречащих друг другу, отмена одного из противоречащих правовых актов, признание акта неконституционным и др.)[1]. Здесь родовыми понятиями выступают предупреждение и разрешение коллизий, а видовыми – предупреждение, выявление, преодоление и устранение. Это утверждение очевидно логически ущербно. Во-первых, родовое понятие двойственно – «предупреждение и разрешение». Во-вторых, одно из специальных понятий дублирует родовое – «предупреждение правовых коллизий».

А.И. Юдин избрал в качестве предмета своего исследования механизм разрешения и преодоления юридических коллизий, под которым он понимает часть механизма правового регулирования, юридический инструментарий

[1] См.: Сибилева С.В. Указ. соч. С. 8.

и регламентированную правовыми нормами совокупность иных элементов, дающих возможность правовыми средствами разрешать юридические коллизии путем их преодоления с целью упорядочения регулирования общественных отношений и устранения противоречивости правовой системы[1]. Важную роль в нем играет правотворчество, в рамках которого либо отменяются коллидирующие и вводятся новые источники права, вносятся изменения в источник права, либо издаются коллизионные нормы. В последнем случае преодоление коллизий норм права выражается в выборе подлежащей применению в конкретном деле нормы из коллидирующих правовых предписаний, которая представляет собой их разрешение применительно к конкретному случаю. Так, результатом преодоления коллизий норм права является применение правоприменительным органом коллизионных норм или правоположений[2].

Также в рамках рассматриваемого механизма выделяется такой способ, как толкование, под которым понимается процесс выяснения смысла правовой нормы, нормативно-правового акта, других коллидирующих источников права в контексте соответствующего правопонимания, правовой доктрины, стереотипов правосознания, ценностей правовой культуры, в ходе и посредством которого осуществляется их нейтрализация. Особенностью этого способа разрешения юридических коллизий является активная роль, которую играют субъективные факторы толкователя, его правосознание и правовая культура, уровень юридического образования и мировоззрения, стиль юридического мышления. Поэтому данный способ включен в механизм разрешения юридических коллизий не в качестве юридического средства механизма правового регулирования, а как форма правотворчества, не имеющая строгой юридической регламентации. Учитывая, что роль этого способа разрешения юридических коллизий повышается в процессе

[1] См.: Юдин А.И. Указ. соч. С. 9–10.
[2] Юдин А.И. Указ. соч. С. 8.

модернизации правовой системы, следует сделать вывод о возрастании значения качества толкователей права в современной России[1]. Здесь также имеет место двойственное родовое понятие – «разрешение и преодоление», видовыми по отношению к которому выступают коллизионное нормотворчество и толкование.

Применительно к пробелам в праве принято говорить об их предупреждении[2], преодолении[3] или восполнении[4]. Однако теория, в рамках которой бы речь шла о каком-либо механизме или системе таких мер, не сформировалась.

Как исследования последних лет не отличаются единообразием в понятийно-категориальном аппарате, так и подходы к решению проблем законодательных коллизий и пробелов в законодательстве, обозначенные в них, кардинально отличаются друг от друга. Их можно объединить в две группы, первую условно обозначив как законодательная, а вторую – индивидуальная.

Первая из названых групп объединяет подходы, предполагающие формирование специального блока законодательства. Закрепленные в нем нормы должны служить для разрешения законодательных коллизий и восполнения пробелов в законодательстве. «Для создания реально действующего механизма преодоления правовых коллизий необходимо принятие модельных нормативных актов, а также ряда специальных федеральных законов: „О процедурах преодоления разногласий и разрешения споров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации“, „О нормативных правовых актах“, а также „О федеральном коллизионном праве“, который устанавливал бы основные процедуры преодоления

[1] См.: Юдин А.И. Указ. соч. С. 9–10.
[2] См., напр.: Панасюк О.С. Указ. соч.
[3] См., напр.: Тихонравов Е.Ю. Указ. соч.
[4] См., напр.: Уранский Ф.Р. Указ. соч.; Тихонравов Е.Ю. Указ. соч.

разногласий и споров»[1].

Наиболее завершенный вид эта концепция приобретает тогда, когда ее сторонники обосновывают наличие коллизионного права, которое, по их мнению, представляет собой комплексный правовой институт, объединяющий нормы различных отраслей права (конституционного, административного, финансового, муниципального и др.), выполняющий направленную на упорядочение системы российского законодательства функцию по преодолению правовых коллизий и пробелов в праве, предусматривающий способы их предупреждения и разрешения (выявления, преодоления, устранения, восполнения)[2].

С точки зрения исследователей, придерживающихся противоположной позиции, преодоление содержательных дефектов законодательства требует создания индивидуальных предписаний, которые нельзя назвать результатом ни правоприменения, ни правотворчества. Отдельные ученые предлагают даже именовать их внезаконными, так как они не укладываются в содержание функционирующих законодательных правил[3]. При этом следует согласиться с теми сторонниками данного подхода, которые указывают на то, что вопрос о наличии содержательного дефекта, будь то коллизия или пробел, можно ставить только в том случае, когда в процессе столкновения определенных интересов возникла необходимость в юридической квалификации определенных обстоятельств. Также необходимо учитывать, что признаками наличия содержательного дефекта законодательства являются (1) факт вхождения конкретной спорной ситуации в сферу общественных отношений, подлежащих правовому регулированию; (2) невозможность однозначного разрешения этой ситуации при помощи действующих правовых норм; (3) необходимость профессиональной юридической оценки спора[4].

---

[1] Сухов Э.В. Указ. соч. С. 7.
[2] См., напр.: Сибилева С.В. Указ. соч. С. 9.
[3] См.: Тихонравов Е.Ю. Указ. соч. С. 6.
[4] См.: Уранский Ф.Р. Указ. соч. С. 6–7.

Каждый из описанных выше подходов основывается на позициях ученых еще советского периода. Так, рассмотрение вопроса о разрешении правовой коллизии как этапа юридической квалификации было предложено еще в 70-е годы прошлого века В.Н. Кудрявцевым[1]. В дальнейшем для представителей уголовно-правовой науки это стало традиционным[2]. Задача обосновать коллизионное право была поставлена еще Ю.А. Тихомировым[3]. Однако та категоричность, с которой вопросы устранения и преодоления содержательных дефектов законодательства разрешаются в исследованиях последних лет, не может быть разделена и не исходит из отечественной правовой традиции, в том числе работ указанных авторов. Для решения соответствующих познавательных задач необходимо учитывать целый комплекс обстоятельств, а следовательно, и выводы не могут быть столь категоричными.

Содержательные дефекты законодательства устраняются самим субъектом правообразования в рамках правотворческой деятельности. В то же время необходимость в преодолении таких дефектов возникает в рамках правореализации, в первую очередь у правоприменителя.

Устранение содержательных дефектов законодательства предполагает внесение в действующее законодательство изменений, направленных на удаление из него коллидирующей нормы, установление новой нормы с одновременной отменой коллидирующих норм, а также установление новой нормы, регулирующей ранее законодательно не регламентированные общественные отношения. Такие изменения могут осуществляться путем принятия нового акта, отмены старого, внесения изменений или уточнений в действующие акты, систематизации законодательства, в частности

---

[1] См.: Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 211–218.

[2] См., напр.: Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук.

[3] См.: Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия; Он же. Коллизионное право: учеб. и науч.-практ. пособие.

отраслевой кодификации, принятия законов по крупным тематическим блокам[1].

Вопрос о субъектах устранения содержательных дефектов законодательства в юридической литературе до настоящего времени остается дискуссионным. Так, одни ученые, находясь на строгих позициях юридического позитивизма, утверждают, что устранение таких дефектов выходит за рамки применения права и решается только законодателем в ходе правотворческого процесса, т.е. относится к области законотворческой деятельности. Другие, придерживаясь социологического правопонимания, считают, что суд, реализуя функцию судебного контроля за законностью нормативных правовых актов, занимается устранением коллизий норм права, т.е. обладает субсидиарными правотворческими полномочиями. Представляется, что непосредственное устранение дефектной нормы из законодательства или установление недостающей нормы – это полномочия законодателя. Суд действительно может выявить законодательный изъян и даже, при наличии соответствующих полномочий, разрешить конкретное дело, минимизировав его негативный регулятивный эффект. Однако исправить законодательство может только сам законодатель. Иная позиция допустима только в тех странах, где источником права признается судебный прецедент. Здесь следует отметить, что отдельными исследователями предпринимается попытка обосновать необходимость такой формы права через потребность в устранении законодательных дефектов[2].

Отличительной чертой устранения содержательных дефектов законодательства является то, что составляющие его содержание противоречие или правовая лакуна устраняются полностью, законодательство освобождается от соответствующей логической ошибки.

---

[1] См.: Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 47.

[2] См., напр.: Панасюк О.С. Указ. соч. С. 7.

Однако такая ошибка не всегда может быть устранена. Но даже тогда, когда такая возможность существует, есть как минимум одно фактическое общественное отношение, требующее правовой регламентации, которое возникло до вступления в силу соответствующих изменений в законодательство. В этом случае возникает необходимость в преодолении содержательных дефектов законодательства, которое выражается в выборе нормы, подлежащей применению в конкретном деле. Оно представляет собой его разрешение на основе нормы, которая была избрана для этой цели применительно к конкретному случаю. Потребность в преодолении рассматриваемых дефектов возникает тогда, когда при установлении нормы, подлежащей применению, оказывается, что фактические обстоятельства регулируются несколькими правовыми нормами или не регулируются конкретной нормой вообще. В такой ситуации правоприменитель вынужден выбрать одну норму и обосновать ее применение. При этом общим как для разрешения законодательных коллизий, так и для восполнения пробелов в законодательстве является выбор применимой нормы права в условиях неочевидности, т.е. неописанности соответствующих общественных отношений в гипотезе правовой нормы или объеме иной нормы права (при пробеле), либо их подпадании под признаки, содержащиеся в двух и более гипотезах и/или объемах (при коллизии).

Из сказанного следует, что справедливым представляется отнесение преодоления содержательных дефектов законодательства к нетипичным ситуациям в правоприменении, о существовании которых еще в 1970-е годы писал В.В. Лазарев[1]. Здесь речь идет не о праве, а об обязанности правоприменителя. Иначе говоря, выявление в ходе рассмотрения конкретного дела законодательного дефекта обязывает суд преодолеть его посредством реализации полномочий, закрепленных за ним законом. По сравнению с законодателем правоприменитель при обнаружении дефекта

[1] См.: Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975. С. 44–47.

вынужден реагировать на него практически незамедлительно, выбирая или подбирая применимую норму права, подкрепляя свой выбор необходимым и достаточным обоснованием. Несудебные правоприменительные органы также полномочны преодолевать дефекты законодательства, однако этот процесс нуждается в дополнительной регламентации. Принципиальное отличие таких органов от судебных заключается в том, что принятое ими решение может быть оспорено в судебном порядке, т.е. суд должен будет дать оценку выбору применимой нормы права и его обоснованию.

Преодоление содержательных дефектов законодательства предполагает применение специальных правил. Оно производится в рамках рассмотрения судом или иным правоприменительным органом конкретного дела. В подавляющем большинстве случаев для преодоления таких дефектов, казалось бы, не требуется проверки соответствующих законодательных положений на предмет их соответствия Конституции РФ, актам международного права или принципам права. Однако при определенных обстоятельствах выбор одной из противоречащих друг другу норм либо нормы, обеспечивающей восполнение пробела, должен определяться не только формальным применением соответствующего правила, но и результатом анализа этих норм с позиции соответствия или несоответствия конституционным положениям, а также принципам права, особенно тогда, когда наблюдается конкуренция таких правил. Таким образом, по сути, ни одно конкретное дело не может быть разрешено без проверки применимых норм на предмет их конституционности. Содержательные дефекты законодательства должны преодолеваться с учетом норм конституционного права и правовых позиций, сформированных при осуществлении конституционного судопроизводства.

Например, при последовательном обжаловании в Верховном суде одного из субъектов Российской Федерации и Верховном Суде РФ решения квалификационной коллегии судей в удовлетворении жалобы отказывалось на основании п. 1 ст. 26 Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об

органах судейского сообщества в Российской Федерации»[1], поскольку в соответствии с указанной нормой решение, принятое квалификационной коллегией судей, может быть обжаловано в судебном порядке только лицом, в отношении которого оно принято, т.е. судьей. При этом в определении высшей судебной инстанции было подчеркнуто, что ссылка в частной жалобе на п. 12 ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[2], согласно которому решение квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации, принятое в соответствии с п. 8 ст. 5, п. 1 ст. 12.1, п. 1 ст. 13 и п. 1 ст. 14 может быть обжаловано в течение 10 дней после получения копии указанного решения, не является основанием к отмене определения суда нижестоящей инстанции, поскольку в данном случае подлежит применению именно Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», так как он был принят позднее[3].

Однако Конституционный Суд РФ не согласился с такой позицией, отметив, что «в случаях, когда решения квалификационной коллегии судей препятствуют защите нарушенных действиями или решениями судьи прав и законных интересов граждан, не допускается никаких исключений из конституционного принципа, согласно которому действия и решения государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, в результате которых нарушены права и свободы граждан или созданы препятствия осуществлению гражданином его прав и свобод, могут быть обжалованы в суд. Таким образом, граждане не могут быть ограничены в возможности защищать в судебном порядке свои

---

[1] Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

[2] Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

[3] См.: Определение Верховного Суда РФ от 31 января 2003 г. № 49-Г03-2 // СПС «КонсультантПлюс».

права и законные интересы, нарушенные незаконными действиями судьи»[1]. При этом Конституционный Суд РФ отметил, что само по себе решение квалификационной коллегии судей об отказе в прекращении полномочий судьи конституционные права и свободы гражданина нарушить не может.

В приведенном примере суды второй и последующих инстанций видели только интертемпоральную коллизию и, соответственно, разрешили ее, руководствуясь общим принципом разрешения таких коллизий – «позднее принятый нормативный правовой акт отменяет ранее принятый в части, ему противоречащей». Однако Конституционный Суд РФ подошел к данному вопросу с другой стороны, справедливо увидев в нем противоречие между двумя равноуровневыми законами, которое может быть разрешено только через системное толкование законодательства, основывающееся на конституционных положениях. Здесь следует подчеркнуть, что соотнесение содержания дефектных норм с конституционными предписаниями отличается особой сложностью, так как первые должны не просто формально соответствовать Основному закону, но и отвечать его основополагающим идеям, смыслу и духу. Сложность взаимодействия конституционных положений и предписаний национального законодательства становится очевидной на примере позиции Конституционного Суда РФ, когда он для разрешения коллизии Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Законом РФ от 18 июня 1993 г. № 5215-1 «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением»[2] обратился непосредственно к принципу гуманности закона в правовом государстве, предполагающему выбор из двух

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 23 мая 2006 г. № 146-О // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Закон РФ от 18 июня 1993 г. № 5215-1 «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 27. Ст. 1018. В настоящее время данный Закон утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием электронных средств платежа» (СЗ РФ. 2003. № 21. Ст. 1957).

охранительных норм, устанавливающих юридическую ответственность за тождественные правонарушения, той нормы, которая имеет более мягкую санкцию[1].

Решение задач преодоления содержательных дефектов законодательства требует установления соответствия дефектных норм отраслевой структуре права и предметам ведения Российской Федерации и ее субъектов, определенным Конституцией РФ. Часто именно несоблюдение законодателем требований к предмету и/или методу конкретной отрасли права, особенно при разработке и принятии комплексных законов, влечет возникновение содержательных дефектов законодательства, когда одни нормы вновь принятого закона вступают в противоречие с ранее действовавшими нормами либо образуется законодательная лакуна. В связи с этим А.Л. Маковский обоснованно указывает на то, что «предоставленная Земельным кодексом земельному законодательству возможность как угодно регулировать права на земельные участки и их оборот означает, что в принципе такую возможность получают и законодатели субъектов Федерации. Таким образом, навешивая старую вывеску „земельного законодательства“ на новые отношения в сфере частного права, которых это законодательство никогда не регулировало, создатели Земельного кодекса, по сути дела, ликвидируют действие в отношении прав на недвижимость и ее оборота одного из самых важных положений нашей Конституции – то, что гражданское законодательство она относит к исключительному ведению Федерации (п. „о“ ст. 71)»[2].

Существующие правила преодоления содержательных дефектов законодательства прошли длительный путь формирования от неоднократного повторения в правоприменительной практике через доктринальное осознание к закреплению в актах официального толкования и законодательстве.

---

[1] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 1998 г. № 14-П // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2173.

[2] Маковский А.Л. ГК РФ действует. Что дальше? // ЭЖ-Юрист. 2003. № 46.

Некоторые из них до настоящего времени существуют только в доктринальной форме или в форме обыкновений правоприменительной практики. Однако есть и такие, которые уже нашли свое законодательное закрепление. Именно последнее обстоятельство и обусловило категоричность некоторых авторов, стремящихся к рассмотрению законодательной формы как единственного механизма установления правил преодоления рассматриваемых дефектов.

Вместе с тем законодательное закрепление правил разрешения законодательных коллизий и восполнения пробелов в законодательстве имеет принципиальное значение, обеспечивая системное воздействие последнего на общественные отношения и единообразие правоприменительной практики при преодолении наиболее типичных дефектов. Еще в Уставе гражданского судопроизводства Российской Империи говорилось, что «все судебные установления обязаны решать дела по точному разуму действующих законов, а в случае их неполноты, неясности, недостатка или противоречия, основывать решения на общем смысле законов»[1]. Аналогичная норма была закреплена и в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1923 года: «4. За недостатком узаконений

и распоряжений для разрешения какого-либо дела суд решает его, руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой Рабоче-крестьянского правительства»[2]. Именно таким образом было сформулировано первое правило преодоления содержательных дефектов законодательства еще до того, как в их составе были выделены законодательные коллизии и пробелы в законодательстве. Этим правилом стал общеправовой приоритет, предполагавший применение той нормы, которая

[1] Устав гражданского судопроизводства. Издание 1892 года // Свод законов Российской Империи: в 16 т. Т. 16. СПб., 1892. С. 113.

[2] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, принятый на 2-й сессии ВЦИК X созыва 7 июля 1923 г. и введенный в действие с 1 сентября 1923 г. постановлением ВЦИК 10 июля 1923 г.: официальный текст по состоянию на 1 июля 1950 г. С. 5.

бы в наибольшей степени отвечала сущности права, выраженной в его принципах.

Развитие отечественного процессуального законодательства обусловило, что уже в ГПК РСФСР 1964 года[1] данное правило было дифференцировано: «В случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе производства по гражданскому делу, суд применяет норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действует исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права)» (ст. 1); «В случае отсутствия нормы права, регулирующей спорное отношение, суд применяет норму права, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм разрешает дело исходя из общих начал и смысла законодательства (аналогия права)» (ст. 10). Аналогичный подход сохранился и в современном процессуальном законодательстве (ст. 13 АПК РФ, ст. 11 ГПК РФ).

Однако развитие российской правовой системы обусловило не только дифференциацию содержательных дефектов законодательства, т.е. выделение в их составе законодательных коллизий и пробелов в законодательстве, и дифференциацию правил их преодоления, закрепленных в процессуальном законодательстве, т.е. появление аналогии права и аналогии закона, – принципиальным отличием современного российского законодательства от Свода законов Российской Империи и советского права стало то, что положения, посвященные преодолению рассматриваемых дефектов, получили свое закрепление не только в процессуальном законодательстве, но и в материальном. Так, в ст. 3 ГК РФ указывается, что нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать данному Кодексу; в ст. 783 – общие положения о подряде и положения о бытовом подряде применяются к договору

[1] См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

возмездного оказания услуг[1]; в ст. 970 – правила, предусмотренные главой 48 ГК РФ, применяются к отношениям по страхованию иностранных инвестиций от некоммерческих рисков, морскому страхованию[2], медицинскому страхованию[3], страхованию банковских вкладов[4], страхованию пенсий и страхованию экспортных кредитов и инвестиций от предпринимательских и (или) политических рисков постольку, поскольку законами об этих видах страхования и Федеральным законом от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ «О банке развития»[5] не установлено иное. Согласно п. 7 ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сборов). Материально-правовая составляющая российского законодательства содержит в себе и иные специальные правила преодоления содержательных правовых дефектов. Как указывалось выше, такие правила присутствуют и в действующем Основном законе.

В российской правотворческой практике имел место случай, когда законодатель не только устанавливал специальные правила преодоления содержательных дефектов законодательства, но и взял на себя функцию по преодолению конкретного дефекта. Этого было связано с разрешением законодательной коллизии, возникшей между п. 2 ст. 855 ГК РФ и положениями налогового законодательства о взыскании недоимки по налогам и сборам. Так, Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 11 октября 1996 г. «О порядке применения

---

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[2] См.: Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

[3] См.: Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6422.

[4] См.: Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 52. Ч. 1. Ст. 5029.

[5] См.: Федеральный закон от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ «О банке развития» // СЗ РФ. 2007. № 22. Ст. 2562.

пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации» устанавливается положение о том, что в случае противоречия норм налогового, финансового законодательства ст. 855 ГК РФ об очередности списания денежных средств с банковских счетов клиентов применяется ст. 855 ГК РФ[1]. Следует отметить, что Постановлением Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1997 г. № 17-П этот акт Госдумы был признан не соответствующим Конституции РФ и утратил силу[2]. В обоснование своей позиции орган, осуществляющий конституционное судопроизводство, указал на то, что Госдума, разрешая указанную коллизию, вышла за пределы своей компетенции. В конечном счете рассматриваемый содержательный дефект законодательства так и не был преодолен. Только изменение законодательства, т.е. его устранение, позволило восстановить эффективность законодательства в этой сфере.

Действенным методом преодоления содержательных дефектов законодательства выступает толкование правовых норм. При этом, во-первых, необходимо определить конкретную неопределенность в регулировании общественных отношений, нуждающуюся в преодолении, во-вторых, выявить факт соответствия или несоответствия имеющихся норм основным принципам права (целям, задачам, сущности закона), Конституции и нормам международного права. В связи с этим Конституционный Суд РФ указывает на то, что факт дефекта должен быть констатирован и тогда, когда нормативные предписания актов формально согласуются с иными нормативными предписаниями, но при этом расходятся с ними по смыслу[3]. Здесь следует иметь в виду, что дефектность права может существовать и тогда, когда она проистекает из смысла, заложенного не законодателем,

---

[1] См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 11 октября 1996 г. № 682-ПГД «О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 43. Ст. 4870.

[2] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 1997 г. № 17-П // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5492.

[3] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 марта 2002 г. № 6-П // СЗ РФ. 2002. № 12. Ст. 1178.

а правоприменителем. На это прямо указывает Конституционный Суд, подчеркивая, что конституционные и законодательные дефекты могут быть результатом не законотворческой, а правоприменительной деятельности[1].

Нужно учитывать специфику преодоления содержательных дефектов законодательства, вытекающую из того, что ни один нормативный правовой акт одного уровня не может быть обжалован ввиду его несоответствия другому равнозначному акту. Российским законодательством допускается лишь обжалование нормативных положений из-за их несоответствия другим вышестоящим нормативным положениям. Так, по действующему законодательству даже коллизии между кодифицированными и некодифицированными законодательными актами могут преодолеваться исключительно при разрешении конкретных дел, хотя, как мы выше замечали, в некоторых кодексах закрепляется их приоритет над иными федеральными законами. В связи с этим Конституционный Суд РФ прямо указал, что коллизии норм кодифицированных и текущих законов должны преодолеваться в ходе правоприменения, «так как Конституцией РФ не определяется и не может определяться иерархия актов внутри одного их вида, в данном случае – федеральных законов. Ни один федеральный закон в силу ст. 76 Конституции РФ не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой»[2].

Из изложенного выше можно сделать следующие выводы.

Устранение и преодоление содержательных дефектов законодательства – самостоятельные равнозначные понятия. При этом если устранение таких дефектов осуществляется путем внесения изменений в нормативные правовые акты или принятия новых нормативных правовых актов, то их преодоление предполагает устранение правовой неопределенности, вызванной ими, через использование иных средств.

---

[1] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2000 г. № 5-П // СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1533.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2000 г. № 22-О // СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1532.

Преодоление содержательных дефектов законодательства – это всегда решение задачи юридической квалификации, осуществляемой в рамках правореализации, преимущественно правоприменителем. Его сущность состоит в выборе применимой нормы права в условиях неочевидности. Так, при законодательной коллизии неочевидность выбора применимой нормы права обусловлена тем, что фактическое общественное отношение, нуждающееся в правовом регулировании, одновременно подпадает под признаки, закрепленные в гипотезах нескольких правовых норм и/или объемах иных норм права. При пробеле в законодательстве, напротив, признаки такого отношения не находят отражения в гипотезе и/или объеме ни одной нормы. Задача субъекта правореализации, в первую очередь правоприменителя, не просто выбрать применимую норму, а обосновать свой выбор.

Средства обоснования выбора применимой нормы могут носить нормативный, интерпретационный или правоприменительный характер. В первом случае разрешение законодательной коллизии или восполнение пробела в законодательстве основывается на специальной норме права, которая не имеет самостоятельного регулирующего эффекта, а обеспечивает логическую непротиворечивость и полноту законодательства. Во втором случае содержательный дефект законодательства преодолевается через официальное толкование нормативных правовых актов. В третьем случае имеет место индивидуальный акт, совершаемый в рамках юридической квалификации конкретного общественного отношения. Следует подчеркнуть, что законодательные правила преодоления рассматриваемых дефектов носят специальный характер, в то время как доктринально обоснованные правила, используемые в правоприменении, по своей природе общие.

§ 3.2. Средства преодоления содержательных дефектов современного законодательства

Традиционно предлагаемые в юридической литературе механизмы преодоления дефектов законодательства (обычно говорится о разрешении законодательных коллизий и восполнении пробелов в законодательстве), включающие образующие их правовые средства и правила, а также последовательность применения последних рассчитаны в первую очередь на решение задач интерлокального, интерперсонального и интертемпорального выбора. Во многом они ориентированы на «вертикальный» характер законодательства, не всегда учитывая его отраслевую, «горизонтальную» структуру. Между тем именно последняя сфера в большинстве случаев отличается сложной, комплексной природой, ибо сочетает в себе и темпоральный, и содержательный, и предметно-методический аспекты. Как итог, механизм преодоления содержательных дефектов законодательства основывается на внутренней конкуренции, конкуренции между самими правилами и средствами преодоления таких дефектов.

Правоприменитель (в отдельных случаях иные субъекты правореализации) преодолевает содержательные дефекты законодательства при помощи различных правовых средств и правил, отдельные из которых получили самостоятельное законодательное закрепление, а другие сложились как результат официального толкования или многократного повторения в правоприменительной практике с последующим доктринальным обоснованием. В современных исследованиях отмечается, что для разрешения законодательных коллизий применяются различные принципы-приоритеты: 1) последующий закон отменяет действие предыдущего; 2) специальный закон отменяет действие общего. При этом их выбор и обоснование относятся к ведению судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды должны самостоятельно решать, какие нормы подлежат применению в рассматриваемом деле при наличии пробелов в правовом регулировании, а также в случаях обнаружения не отмененных в установленном порядке,

но фактически утративших силу норм либо противоречий между нормами. Кроме того законодательная коллизия может быть разрешена, по мнению этих исследователей, также через прямое применение Конституции РФ, общепризнанных правовых принципов и норм международного права[1].

Допуская в целом такой подход, следует подчеркнуть его неполноту. Так, необоснованно ограничивать правоприменительную практику исключительно судопроизводством. Действительно, оно является универсальной формой защиты прав, свобод и законных интересов. Его универсальность не позволяет судам уклониться от разрешения конкретного дела на основании неурегулированности общественных отношений или противоречивости их правового регулирования. Суд обязан выбрать применимую норму и обосновать свой выбор. Но с необходимостью такого выбора и его обоснования сталкиваются и иные правоприменительные органы, а также субъекты других форм правореализации. Конечно, они могут уклониться от этого. Если для суда совершение такого выбора – обязанность, то для них – право. Однако указанное обстоятельство не должно и не может быть основанием их исключения из числа субъектов разрешения законодательных коллизий и восполнения пробелов в законодательстве.

Следует отметить, что и обязанность суда самостоятельно преодолеть содержательный дефект законодательства, с которым он столкнулся при рассмотрении конкретного дела, для современного российского правопорядка не столь очевидна. Соответствующая дискуссия развернулась не только и не столько на доктринальном уровне, сколько между высшими судебными инстанциями. Так, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 16 июня 1998 г. № 19-П пришел к выводу об обязанности судов при возникновении неопределенности в вопросе о соответствии либо несоответствии примененного или подлежащего применению в конкретном

[1] См., напр.: Занина М.А. Указ. соч.

деле закона обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке его конституционности[1]. В то же время Верховный Суд РФ занял иную позицию, выразив ее в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», в котором он указал на возможность применения судами Конституции РФ в качестве акта прямого действия во всех необходимых случаях и только на право судов в случае неопределенности в вопросе о конституционности либо неконституционности закона, руководствуясь ст. 125 Конституции РФ, обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом по данному предмету[2]. В рамках судопроизводства в судах общей юрисдикции при руководстве разъяснениями Верховного Суда РФ возникла неопределенность в вопросе о моменте возникновения у них обязанности обращения в Конституционный Суд РФ: каким должен быть запрос – предварительным либо последующим, выступающим результатом вынесения решения на основании непосредственно конституционной нормы?

Естественно, в эту дискуссию включились представители научного сообщества. По мнению одних из них, суды, обосновывая свой выбор применимой нормы (при непосредственном применении конституционных положений), должны предварительно получить официальные письменные разъяснения Конституционного Суда РФ[3]. Другие считают, что Конституционный Суд РФ подтвердил право судов общей юрисдикции на самостоятельный выбор применимой нормы, в том числе при прямом применении Основного закона, и их обязанность обратиться за разъяснениями в Конституционный Суд РФ, но оставлен открытым вопрос

---

[1] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. 1995. 28 дек.

[3] См., напр.: Ершов В.В. Прямое применение Конституции РФ // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 23–29.

о приостановлении рассмотрения дела[1]. Третьи исходят из того, что выявление судом норм, противоречащих Основному закону, влечет в соответствии со ст. 125 Конституции РФ обязательное приостановление производства по делу и направление запроса в Конституционный Суд РФ, что, как результат, блокирует ее прямое применение[2].

На практике же суды избегают непосредственного применения конституционных положений, о чем свидетельствуют, например, дела, связанные с защитой права граждан на жилье[3]. При этом позиция органа конституционного судопроизводства представляется более основательной. В сущности, он исходил из того, что процедура преодоления содержательных дефектов законодательства, связанных с неконституционностью отдельных законодательных положений, без их устранения является недостаточной гарантией соблюдения конституционных прав и свобод граждан, обеспечения их равенства перед законом и судом, верховенства права. В то же время она не может считаться достаточно последовательной, так как в этом случае было бы логичным признать нарушение этих основных начал непосредственным применением судами общей и арбитражной юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права, так как в Российской Федерации существует механизм преодоления коллизий внутригосударственных и международно-правовых норм, но отсутствует процедура их устранения.

Таким образом, с одной стороны, признается, что без задействования механизма оспаривания конституционности нормативных правовых актов защита конституционных прав и свобод, общеправовых принципов должным образом не обеспечивается, а с другой – защита прав человека и гражданина,

---

[1] См., напр.: Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в России. М.: РАП, 2000. С. 103.

[2] См., напр.: Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. С. 210–211.

[3] См., напр.: Соколова М.А. Дефекты юридических документов: монография. С. 16–17.

базирующихся на нормах международного права, считается законодателем вполне достаточной и в рамках преодоления противоречий обозначенных норм без их устранения. Разные подходы законодателя к рассмотрению одной, по сути, проблемы заставляют быть менее категоричным в подобных заключениях.

Об осознании законодателем обозначенной непоследовательности и его стремлении устранить ее свидетельствуют изменения в законодательстве о конституционном судопроизводстве, внесенные в декабре 2015 года, когда основанием к рассмотрению дела в Конституционном Суде РФ была признана «…обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон, иной нормативный акт, договор между органами государственной власти, не вступивший в силу международный договор, или обнаружившаяся неопределенность в вопросе о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, основанного на положениях соответствующего международного договора Российской Федерации в истолковании, предположительно приводящем к их расхождению с Конституцией Российской Федерации, или обнаружившееся противоречие в позициях сторон о принадлежности полномочия в спорах о компетенции, или обнаружившаяся неопределенность в понимании положений Конституции Российской Федерации, или выдвижение Государственной Думой обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления»[1].

Также приведенная выше позиция о составе механизма разрешения законодательных коллизий не отражает его в полной мере, поскольку в ней не учтены все традиционные принципы-приоритеты. Например,

[1] Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 года №7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 51. Ч. 1. Ст. 7229.

еще римскому праву был известен примат целого над частью[1], который отличается большей универсальностью по сравнению с приматом специальной нормы над общей. Об этом же в советский период писал и В.Н. Кудрявцев[2], раскрывая значение этих принципов-приоритетов при квалификации преступлений. Действительно, при взаимодействии компонентов системы (биологической, технической или социальной) необходимо соблюдать объективный закон приоритета целого над частью. Это требование обусловлено самой природой целого, его возникновением и развитием. Целое (система) и части (элементы) едины, они не существуют друг без друга. В то же время их влияние на функционирование системы неодинаково. Во взаимодействии целого и части ведущей стороной является целое (система), которое активно влияет на части (элементы), преобразуя их согласно собственной природе, интегрируя и адаптируя. Части подчинены целому, движутся, развиваются в его границах и сообразуются с ним в реализации своих функций[3].

В качестве примера действия приоритета целого над частью следует привести решение Верховного Суда РФ от 10 декабря 1996 г. № ГКПИ96-325-339, в котором, разрешая противоречие между ст. 855 ГК РФ и налоговым законодательством в части очередности списания денежных средств с банковского счета, высшая судебная инстанция признала применимыми положения гражданского законодательства, поскольку именно оно регулирует соответствующие общественные отношения в целом, в то время как налоговое законодательство – только в части уплаты налогов и сборов[4].

---

[1] См., напр.: Римское частное право / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. С. 32–33.

[2] См., напр.: Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 211–218.

[3] См., напр.: Блауберг И.В. Указ. соч. С. 90–97.

[4] См.: решение Верховного Суда РФ от 10 декабря 1996 г. № ГКПИ96-325-339 // СПС «КонсультантПлюс»

Схожая идея была высказана Конституционным Судом РФ, который сформулировал ее, рассматривая вопрос о приоритете УПК РФ в регулировании уголовно-процессуальных отношений. Он особо подчеркнул, что «…в случае коллизии законов приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации действует лишь при условии, что речь идет о правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений, поскольку в соответствии со ст. 71 (п. „о“) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее ст. 10, 49, 50, 76 и 118 уголовное судопроизводство представляет собой самостоятельную сферу правового регулирования, а юридической формой уголовно-процессуальных отношений является уголовно-процессуальное законодательство как отдельная отрасль в системе законодательства Российской Федерации, и установление новых норм, регулирующих уголовно-процессуальные отношения, по общему правилу, должно быть согласовано с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации»[1].

Отдельного рассмотрения заслуживает так называемый кодификационный приоритет, в соответствии с которым коллизии кодифицированных и некодифицированных (текущих, специальных) актов одной отрасли законодательства (например, ГК РФ и Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»[2]) должны разрешаться по принципу приоритета Кодекса. Этот приоритет отличается универсальностью, так как всякое изъятие из данного правила в пользу правила *lex specialis derogat lex generalis* («специальный закон отменяет действие общего») должно быть предусмотрено в самом Кодексе.

Рассматриваемый подход широко распространен среди представителей правовой науки. Так, А.Ф. Черданцев подчеркивает, что правило приоритета

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

[2] См.: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

Кодекса исключает действие правила *lex specialis derogat lex generalis*. Из этого правила есть исключения, когда в самом Кодексе допускается иное[1].

Аналогична и позиция А.В. Демина, исходящего из того, что при конкуренции гражданско-правовых норм действующего законодательства со статьями ГК РФ применению подлежат нормы последнего. При этом приоритет нормы кодифицированного акта действует только в системе отраслевого законодательства. Если в самом Кодексе не содержится прямого указания на приоритет его норм перед иными отраслевыми нормами, Кодекс должен рассматриваться как ординарный федеральный закон. В данном случае нормы Кодекса каким-либо приоритетом перед нормами иных законов не обладают[2].

А.Л. Маковский указывает: «Чтобы понять действительную цель „принципа соответствия“ и найти отвечающие этой цели границы его применения, надо ясно сказать, что его закрепление в ГК РФ не было направлено на то, чтобы сделать этот Кодекс неприкасаемым. Это хорошо видно из полной формулировки этого принципа в проекте ГК РФ, содержавшей помимо приведенного выше также и следующее правило: „Законы Российской Федерации, содержащие правила, не соответствующие настоящему Кодексу, вступают в силу не иначе как после внесения в него необходимых изменений“. <…> Следует обратить внимание на принципиальные отличия кодексов от иных законов „своей“ отрасли законодательства, заключающиеся не в юридической силе, а в содержании. Значительный массив этого содержания составляют нормы, общие для отрасли законодательства в целом, образованные как бы путем экстракции из этого законодательства. Ничем не ограниченное применение правила „специальный закон отменяет действие общего“ может привести к тому, что наиболее принципиальные положения той или иной отрасли права,

---

[1] См.: Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. М.: Юнити, 2003. С. 173.

[2] См.: Демин А.В. О конкуренции в гражданском и финансовом законодательстве // Право и экономика. 1998. № 9. С. 34–42.

проверенные временем, перестанут влиять на содержание текущего законодательства и право перестанет быть системой согласованных норм, основанных на определенных закономерностях. Вместо этого мы получим набор разрозненных правил, содержание которых определено только исходя из потребностей конкретной ситуации и профессионализма (или непрофессионализма) конкретного законодателя. В начальной стадии этого процесса мы уже, по сути дела, находимся»[1].

Однако обоснованным этот подход признан быть не может, поскольку частный случай, установленный для гражданского законодательства, не верно распространять на все законодательство в целом. Именно из этого исходил Конституционный Суд РФ, который в своем Постановлении от 12 мая 1998 г. № 14-П, рассматривая коллизию норм ст. 146.5 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях[2] и ст. 7 Закона РФ от 18 июня 1993 г. № 5215-1 «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» по вопросу о привлечении субъектов предпринимательской деятельности к административной ответственности за продажу товаров без применения контрольно-кассовых машин, руководствуется не принципом приоритета Кодекса над текущим законом, а правилом «последующий закон отменяет действие предыдущего».

Фактически так называемый кодификационный приоритет должен рассматриваться как частный случай приоритета нормативно установленного, т.е. некоего специального правила преодоления содержательных дефектов законодательства, нашедшего свое закрепление в законодательстве и не нуждающегося в специальном обосновании правоприменителем.

Отдельного рассмотрения заслуживает разрешение коллизий, относящихся к разным отраслям законодательства. Они могут содержаться как

---

[1] Маковский А.Л. Указ. соч.

[2] Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20 июня 1984 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 27. Ст. 90.

в отраслевых, так и в комплексных законах. Необходимость рассмотрения этого вопроса обусловливается отсутствием единства в судебной практике, связанной с разрешением указанных противоречий, а также согласованности между отраслями права и отраслями законодательства. Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к данной проблематике в различных постановлениях и определениях. Его позиция по этому вопросу складывалась на протяжении нескольких лет. Первоначально отмечалось, что такие коллизии должны преодолеваться в ходе правоприменения, «…так как Конституция РФ не определяется и не может определяться иерархия актов внутри одного их вида, в данном случае – федеральных законов. Ни один федеральный закон в силу ст. 76 Конституции РФ не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой»[1]. В дальнейшем Конституционный Суд РФ неоднократно затрагивал одновременно две важные проблемы: 1) обеспечение единства и согласованности норм одной отрасли законодательства; 2) обеспечение единства и согласованности законодательства в целом. Он признавал существование коллизий норм одной отрасли права не только внутри одной отрасли законодательства (например, ГК РФ и Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»), но и между разными отраслями законодательства (например, норм гражданского права, закрепленных в ГК РФ и ЗК РФ).

Рассматривая общеправовой приоритет как средство преодоления содержательных дефектов законодательства, необходимо подчеркнуть его наиболее универсальный характер, т.е. применимость в тех случаях, когда иные правила применены быть не могут. Он предполагает выбор применимой нормы на основе общих правовых принципов либо непосредственное действие таких принципов.

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2000 г. № 22-О // СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1532.

Так, Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что уголовная ответственность может считаться законно установленной и отвечающей конституционным требованиям лишь при условии, что она адекватна общественной опасности преступления, т.е. соблюден принцип соразмерности наказания. В связи с этим в своем Постановлении от 27 мая 2008 г. № 8-П Конституционный Суд отмечает, что содержание оспоренной уголовно-правовой нормы таково, что даже при незначительном превышении допустимой суммы недекларированной валюты данное административное деяние образует одновременно состав контрабанды. Кроме того, законодатель не учел специфику валюты как товара, когда в условиях плавающего курса валют гражданин не может с достаточной четкостью предвидеть последствия своего поведения, связанного с недекларированным ввозом валюты. Вводя уголовную ответственность за контрабанду валюты, федеральный законодатель должен был сформулировать норму таким образом, чтобы при признании размера недекларированной валюты в качестве крупного из всей ввозимой суммы была исключена та ее часть, которая законом разрешена к ввозу без декларирования[1].

Если правовые средства и правила разрешения законодательных коллизий, а также последовательность их применения – это предмет многочисленных дискуссий, идущих как на доктринальном уровне, так и между высшими судебными инстанциями Российской Федерации, то вопрос о правовых средствах и правилах восполнения пробелов в законодательстве не вызывает столь активной полемики. Основание соответствующего механизма имеет законодательное закрепление. Так, согласно п. 5 ст. 3 АПК РФ в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе судопроизводства в арбитражных судах, арбитражные суды применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П // Российская газета. 2008. 7 июня.

действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права). В п. 6 ст. 13 АПК РФ предусматривается, что, если спорные отношения прямо не урегулированы федеральным законом и другими нормативными правовыми актами или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай делового оборота, то к таким отношениям, если это не противоречит их существу, арбитражные суды применяют нормы права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм рассматривают дела, исходя из общих начал и смысла федеральных законов и иных нормативных правовых актов (аналогия права). Аналогичные положения закреплены в п. 4 ст. 1 и п. 3 ст. 11 ГПК РФ соответственно.

Аналогия закона и аналогия права позволяют восполнить обнаруженные в ходе рассмотрения конкретного дела пробелы законодательства и устанавливают порядок и условия выбора применимой нормы права. При использовании первого приема результатом поиска является законодательное правило, непосредственно регулирующее конкретные жизненные ситуации. При обращении ко второму способу таким итогом выступает юридический принцип. Развитие государственно организованного общества требует неукоснительного соблюдения принципа законности, который в том числе предполагает законодательное закрепление правовых средств и правил восполнения пробелов в праве.

Однако наряду с ними широко используется и непоименованное правовое средство восполнения пробелов в законодательстве, которым является субсидиарное применение права. Оно предполагает восполнение отсутствующих специальных норм нормами общими, применение к видовым общественным отношениям правил, предусмотренных для отношений родовых. В отдельных конкретных случаях данное правило получает и свое законодательное закрепление. Например, в ст. 970 ГК РФ установлено, что правила, предусмотренные главой 48 ГК РФ («Страхование»), применяются к отношениям по страхованию иностранных инвестиций

от некоммерческих рисков, морскому страхованию, медицинскому страхованию, страхованию банковских вкладов, страхованию пенсий и страхованию экспортных кредитов и инвестиций от предпринимательских и (или) политических рисков постольку, поскольку законами об этих видах страхования и Федеральным законом от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ «О банке развития» не установлено иное.

Системное толкование действующего законодательства позволяет прийти к выводу, что правом на применение аналоги права и аналогии закона обладают только судебные органы, которые, принимая решение в условиях наличия пробела в законодательстве, не только разрешают спорную ситуацию, но и фактически создают новое, не существовавшее ранее правовое положение, действующее в отношении конкретного случая. Несудебные правоприменительные органы также полномочны преодолевать пробелы законодательства, однако этот процесс, во-первых, ограничен аналогией закона и субсидиарным применением права, а, во-вторых, нуждается в дополнительной регламентации.

При этом принципиальное отличие таких органов от судебных заключается в том, что (1) принятое ими решение может быть оспорено в суде; (2) в целях преодоления пробелов они не могут использовать аналогию права. Проблема применения аналогии права значительно глубже, чем простое недопущение ее использования несудебными правоприменительными органами. Как правило, обращение к принципам права требует толкования Основного закона, что может вынуждать и суды (общей юрисдикции и арбитражные) обращаться за разъяснениями в органы конституционного судопроизводства.

Отдельного рассмотрения заслуживает такое правовое средство восполнения пробелов в законодательстве, как судебный прецедент. Некоторые исследователи прямо указывают, что признание судебного прецедента, несомненно, будет содействовать восполнению пробелов в праве. При этом они осведомлены, что в России прецедент официально

не является источником права, хотя на практике решения вышестоящих судов часто принимаются во внимание при разрешении конкретных дел. Роль прецедента в некотором смысле выполняют акты официального толкования норм права, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по отдельным вопросам правоприменения, а также в актах органов конституционного судопроизводства. Но при этом необходимость судебного прецедента мотивируется обязанностью высших судебных органов обеспечивать единство судебной практики (ч. 3 ст. 377 и ст. 389 ГПК РФ), или, иначе, единообразие в толковании и применении судами норм права (п. 1 ст. 304 АПК РФ).

Такое единообразие в России – средство обеспечения равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ). Но одного только единообразия судебно-арбитражной практики как средства обеспечения юридического равенства для введения права судебного прецедента через внесение изменений в Конституцию РФ недостаточно. При появлении этого средства восполнения пробелов в законодательстве соответствующая конституционная норма сразу же вступила бы в противоречие со ст. 120 Конституции РФ, в которой записано, что судьи независимы и подчиняются только Конституции и федеральному закону. Кроме того, полномочия по обеспечению единообразия судебной практики не мотивированы текстом Конституции, в ст. 126 и 127 которой установлена обязанность судов в части разъяснений судебной практики, но не в части обеспечения ее единства.

Однако даже признание серьезных препятствий для допущения судебных прецедентов не мешает отдельным исследователям выискивать условия их включения в состав источников права. Такими условиями им видятся (1) полное или частичное отсутствие объективно необходимого звена в системе правовой регламентации общественных отношений, которые уже подвергнуты правовому регулированию или должны входить в сферу правового воздействия, а также то, что (2) судья, столкнувшись с пробелом

в праве, вынужден обращаться к закону, давая ему расширительное толкование, чтобы применять как основание для вынесения решения[1].

Вместе с тем в стремлении обосновать возможность применения судебного прецедента, пусть даже в качестве средства восполнения пробелов в праве, порой не учитываются основополагающие идеи, образующие фундамент современного российского правопорядка. Предполагаемая конституционная коллизия не может и не должна быть препятствием для совершенствования механизма правового регулирования. В современных условиях любое изменение законодательства сопряжено с необходимостью выявлять потенциальные коллизии и принимать меры к их устранению. Включение судебного прецедента в число источников (форм) права – это, без сомнения, акт изменения конституционных основ правопорядка. Раз так, нет никаких препятствий для внесения в Основной закон комплексных изменений, которые бы обеспечили его дальнейшую непротиворечивость. Можно изменить отдельные конституционные положения, можно указать, что суды руководствуются не только Конституцией и федеральными законами, но и правовыми позициями вышестоящих судов. В целом это нисколько не повлияет на реальный статус судей. Но препятствие для признания судебного прецедента лежит значительно глубже – им является сама модель сдержек и противовесов, составляющая основу современного российского правопорядка.

Данная модель в России представлена системой разделения властей, при которой выделяются законодательная ветвь власти, исполнительная и судебная, а также элемент, гарантирующий ее. Следует отметить, что такой подход сложился не с принятием действующего Основного закона. Его корни уходят в дореволюционную правовую доктрину, в рамках которой уже выделялись законодательная, исполнительная и судебная ветви власти

[1] См., напр.: Панасюк О.С. Указ. соч. С. 8.

и гарантирующая их власть самодержавная[1]. В советский период произошло утверждение юридического позитивизма, который наряду с марксистско-ленинским диалектическим материализмом стал интеллектуальной основой советского правопорядка[2]. Именно юридический позитивизм продолжает быть базовым течением и в современной юриспруденции[3].

Для современного российского правопорядка характерна наиболее строгая система разделения властей, предполагающая закрепление для каждой из ветвей власти определенного предмета ведения и недопустимость ее вмешательства в решение вопросов, не относящихся к нему.

Например, на этапе становления современного российского правопорядка были предприняты серьезные усилия по вытеснению законодательных (представительных) органов из области толкования норм права. Так, еще в 1997 году Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 17 ноября 1997 г. № 17-П, рассматривая по запросу Президента РФ конкретизирующие действующее федеральное законодательство постановления Госдумы, отметил, что эти разъяснения имеют нормативный правовой характер и притом наделены той же юридической силой, что и разъясняемые ими акты, а необходимость их принятия была вызвана обнаружившимися затруднениями, неясностью и противоречиями в понимании толкуемых норм и потребностью обеспечить единообразие в применении последних.

При этом органом конституционного судопроизводства было отмечено, что право на аутентичное толкование Госдумой принятых федеральных законов нельзя выводить из полномочия по принятию федеральных законов, предусмотренного ст. 105 Конституции РФ. Конституционная процедура

---

[1] См., напр.: Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 170–335.

[2] См., напр.: Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1949. С. 8–11,16–19, 27– 28,39, 41, 50–52.

[3] См., напр.: Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 337–341.

аутентичного толкования, которая, по сути, имела место в данном случае, должна быть аналогичной процедуре принятия закона. Если же разъяснение осуществляется в форме постановления, т.е. без соблюдения требований, предъявляемых к принятию федеральных законов, то оно не может рассматриваться в качестве акта Федерального Собрания – законодательного органа Российской Федерации. Будучи актом лишь одной из его палат, такое постановление не является аутентичным официальным разъяснением закона. Нельзя его признать и делегированным официальным разъяснением закона, поскольку Госдуме не предоставлено соответствующего права. В ряде субъектов Российской Федерации (Республика Калмыкия, Удмуртская Республика, Чеченская Республика, Вологодская, Волгоградская, Иркутская, Калининградская, Костромская, Мурманская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тверская, Тульская, Тюменская, Ульяновская области и др.) вопросы официального толкования региональных законов находились в компетенции законодательных (представительных) органов. Однако, не без влияния федерального центра, соответствующие нормы были исключены из их конституций и уставов[1].

Аналогично недопустимым представляется и вмешательство судов в вопросы правообразования.

Следует подчеркнуть, что здесь речь идет об особенностях именно российского правопорядка. Так, современная практика организации государственной власти и управления в ряде зарубежных стран все больше тяготеет к так называемому оперативному регулированию, когда границы компетенций различных ветвей власти все больше размываются, нормативные рамки существования общественных отношений устанавливаются не непосредственно законодателем, а органами исполнительной власти в связи с максимальной вовлеченностью последних

[1] См.: Малютин Н.С. Судебное толкование как конституционная процедура в контексте разделения властей в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 12–19.

в реальное положение вещей на местах или в своей отрасли. Наличие подобной тенденции (в частности, во Франции, в Великобритании, США, ФРГ, Австрии, Италии, Дании, Швеции и ряде других развитых государств) достаточно убедительно обосновывается в совместных сравнительно-правовых исследованиях[1]. Российские правопорядок и организация государственной власти также движутся в этом направлении, что в ближайшее время может обусловить изменение их интеллектуальной основы. Однако, пока этого не произошло, рассматривать судебный прецедент как средство преодоления содержательных дефектов законодательства в прикладном плане не следует.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в сложившейся обстановке доктрина, текущее законодательство и судебная практика должны на нормативно-правовом уровне признать сам факт существования содержательных дефектов законодательства и предложить эффективный механизм их преодоления. Модель разрешения поставленных вопросов представляется следующей.

С теоретических позиций можно говорить о двух формах преодоления содержательных дефектов законодательства – разрешение законодательных коллизий и восполнение пробелов в законодательстве.

Первой из них соответствуют такие правовые средства, как принципы-приоритеты, среди которых следует выделить (1) нормативно установленный приоритет, (2) приоритет специальной нормы перед нормой общей, (3) приоритет целого перед частью и (4) общеправовой приоритет. Они могут быть закреплены нормативно, установлены в результате официального толкования либо обоснованы в рамках юридической квалификации.

Второй форме преодоления содержательных дефектов законодательства соответствуют такие правовые средства, как субсидиарное применение права, аналогия закона и аналогия права.

---

[1] См.: Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / под ред. Т.Я. Хабриевой и Ж. Марку. М.: Статут, 2011. 501 с.

Если правовые средства разрешения законодательных коллизий, как правило, находят свое закрепление в отраслях материального права, то правовые средства восполнения пробелов в законодательстве, напротив, имеют процессуально-правовую природу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

То обстоятельство, что российское общество в настоящее время переживает окончание переходного периода от административно-командной системы к рыночной экономике, который ознаменовался достаточно серьезными реформами в большинстве отраслей национального законодательства, требует доктринального осознания тех механизмов, которые обеспечивают внутреннюю непротиворечивость всей национальной правовой системы. Не вызывает сомнения, что при современном уровне развития науки методологическую основу этих механизмов составляет системный подход, познавательные возможности которого помогают эффективно решать такие вопросы.

Специфика российской правовой системы состоит в том, что ключевое значение в ней имеет законодательство. Пожалуй, нет такой национальной правовой системы, в которой бы законодательство играло бы такую роль, как в российском праве. Вместе с тем в его структуре все отчетливее отмечаются негативные тенденции: 1) уменьшение согласованности различных отраслей и уровней законодательства; 2) избыточность законодательных актов, регулирующих одни и те же общественные отношения; 3) отставание законодательства от уровня развития общественных отношений. Эти тенденции имеют объективную причину – потребность в короткие сроки сформировать законодательство, не только соответствующее уровню социально-экономического развития России, но и обеспечивающее переход от командно-административной системы к рыночной экономике.

Сказанное определяет актуальность первой задачи, поставленной в начале настоящего исследования, – рассмотрение современного законодательства в контексте применения системного подхода.

В ходе ее решения была обоснована предпочтительность широкого подхода к пониманию законодательства, а также были установлены

важнейшие задачи системного подхода применительно к законодательству. К их числу относятся: 1) разработка средств представления законодательства как системы; 2) построение обобщенной модели законодательства как системы, моделей отдельных отраслей и институтов, а также специфических свойств законодательства, законодательных отраслей и институтов; 3) исследование структуры законодательства и различных системных концепций и разработок, связанных с ним.

В системном исследовании законодательство рассматривается как определенное множество элементов, взаимосвязь которых обусловливает целостные свойства этого множества. Основной акцент делается на установлении многообразия связей и отношений, имеющих место как внутри законодательства, так и в его взаимоотношениях с внешним окружением, средой. Свойства законодательства как целостной системы определяются не только и не столько суммированием свойств его отдельных элементов, сколько свойствами его структуры, особыми системообразующими, интегративными связями.

Для понимания функционирования законодательства (прежде всего целенаправленного) необходимо выявить реализуемые им формы передачи информации от одних подсистем к другим и способы воздействия одних частей системы на другие, координацию низших уровней системы со стороны элементов ее высшего уровня, влияние на последние всех остальных подсистем. Существенное значение в системном изучении законодательства должно придаваться установлению вероятностного характера его применения. Таким образом, именно системный подход предоставляет наиболее действенный инструментарий для обнаружения законодательных дефектов и противодействия их негативным проявлениям.

Решение второй познавательной задачи – определение понятия и разработка классификации дефектов законодательства – позволило прийти к ряду выводов.

В ходе комплексного анализа современного законодательства, правоприменительной практики, а также отдельных доктринальных положений были установлены следующие характерные черты, присущие правовым дефектам: 1) под ними понимаются недостатки, изъяны, несовершенство норм права, правовых режимов и правовых статусов, правовых конструкций, актов возникновения, осуществления и защиты субъективных прав, правоприменительных актов, иных актов, опосредующих правообразование и правореализацию; 2) перечисленные недостатки, изъяны, несовершенство – это результат человеческой деятельности, причем как предполагаемый, так и достигнутый случайно; 3) такие недостатки, изъяны, несовершенство имеют или могут иметь негативные последствия, которые выражаются в упразднении или ограничении субъективных прав, полном или частичном игнорировании свобод и интересов субъектов права; 4) правовые дефекты представляют собой форму выражения несовершенства права, а их последствием служит правовая неопределенность.

Результат человеческой деятельности, расцениваемый как правовой дефект, не должен был быть предусмотрен предшествующими правовыми нормами в качестве правонарушения, и с его появлением не должны быть связаны санкции таких норм.

Несовершенство права и правовая неопределенность, выражающиеся в правовых дефектах, представляются естественными свойствами права и необходимы для его дальнейшего развития.

Если правовой дефект успешно устранен и/или преодолен, что обеспечило совершенствование структуры права и развитие правовой мысли, то допустимо говорить о позитивном значении правового дефекта. Если же на правовой дефект не было соответствующей реакции, что повлекло неэффективность правового регулирования и/или правовой охраны, то обоснованным представляется его негативное воздействие применительно к праву в целом или к отдельному его элементу.

Специфика российской правовой системы предполагает, что наиболее существенными для нее являются дефекты законодательства.

В зависимости от характера обстоятельств возникновения дефекта законодательства представляется обоснованным выделение (1) сущностных, (2) содержательных, (3) технических дефектов. Первые отражают несовершенство законодательства в результате возникновения противоречий между правовыми принципами, идеями, ценностями. Как правило, они служат отражением бессистемности в законодательной политике. Собственно юридическими по своей природе являются содержательные дефекты законодательства, представленные отдельными законодательными коллизиями и пробелами в законодательстве, т.е. противоречиями и лакунами в самом законодательном материале, вызванными допущенными при правообразовании логическими ошибками. Понятие «технические дефекты законодательства» объединяет все те законодательные недостатки, которые обусловлены отступлениями от правил юридической (законодательной) техники.

Следует подчеркнуть, что содержательные дефекты законодательства обычно образуются при недостаточной определенности, неконкретности правовых предписаний, существовании возможности их множественного толкования. Расплывчатость юридических правил может привести к их произвольному и дискриминационному применению государственными и муниципальными органами, их должностными лицами, а следовательно, к нарушению конституционного принципа юридического равенства. Понимание обстоятельств образования содержательных дефектов законодательства не просто приводит к появлению новых правовых знаний, имеет теоретическую и практическую значимость, но служит условием, необходимым для доктринального обоснования механизмов их недопущения и преодоления.

Исследование отдельных видов содержательных дефектов законодательства, таких как законодательные коллизии и пробелы

в законодательстве, позволило раскрыть их роль и место в современной правовой системе, причины, факторы и условия образования, предпосылки формирования механизма их преодоления.

Можно назвать следующие характерные черты законодательных коллизий: 1) вступившие в коллизию нормы права регулируют тождественные общественные отношения; 2) наличие таких норм представляет собой логическое нарушение, которое не может быть преодолено через их буквальное толкование; 3) возникновение таких коллизий является результатом правотворческой деятельности компетентных органов; 4) условием их возникновения выступают нарушения требований к правотворческой деятельности; 5) их наличие препятствует достижению целей правового регулирования, реализации прав, свобод и законных интересов, иным образом ухудшает правовое положение участников общественных отношений.

Общественные отношения представляются тождественными, если однотипными являются их участники, объект, содержание, обстоятельства возникновения и прекращения.

О логических ошибках, составляющих суть рассматриваемых коллизий, можно говорить в следующих случаях: 1) право, предоставленное одной нормой, ограничивается или упраздняется другой; 2) система обстоятельств, с которыми связывается осуществление субъективного права или исполнения юридической обязанности, одной нормой трактуется более широко, а другой – более узко; 3) в содержании нормы присутствует неопределенность, что влечет за собой ее противоречивое толкование и применение; и т.п.

Признавая теоретическую и практическую значимость научных исследований советского периода в области правовых коллизий и их результатов, необходимо подчеркнуть, что фундаментальная правовая реформа, начавшаяся со вступлением в силу Конституции РФ 1993 года и определившая общие контуры современной российской правовой системы,

привела к принципиальной трансформации законодательства, появлению огромного массива нормативных правовых актов. Одновременно возникла проблема согласованности закрепленных в этих актах норм между собой и с ранее действовавшими. Масштабы этой законотворческой деятельности и сжатые сроки ее проведения не могли не породить множества правовых коллизий, противоречий и дублирования законодательных положений. Что, в свою очередь, обусловило необходимость научного переосмысления механизмов их недопущения, выявления, преодоления и устранения.

Пробел в законодательстве, выступая одной из форм выражения правовой неопределенности, является следствием полного или частичного отсутствия объективно необходимого звена в конкретной правовой системе, правовой конструкции или норме права, должного обеспечить упорядочение определенной группы общественных отношений, которые уже подвергнуты правовому регулированию или в силу своей значимости (предполагаемой значимости) должны входить в предмет законодательного регулирования. Необходимость в упорядочении таких отношений обусловлена правовой политикой, смыслом и содержанием действующего законодательства, уровнем развития социально-экономических и политических отношений, а также рядом иных факторов, процессов и условий. Пробелы в законодательстве имеют субъективную природу, так как предполагают отступление от требований, предъявляемых в правотворческой деятельности.

Специфика современного периода исследования пробелов в праве такова, что, если советские исследователи видели в их возникновении в первую очередь объективные факторы, то сегодня очевидным представляется то, что практически сразу после принятия действующего российского Основного закона 12 декабря 1993 г. в его тексте стали обнаруживаться многочисленные недостатки, которые стали источником наиболее значимых пробелов в российском праве, причиной законодательных и правоприменительных коллизий и дефектов, в целом отрицательно повлияли на качество национального правопорядка.

Раскрытие понятия «преодоление содержательных дефектов законодательства» потребовало рассмотрения различных аспектов данной проблемы – как сущностных, так и содержательных.

Представляется обоснованным то, что устранение и преодоление содержательных дефектов законодательства выступают в качестве самостоятельных равнозначных понятий, отражающих все многообразие форм и средств противодействия негативным последствиям таких дефектов. Если устранение содержательных дефектов в законодательстве осуществляется путем внесения изменений в нормативные правовые акты или принятия новых нормативных правовых актов, то их преодоление предполагает устранение вызванной ими правовой неопределенности через использование иных средств, напрямую не затрагивающих содержание действующего законодательства.

Отличительной чертой устранения содержательных дефектов законодательства является то, что составляющие их содержание противоречие или правовая лакуна устраняются полностью, законодательство освобождается от соответствующей логической ошибки.

Преодоление же таких дефектов – это всегда решение задачи юридической квалификации, осуществляемой в рамках правореализации, преимущественно правоприменителем. Его сущность состоит в выборе применимой нормы права в условиях неочевидности. Так, при законодательной коллизии неочевидность выбора применимой нормы права обусловлена тем, что фактическое общественное отношение, нуждающееся в правовом регулировании, одновременно подпадает под признаки, закрепленные в гипотезах нескольких правовых норм и/или объеме иных норм права. При пробеле в законодательстве, напротив, признаки такого отношения не находят отражения в гипотезе и/или объеме ни одной нормы. Задача субъекта правореализации, в первую очередь правоприменителя, – не просто выбрать применимую норму, а обосновать свой выбор.

Существующие правила преодоления содержательных дефектов законодательства прошли длительный путь формирования от неоднократного повторения в правоприменительной практике через доктринальное осознание к закреплению в актах официального толкования и законодательстве. Некоторые из них до настоящего времени существуют только в доктринальной форме или в форме обыкновений правоприменительной практики. Однако есть и такие, которые уже нашли свое законодательное закрепление.

Средства обоснования выбора применимой нормы могут носить нормативный, интерпретационный или правоприменительный характер. В первом случае разрешение законодательной коллизии или восполнение пробела в законодательстве основывается на специальной норме права, которая не имеет самостоятельного регулирующего эффекта, а обеспечивает логическую непротиворечивость и полноту законодательства. Во втором случае содержательный дефект законодательства преодолевается через официальное толкование нормативных правовых актов. В третьем случае имеет место индивидуальный акт, совершаемый в рамках юридической квалификации конкретного общественного отношения. Следует подчеркнуть, что законодательные правила преодоления рассматриваемых дефектов носят специальный характер, в то время как доктринально обоснованные правила, используемые в правоприменении, по своей природе общие.

Решение познавательных задач, связанных с основными средствами преодоления содержательных дефектов законодательства, позволило обобщить весь массив доктринальных положений, сложившийся в этой области знаний, что способствовало формулированию целого ряда выводов, направленных на приращение этого знания.

Традиционно предлагаемые в юридической литературе механизмы преодоления дефектов законодательства (как правило, говорится о разрешении законодательных коллизий и восполнении пробелов в законодательстве), включающие образующие их правовые средства

и правила, а также последовательность применения последних рассчитаны в первую очередь на решение задач интерлокального, интерперсонального и интертемпорального выбора. Во многом они ориентированы на «вертикальный» характер законодательства, не всегда учитывая его отраслевую, «горизонтальную» структуру. Между тем именно последняя сфера в большинстве случаев отличается сложной, комплексной природой, ибо сочетает в себе и темпоральный, и содержательный, и предметно-методический аспекты. Как результат, механизм преодоления содержательных дефектов законодательства основывается на внутренней конкуренции, конкуренции между самими правилами и средствами преодоления таких дефектов.

Правоприменитель (в отдельных случаях иные субъекты правореализации) преодолевает содержательные дефекты законодательства при помощи различных правовых средств и правил, одни из которых получили самостоятельное законодательное закрепление, а другие сложились в итоге официального толкования или многократного повторения в правоприменительной практике с последующим доктринальным обоснованием.

Можно говорить о двух формах преодоления содержательных дефектов законодательства – разрешение законодательных коллизий и восполнение пробелов в законодательстве.

Первой из них соответствуют такие правовые средства, как принципы-приоритеты, среди которых нужно выделить (1) нормативно установленный приоритет, (2) приоритет специальной нормы перед нормой общей, (3) приоритет целого перед частью и (4) общеправовой приоритет. Они могут быть закреплены нормативно, установлены в результате официального толкования либо обоснованы в рамках юридической квалификации.

Второй форме преодоления содержательных дефектов законодательства соответствуют такие правовые средства, как субсидиарное применение права, аналогия закона и аналогия права.

Если правовые средства разрешения законодательных коллизий, как правило, находят свое закрепление в отраслях материального права, то правовые средства восполнения пробелов в законодательстве, напротив, имеют процессуально-правовую природу.

Таким образом, в рамках настоящего исследования на монографическом уровне были впервые выделены содержательные дефекты законодательства, обосновано отнесение к ним законодательных коллизий и пробелов в законодательстве, раскрыто понятие преодоления содержательных дефектов законодательства и рассмотрены такие его формы, как разрешение законодательных коллизий и восполнение пробелов в законодательстве. Кроме того, были исследованы технико-юридические и методологические черты содержательных дефектов законодательства; отдельные виды правовых коллизий и пробелов в праве; показаны причинно-следственная связь и обстоятельства возникновения содержательных дефектов законодательства, появляющихся в настоящее время; механизмы преодоления содержательных дефектов законодательства, формирующиеся на правотворческом, интерпретационном и правоприменительном уровнях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

НОРМАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Конституция Российской Федерации и федеральные конституционные законы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“» // СЗ РФ. – 2015. – № 51 (ч. 1). – Ст. 7229.

3. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

Федеральные законы и иные акты палат Федерального Собрания Российской Федерации

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

10. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 14.

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

12. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // СЗ РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2207.

13. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

14. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2955.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

17. Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 118-ФЗ «О введении в действие части второй Налогового кодекса Российской Федерации и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах» // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3341.

18. Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2002. – № 11. – Ст. 1022.

19. Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4531.

20. Федеральный закон от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ «О банке развития» // СЗ РФ. – 2007. – № 22. – Ст. 2562.

21. Федеральный закон от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием электронных средств платежа» // СЗ РФ. – 2003. – № 21. – Ст. 1957.

22. Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5029.

23. Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4148.

24. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

25. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

26. Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2010. – № 49. – Ст. 6422.

27. Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 2.

28. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3302.

29. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5017.

30. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий

искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» // СЗ РФ. – 2020. – № 17. – Ст. 2701.

31. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.

32. Проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»: подготовлен Минюстом России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://regulation.gov.ru (дата обращения: 26 декабря 2014 г.).

33. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11 ноября 1996 г. № 778-II ГД «О проекте Федерального закона „О нормативных правовых актах Российской Федерации“» // СЗ РФ. – 1996. – № 47. – Ст. 5307.

34. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 12 мая 2004 г. № 491-IV ГД «О проекте Федерального закона № 96700088-2 „О нормативных правовых актах Российской Федерации“» // СЗ РФ. – 2004. – № 21. – Ст. 1982.

35. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 11 октября 1996 г. № 682-ПГД «О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1996. – № 43. – Ст. 4870.

36. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания РФ 2007 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» / под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса. – М., 2008. – 122 с.

Акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации

37. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212 // Российская газета. – 2008. – № 34.

38. Распоряжение Президента РФ от 1 июля 2022 г. № 202-рп «О межведомственной рабочей группе по разработке проекта государственной программы по систематизации правовых актов органов публичной власти всех уровней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207010036 (дата обращения: 11 марта 2017 г.).

39. Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010)»: утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 января 2002 г. № 65 // СЗ РФ. – 2002. – № 4. – Ст. 368.

40. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»: утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 // СЗ РФ. – 2014. – № 1 (ч. 2). – Ст. 2159.

41. Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р // СЗ РФ. – 2013. – № 46. – Ст. 5954.

42. Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/08f25bcd101aecc2ad6142099117dccd/pasport_fp_normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy.pdf?ysclid=lzeei49lgq286123280 (дата обращения: 11 марта 2017 г.).

Правовые акты, утратившие силу

43. Гражданский кодекс РСФСР (1922 года): Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 года и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М., 1950. – 296 с.

44. Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

45. Свод Законов Российской Империи. СПб., 1912 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://civil.consultant.ru/code/ (дата обращения: 8 января 2017 г.).

46. Сборник законов СССР: 1938–1967. В 2 т. —– М., 1968.

47. Закон РСФСР от 11 июня 1964 г. «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 406.

48. Закон РСФСР от 11 июня 1964 г. «Об утверждении Гражданского процессуального кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

49. Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1797.

50. Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (в ред. от 13 января 1996 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 150.

51. Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском образовании» // СЗ РФ. – 1996. – № 35. – Ст. 4135.

52. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, принятый на 2-й сессии ВЦИК X созыва 7 июля 1923 г., введенный в действие постановлением ВЦИК от 10 июля 1923 г. с 1 сентября 1923 г. (в ред. по сост. на 1 июля 1950 г.). – М., 1950. – 322 с.

53. Закон Российской Федерации от 18 июня 1993 г. № 5215-1 «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 27. – Ст. 1018.

54. Устав гражданского судопроизводства. Издание 1892 года // Свод законов Российской Империи: в 16 томах. – Т. 16. – СПб., 1892.

55. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

Иностранные правовые акты

56. Французский гражданский кодекс 1804 года. С позднейшими изменениями до 1939 года / пер. И.С. Перетерский. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. —– 471 с.

57. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). Ausfertigungsdatum: 18.08.1896 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html (дата обращения: 18 января 2017 г.).

58. Joint Project Agreement, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://contracts.onecle.com/type/60.shtml (дата обращения: 31 марта 2017 г.).

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Материалы правоприменительной практики

59. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1997 г. № 17-П // СЗ РФ. – 1997. – № 47. – Ст. 5492.

60. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 октября 1997 г. № 13-П // СЗ РФ. – 1997. – № 42. – Ст. 4901.

61. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П // СЗ РФ. – 1999. – № 30. – Ст. 3988.

62. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2000 г. № 5-П // СЗ РФ. – 2000. – № 14. – Ст. 1533.

63. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2003 г. № 8-П // СЗ РФ. – 2003. – № 21. – Ст. 2058.

64. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 1998 г. № 14-П // СЗ РФ. – 1998. – № 20. – Ст. 2173.

65. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 марта 2002 г. № 6-П // СЗ РФ. – 2002. – № 12. – Ст. 1178.

66. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П // СЗ РФ. – 1998. – № 25. – Ст. 3004.

67. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2000 г. № 5-П // СЗ РФ. – 2000. – № 14. – Ст. 1533.

68. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // СЗ РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2804.

69. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П // Российская газета. – 2008. – № 123.

70. Определение Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2000 г. № 22-О // СЗ РФ. – 2000. – № 14. —– Ст. 1532.

71. Определение Верховного Суда РФ от 31 января 2003 г. № 49-Г03-2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11 марта 2017 г.).

72. Определение Конституционного Суда РФ от 23 мая 2006 г. № 146-О [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11 марта 2017 г.).

73. Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)», одобренная решением Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11 марта 2017 г.).

74. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. – 1995. – № 247.

75. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании

имущества граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8. – С. 34–35.

76. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8. – С. 32–39.

77. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 12. – С. 31–32.

78. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве» // Российская газета. – 2006. – № 137.

79. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2009. – № 70.

80. Решение Верховного Суда РФ от 10 декабря 1996 г. № ГКПИ96-325-339 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11 марта 2017 г.).

81. Постановление Президиума ВАС РФ от 24 ноября 2009 г. № 9132/09 по делу № А07-10428/2008-Г-АДМ // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 2. – С. 24–26.

82. Определение Верховного Суда РФ от 12 ноября 2013 г. № 55-КГ13-8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11 марта 2017 г.).

83. Определение Верховного Суда РФ от 21сентября 2015 г. № 49-АПГ15-50 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11 марта 2017 г.).

84. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 года, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 4 июня 2014 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 9. – С. 21–23.

85. Пителин и другие против Российской Федерации: Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июля 2007 г. по делу № 76542/01 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minjust.ru/ru/node/1226 (дата обращения: 20 февраля 2017 г.).

86. American Civil Liberties Union v. Janet Reno, Attorney General of the United States (ACLU v. Reno), 929 F. Supp. 824 (E.D. Pa. 1996) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/929/824/1812782/ (дата обращения: 20 февраля 2017 г.).

Информационные ресурсы

87. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 2 марта 2017 г.).

88. Как оспорить кадастровую стоимость земельного участка? // Азбука права: электронный журнал. 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11 марта 2017 г.).

89. Прямая линия с Владимиром Путиным 14 апреля 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/51716/ (дата обращения 11 марта 2017 г.).

90. Отчет о состоянии российского законодательства в 2014 году. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 112 с.

91. United Nations E-Government Survey 2014. United Nations. – New York, 2014. – 600 p.

92. КонсультантПлюс: СПС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 11 марта 2017 г.).

НАУЧНЫЕ И УЧЕБНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Диссертации и авторефераты диссертаций

93. Буяков А.Ю. Юридические коллизии и способы их устранения: дис. … д-ра юрид. наук / А.Ю. Буяков. – Саратов, 1999. – 388 с.

94. Денисенко В.В. Коллизии правовых актов и механизм их разрешения (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид наук / В.В. Денисенко. – СПб, 2004. – 24 с.

95. Емельянов А.С. Правовая основа обязательного государственного страхования (на примере органов внутренних дел): дис. … канд. юрид. наук / А.С. Емельянов. – М., 1998. – 218 с.

96. Жильцов М.А. Дефекты трудового права и способы их преодоления: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / М.А. Жильцов. – Екатеринбург, 2011. – 48 с.

97. Кожокарь И.П. Технико-юридические дефекты в российском праве: дис. … д-ра юрид. наук / И.П. Кожокарь. – М., 2020. – 414 с.

98. Козырин А.Н. Правовое регулирование таможенно-тарифного механизма: сравнительно-правовое исследование: дис. … д-ра юрид. наук / А.Н. Козырин. – М., 1994. – 485 с.

99. Милушин М.И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / М.И. Милушин. – М., 2003. – 24 с.

100. Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве: дис. … канд. юрид. наук / Т.Н. Назаренко. – М., 2006. – 171 с.

101. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / З.А. Незнамова. – Екатеринбург, 1995. – 37 с.

102. Панасюк О.С. Пробелы в праве и способы их преодоления и устранения: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О.С. Панасюк. – М., 2005. – 24 с.

103. Петров А.А. Иерархические коллизии в праве: дис. … канд. юрид. наук / А.А. Петров. – Красноярск, 2009. — 204 с.

104. Порываева Н.Ф. Алгоритмизация права: дис. … канд. юрид. наук / Н.Ф. Порываева. – М., 2022. —– 186 с.

105. Соколова М.А. Выявление и устранение дефектов нормативных правовых актов в механизме правотворчества: дис. … канд. юрид. наук / М.А. Соколова. – М., 2018. – 192 с.

106. Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства: проблемы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / И.Н. Синякин. – Саратов,1993. – 32 с.

107. Сибилева С.В. Коллизии в публичном праве: автореф. дис. … канд. юрид наук / С.В. Сибилева. – М., 2009. – 24 с.

108. Спектор Е.И. Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: дис. … канд. юрид. наук / Е.И. Спектор. – М., 2003. – 127 с.

109. Сухов Э.В. Правовые коллизии и способы их разрешения: дис. … канд. юрид наук / Э.В. Сухов. —– Н. Новгород, 2004. – 148 с.

110. Тихонравов Е.Ю. Способы восполнения пробелов в законодательстве: вопросы теории и истории: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.Ю. Тихонравов. – М., 2013. – 30 с.

111. Уранский Ф.Р. Пробелы в праве и способы их восполнения в правоприменительной деятельности: дис. … канд. юрид. наук / Ф.Р. Уранский. – М., 2005. – 192 с.

112. Цыбуляк С.И. Дефекты конституционно-правового регулирования избирательных отношений в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / С.И. Цыбуляк. – Тюмень, 2010. – 24 с.

113. Шепельков В.Ф. Уголовный закон как формально-логическая система: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / В.Ф. Шепельков. —– СПб., 2003. – 43 с.

114. Юдин А.И. Юридические коллизии и механизм их разрешения: теоретико-правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук / А.И. Юдин. – Ростов н/Д, 2013. – 158 с.

Иные издания и публикации

115. Bertalanffy L. von. General System Theory / L. von Bertalanffy. – New York: Basic Books, 1968. – 380 p.

116. Calabresi G. Some Thoughts on Risk Distribution and the Law of Torts / G. Calabresi // Yale Law Journal. – 1961. – № 70. – P. 499–553.

117. Cavers D. A Critique of the Choice-of-Law Problem / D. Cavers // Harvard Law Review. – 1933. – Vol. 47. – P. 173–208.

118. Churchman C. The Systems Approach / C. Churchman. – New York: Dell Publishing, 1968. – XII + 243 p.

119. Coase R.H. The Problem of Social Cost / R.H. Coase // Journal of Law and Economics. – 1960. – Vol. 3. – P. 1–28.

120. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. – 2-е изд. —– М.: РЮИД, 2000. – 311 с.

121. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 8. – С. 3–8.

122. Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / под ред. Т.Я. Хабриевой и Ж. Марку. – М.: Статут, 2011. – 501 с.

123. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н.Г. Александров. – М.: Госюриздат, 1955. – 187 с.

124. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2 / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1981. – 714 с.

125. Алексеев С.С. Проблемы теории права: в 2 т. / С.С. Алексеев. Свердловск, 1973.

126. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху / С.С. Алексеев. – М.: Инфра-М, 2015. – 448 с.

127. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М.: БЕК, 1995. – 311 с.

128. Андреев Д.С. Процедурные дефекты административно-правовых актов / Д.С. Андреев // Журнал российского права. – 2016. – № 4. – С. 81–92.

129. Анненкова В.Г. Проблемы обеспечения единства российского правового пространства / В.Г. Анненкова // Научные труды. Вып. 5: в 3 т. Т. 1. – М.: РАЮН, 2005. – С. 28–34.

130. Аннерс Э. История европейского права / Э. Аннерс. – М.: Наука, 1970. – 244 с.

131. Апостолова Н.Н. О соотношении законности и целесообразности в российском уголовном судопроизводстве / Н.Н. Апостолова // Российская юстиция. – 2011. – № 1. – С. 43–51.

132. Апт Л.Ф. Теоретические вопросы правовой экспертизы федеральных законов / Л.Ф. Апт // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 81–83.

133. Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376–644.

134. Баймаханов М.Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме / М.Т. Баймаханов. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 201 с.

135. Баранов В.М. Мониторинг дефектности нормативных правовых актов / В.М. Баранов, М.А. Мушинский // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1. – С. 79–91.

136. Баранов В.М. Законотворческие ошибки: понятие и типология / В.М. Баранов, В.М. Сырых // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст.: в 2 т. Т. 1 / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – С. 384–395.

137. Безруков А.В. Государственная и муниципальная власть в системе единой публичной власти России / А.В. Безруков // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 6. – С. 23–28.

138. Бланкенагель А. Пробелы в Конституции Российской Федерации и возможности ее совершенствования / А. Бланкенагель // Пробелы в Российской Конституции и возможности ее совершенствования: сб. докладов. – М.: Изд-во Центра конституц. исслед. МОНФ, 1998. – С. 7–12.

139. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход / И.В. Блауберг. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 448 с.

140. Блауберг И.В. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1973. – 271 с.

141. Боголюбов С.А. Правотворчество в сфере экологии / С.А. Боголюбов. – М.: Эксмо, 2010. – 191 с.

142. Боннер А.Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе / А.Т. Боннер. – М.: Юрид. лит., 1980. – 211 с.

143. Бошно С.В. Закон в системе нормативных правовых актов современной России / С.В. Бошно // Научные труды. Вып. 5: в 3 т. Т. 1. – М.: РАЮН, 2005. – С. 40–50.

144. Бринчук М.М. Концепция развития экологического законодательства Российской Федерации / М.М. Бринчук. – СПб.: Юрид. ин-т, 2009. – 301 с.

145. Васильева М.И. Правовое обеспечение экологической политики. Приоритетные направления / М.И. Васильева. – М.: Ин-т устойчивого развития Обществ. палаты РФ, 2011. – 211 с.

146. Васянина Е.Л. Развитие фискальной системы России в современных экономических условиях / Е.Л. Васянина // Налоги. – 2016. – № 4. – С. 6–9.

147. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник / А.Б. Венгеров. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. –556 с.

148. Вильнянский С.И. Толкование и применение гражданско-правовых норм / С.И. Вильнянский // Методические материалы ВЮЗИ. – 1948. Вып. 2. – С. 42–61.

149. Виноградов Т. Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации / Т. Виноградов, Д. Медников, Е. Нефедова и др. // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 3. – С. 121–137.

150. Виноградов Т. Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации / Т. Виноградов, О. Подоплелова, Т. Храмова, Л. Иванов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 2. – С. 190–203.

151. Власенко Н.А. Индивидуализация как закономерность развития современного российского законодательства / Н.А. Власенко // Журнал российского права. – 2015. – № 12. – С. 11–17.

152. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве / Н.А. Власенко. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – 134 с.

153. Власенко Н.А. Логико-структурные дефекты системы советского законодательства / Н.А. Власенко // Правоведение. – 1991. – № 3. – С. 18–29.

154. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: понятие и пути исследования / Н.А. Власенко // Российское правосудие. – 2006. – № 7. – С. 4–7.

155. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения / Н.А. Власенко // Журнал российского права. – 2013. – № 2. – С. 32–44.

156. Власенко Н.А. Теория государства и права: учеб. пособие / Н.А. Власенко. – М.: Проспект, 2011. – 455 с.

157. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: понятие и формы / Н.А. Власенко, Т.Н. Назаренко // Государство и право. – 2007. – С. 5–12.

158. Вопленко Н.Н. Причины ошибок в правоприменении / Н.Н. Вопленко // Советское государство и право. – 1982. – № 4. – С. 50–62.

159. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права / А.Я. Вышинский. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1949. – 334 с.

160. Гаджиев Г. К вопросу о пробелах в Конституции / Г. Гаджиев // Пробелы в российской Конституции и возможности ее совершенствования: сб. докладов. – М.: Изд-во Центра конституц. исслед. МОНФ, 1998. – С. 22–29.

161. Гарридо М.Х.Г. Римское частное право: казусы, иски, институты / М.Х.Г. Гарридо. – М.: Статут, 2005. – 602 с.

162. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 4 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974–1977.

163. Глигич-Золотарева М. Конституция России о федеративном устройстве: былое и думы / М. Глигич-Золотарева // Федерализм. – 2003. – № 2. – С. 21–27.

164. Глигич-Золотарева М. Укрупнение субъектов федерации / М. Глигич-Золотарева // Федерализм. – 2002. – № 1. – С. 37–48.

165. Горшков Г. Сложности евразийской интеграции / Г. Горшков // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 10. – С. 4.

166. Гришиани Д.М. Организация и управление / Д.М. Гришиани // Избранные труды по философии, социологии и системному анализу. – М.: Канон, 2007. – С. 9–292.

167. Дарвин. Ч. Происхождение видов путем естественного отбора / Ч. Дарвин. – М.: Тайдекс, 2003. – 494 с.

168. Демин А.В. Квалифицированное молчание закона в механизме налогово-правового регулирования / А.В. Демин // Закон. – 2012. – № 2. – С. 131–138.

169. Демин А.В. О конкуренции в гражданском и финансовом законодательстве / А.В. Демин // Право и экономика. – 1998. – № 9. – С. 34–42.

170. Добрынин Н.М. Основы конституционного (государственного) права Российской Федерации: сто вопросов и ответов. Практическое руководство.

Современная версия новейшей истории государства / Н.М. Добрынин. – Новосибирск: Наука, 2013. – 511 с.

171. Дождев Д.В. Римское частное право / Д.В. Дождев. – М.: Инфра-М, 1996. – 566 с.

172. Емельянов А.С. Конституционная реформа: юридические, политические и экономические аспекты укрупнения субъектов Российской Федерации / А.С. Емельянов // Публично-правовые исследования. Ежегодник Центра публично-правовых исследований / гл. ред. А.Н. Козырин. – М.: АНО ЦППИ, 2006. – С. 19–39.

173. Ершов В.В. Прямое применение Конституции РФ / В.В. Ершов // Российская юстиция. – 1998. – № 9. С. 23–29.

174. Ершов В.В. Трудовой договор / В.В. Ершов, Е.А. Ершова. – М.: Дело, 2001. – 211 с.

175. Ескина Л.Б. Конституционная реформа в России: кризис или очередной этап / Л.Б. Ескина // Правоведение. – 2001. – № 2. – С. 4–24.

176. Жильцов М.А. Структурные дефекты трудового права / М.А. Жильцов // Lex Russica. – 2011. – № 4. – С. 668–675.

177. Законодательная техника: науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. – М.: Городец, 2000. – 222 с.

178. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: науч.-практ. пособие / М.В. Залоило / под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: Норма – Инфра-М, 2020. – 184 с.

179. Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): монография / М.А. Занина. – М.: РАП, 2010. – 228 с.

180. Захаров Н.А. Система русской государственной власти / Н.А. Захаров. – М., 2002. – 400 с.

181. Забигайло В.К. Проблема «пробелов в праве»: к критике буржуазной теории / В.К. Забигайло / отв. ред. Н.И. Козюбра. – Киев: Нак. думка, 1974. – 176 с.

182. Зиновьев А.В. Концепция первоочередных поправок в Конституцию России / А.В. Зиновьев // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 46–61.

183. Злобин А.В. Законы и подзаконные акты в системе нормативных правовых актов Российской Федерации / А.В. Злобин, Е.П. Рысина // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 3. – С. 219–222.

184. Золотухина Т.А. Современное состояние и направления совершенствования законодательства России / Т.А. Золтухина // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 4. – С. 44–49.

185. Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2015. – № 3. – С. 1–5.

186. Зорькин В.Д. Конституционный контроль как фактор совершенствования российского законодательства / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2023. – № 5. – С. 86–102.

187. Игнатьева И.А. Экологическое законодательство России и проблемы его развития / И.А. Игнатьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 241 с.

188. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития / Р. Иеринг. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1875. – 332 с.

189. Иеринг Р. Юридическая техника / Р. Иеринг / пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. – СПб.: Типо-лит. А.Г. Розена, 1905. – 138 с.

190. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. – 485 с.

191. Исаенкова О.В. Некоторые проблемы доказательств и их форм их представления в гражданском судопроизводстве / О.В. Исаенкова // Налоги (газета). – 2009. – № 17.

192. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.

193. Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе – новая страница правового развития евразийской интеграции / А.Я. Капустин // Журнал российского права. – 2014. – № 12. С. 98–107.

194. Капустин А.Я. Международно-правовые основы институционной системы евразийской интеграции / А.Я. Капустин // Журнал российского права. – 2013. – № 10. – С. 116–121.

195. Каширкина А.А. Формации правового развития евразийской интеграции и их влияние на правовую систему Российской Федерации / А.А. Каширкина, А.Н. Морозов // Журнал российского права. – 2014. – № 8. – С. 73–83.

196. Керимов Д.А. Законодательная техника. Науч.-метод. и учеб. пособие / Д.А. Керимов. – М.: Норма – Инфра-М, 2000. – 178 с.

197. Керимов Д.А. Методология права / Д.А. Керимов. – М.: Аванта+, 2000. – 611 с.

198. Ким Ю.В. Системные эффекты несистемных решений: о тенденциях развития системы местного самоуправления в современной России / Ю.В. Ким // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 67–73.

199. Кожокарь И.П. Аксиологические дефекты нормативной подсистемы механизма гражданско-правового регулирования / И.П. Кожокарь // Право и экономика. – 2016. – № 8. – С. 4–8.

200. Кокотов А.Н. О системе и структуре органов местного самоуправления / А.Н. Кокотов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 3. – С. 3–7.

201. Коллисон И.П. Неправосудные суды / И.П. Коллисон. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 315 с.

202. Кондрашев А.А. Пробелы в Конституции России: понятие, классификация и отграничение от смежных явлений / А.А. Кондрашев // Российский юридический журнал. – 2014. – № 2. – С. 20–37.

203. Концепция развития технологий машиночитаемого права (разработана фондом «Сколково», одобрена рабочей группой «Нормативное регулирование» при АНО «Цифровая экономика») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sk.ru/media/documents/29.03.2021._Концепция_МЧП._Внесение_после_РГ.pdf (дата обращения: 25 июля 2024 г.).

204. Корабельников С. Свод законов стабилизирует российское законодательство / С. Корабельников // Российская юстиция. – 1997. – № 5. – С. 12–13.

205. Красиков Д.В. Конвенционно-конституционные коллизии и иллюзии: что лежит в основе «возражения» Конституционного Суда России в адрес Европейского суда по правам человека? / Д.В. Красиков // Международное правосудие. – 2016. – № 3. – С. 101–117.

206. Красная книга. Конституция Российской Федерации. – М.: Новая газета, 2004. – 322 с.

207. Краснов Ю.К. Правовая политика России на современном этапе / Ю.К. Краснов. – М.: Прометей, 2019. – 393 с.

208. Краснов Ю.К. Юридическая техника: учебник / Ю.К. Краснов, В.В. Надвикова, В.И. Шкатулла. – М.: Юстицинформ, 2014. – 536 с.

209. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Рус. яз., 2003. – 711 с.

210. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрид. лит., 1972. – 501 с.

211. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения / В.В. Лазарев. – М.: Юрид. лит., 1974. – 321 с.

212. Лазарев В.В. Пробелы в праве / В.В. Лазарев. – Казань, 1969. – 188 с.

213. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов / В.В. Лазарев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975. – 211 с.

214. Лазарев В.В. Теория государства и права: учебник для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М.: Юрист, 2001. – 576 с.

215. Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в России / В.М. Лебедев. – М.: РАП, 2000. – 334 с.

216. Лившиц Р.З. Теория права / Р.З. Лившиц. – М.: БЕК, 1994. – 389 с.

217. Лукьянова Е.А. Некоторые проблемы конституции Российской Федерации / Е.А. Лукьянова // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 15. – С. 3–7.

218. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве / Л.А. Лунц. – М.: Статут, 1999. – 301 с.

219. Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. / Л.А. Лунц. – М.: Спарк, 2002. – 1007 с.

220. Мазуренко А.П. Правотворческая политика в Российской Федерации / А.П. Мазуренко // Правовая политика и правовая жизнь России в начале XXI века: материалы междунар. круглого стола, 23 июня 2008 г. – Ростов н/Д: Южный федеральный ун-т, 2009. – С. 171–186.

221. Мазуренко А.П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность / А.П. Мазуренко. – М.: Юрист, 2010. – 210 с.

222. Макарова Т.И. Дефекты экологического права: постановка проблемы / Т.И. Макарова // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. Вып. 7. / гл. ред. В.И. Семенков. – Минск, 2011. – С. 402–408.

223. Маковский А.Л. ГК РФ действует. Что дальше? / А.Л. Маковский // ЭЖ-Юрист. – 2003. – № 46.

224. Малютин Н.С. Судебное толкование как конституционная процедура в контексте разделения властей в Российской Федерации / Н.С. Малютин // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 8. – С. 12–19.

225. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. В 3 т. / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1983.

226. Матейкович М.С. Дефекты конституционно-правового регулирования в Российской Федерации / М.С. Матейкович // Государство и право. – 2007. – № 12. – С. 15–21.

227. Матузов Н.И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения / Н.И. Матузов // Правоведение. – 2000. – № 5. С. 48–56.

228. Матузов Н.И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 511 с.

229. Медведева А.А. Толковый словарь наиболее употребительных иностранных слов / А.А. Медведева. – М.: Центрполиграф, 2009. – 612 с.

230. Митюков М.А. Проблема реализации демократического потенциала Конституции Российской Федерации / М.А. Митюков // Пробелы в Российской Конституции и возможности ее совершенствования: сб. докладов. – М.: Изд-во Центра конституц. исслед. МОНФ, 1998. – С. 47–55.

231. Морозова Л.А. Теория государства и права / Л.А. Морозова. – М.: Юристъ, 2002. – 443 с.

232. Мушинский М.А. Проблемы диагностики правотворческих дефектов / М.А. Мушинский. – Иркутск: Изд-во ин-та законодательства и правовой информации, 2009. – С. 13–24.

233. Наднациональное и национальное регулирование в Таможенном союзе ЕврАзЭС: на примере таможенной пошлины / под ред. А.Н. Козырина. – М.: Ин-т публично-правовых исследований, 2014. – 233 с.

234. Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. – 8-е изд. перераб. и доп. – М.: Норма, 2023. – 656 с.;

235. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм / П.Е. Недбайло. – М.: Госюриздат, 1960. – 511 с.

236. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве / З.А. Незнамова. – Екатеринбург: УрГЮА, 1994. – 322 с.;

237. Новицкий И.Б. Римское право / И.Б. Новицкий. – М.: ГЕИС, 2002. – 191 с.

238. Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для вузов / под ред. Ю. Г. Арзамасова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 542 с.

239. Общая теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юристъ, 1996. – 511 с.

240. Овсепян Ж.И. Пробелы и дефекты как категории конституционного права / Ж.И. Овсепян // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 15. – С. 70–78.

241. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Азъ, 1995. – 1002 с.

242. Основные задачи науки советского социалистического права: Материалы 1-го совещания научных работников права, 16–19 июля 1938 г. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 121 с.

243. Пашенцев Д.А. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина; под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфра-М, 2019. – 234 с.

244. Пиголкин А.С. Обнаружение и преодоление пробелов права / А.С. Пиголкин // Советское государство и право. – 1970. – № 3. – С. 49–57.

245. Пименова О.И. Наднациональная правовая интеграция на евразийском пространстве: анализ реалий и оценка возможностей использования опыта Европейского союза / О.И. Пименова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 5. – С. 21–28.

246. Платон. Государство / Платон // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – С. 79–421.

247. Погодин А.В. Дефекты объективного права / А.В. Погодин // Российское право в Интернете. 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rpi.msal.ru/prints/201004_14pogodin.html (дата обращения: 10 января 2017 г.).

248. Покровский И.А. История римского права / И.А. Покровский. – СПб.: Летний сад, 1999. – 288 с.

249. Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации / С.В. Поленина. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. – 146 с.

250. Поленина С.В. Система права и система законодательства в современных условиях / С.В. Поленина // Правоведение. – 1987. – № 5. – С. 29–37.

251. Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства / С.В. Поленина. – М.: Наука, 1979. – 311 с.

252. Поляков А.В. Общая теория права / А.В. Поляков. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 801 с.

253. Привалова С.В. Конституционно-правовая реформа в современной России (Научно-практическая конференция) / С.В. Привалова // Государство и право. – 2000. – № 5. – С. 91–102.

254. Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 771 с.

255. Пронина М.П. Правотворческие ошибки при создании презумпций в российском праве / М.П. Пронина // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 421–425.

256. Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования / В.К. Райхер. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 282 с.

257. Рафалюк Е.Е. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды / Е.Е. Рафалюк, В.Н. Власенко // Журнал российского права. – 2014. – № 9. – С. 150–153.

258. Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации: монография / ред. кол. А.Ф. Ноздрачев, С.М. Зырянов, А.В. Калмыкова. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. – 288 с.

259. Римское частное право / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. – М.: Кнорус, 2012. – 456 с.

260. Сабо И. Социалистическое право / И. Сабо. – М.: Прогресс, 1964. – 398 с.

261. Савельева Е.М. Проблемы совершенствования законодательной деятельности в России на федеральном уровне / Е.М. Савельева // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 3–9.

262. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: в 3 т. / Ф.К. фон Савиньи. – М.: Статут, 2013.

263. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ / В.Н. Садовский. – М.: Наука, 1974. – 280 с.

264. Саликов М. Конституционный федерализм России: опыт десятилетнего развития / М. Саликов // Федерализм. – 2003. – № 3. – С. 19–26.

265. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. – М.: Статут, 2008. – 455 с.

266. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка / А.В. Семенов. – М., 2006. – 771 с.

267. Сергевнин С.Л. Отдельные проблемы конституционно-правового регулирования в контексте общетеоретических проблем пробелов и дефектов / С.Л. Сергевнин // Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения: Материалы междунар науч. конф. МГУ 28–31 марта 2007 г. / под ред. проф. С.А. Авакьяна. – М., 2008. – С. 73–78.

268. Сидорчук М.В. О систематизации законодательства в России. 1826–1832 гг. / М.В. Сидорчук // Правоведение. – 1990. – № 6. – С. 26–32.

269. Система советского права и перспективы ее развития: Круглый стол журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. – 1982. – № 6. – С. 3–18.

270. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 344 с.

271. Словарь иностранных слов. – 15-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1988. – 567 с.

272. Соколова М.А. Дефекты юридических документов: монография / М.А. Соколова. – М., 2016. – 231 с.

273. Соколова М.А. К вопросу о понятии дефекта юридического документа / М.А. Соколова // Актуальные проблемы российского права. –2014. – № 6. – С. 1054–1060.

274. Соколова М.А. Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи: проблемы правовой регламентации / М.А. Соколова // Конституционное право гражданина на получение квалифицированной (бесплатной) юридической помощи: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции РФ. – М.: Российская академия адвокатуры и нотариата, 2014. – С. 85–91.

275. Спектор Е.И. Некоторые аспекты применения института аналогии в административном законодательстве / Е.И. Спектор // Право и экономика. – 2002. – № 7. – С. 96–102.

276. Субъектов Федерации должно быть меньше: интервью с Председателем Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по делам Федерации и региональной политике Александром Казаковым // Российская Федерация сегодня. – 2004. – № 15. – С. 23–24.

277. Суслова Н.В. Дефекты в российском праве: постановка проблемы, научные подходы, понятие / Н.В. Суслова // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 2. – С. 36–42.

278. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. / В.М. Сырых. – М.: Юстицинформ, 2004. – 527 с.

279. Таболин В.В. Латентные ограничения прав граждан в Конституции Российской Федерации / В.В. Таболин // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 2. – С. 31–33.

280. Теория права и государства. Учебник / под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 2001. – 448 с.

281. Тилле А.А. Время, пространство, закон: действие советского закона в пространстве и во времени / А.А. Тилле. – М.: Юрид. лит., 1965. – 203 с.

282. Тимофеев Н.С. Проблемы участия местного самоуправления и гражданского общества в системе российского этатизма / Н.С. Тимофеев // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 10. – С. 12–17.

283. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право / Ю.А. Тихомиров. – М.: Юринформцентр, 2000. – 447 с.

284. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия / Ю.А. Тихомиров. – М.: Манускрипт, 1994. – 181 с.

285. Тихомиров Ю.А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 34–46.

286. Тихомиров Ю.А. Правовые акты: учеб.-практ. и справ. пособие / Ю.А. Тихомиров, И.В. Котелевская. – М.: Юринформцентр, 1999. – 188 с.

287. Тихомирова Л.В. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров. – М.: Юринформцентр, 2002. – 881 с.

288. Толстик В.А. Классификация дефектов фактических составов / В.А. Толстик, В.Х. Миннебаев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 17. – С. 55–64.

289. Томин В.А. Юридическая техника: учеб. пособие / В.А. Томин. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. – 84 с.

290. Туранин В.Ю. Типология ошибок использования юридической терминологии в российском законодательстве / В.Ю. Туранин // Российская юстиция. – 2009. – № 8. – С. 12–14.

291. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2014. – 976 с.

292. Фрид А. Ротшильды: история семьи / А. Фрид. – М.: Феникс, 2012. – 215 с.

293. Хабибуллина Г.Р. Дефекты законодательных актов субъектов Российской Федерации в сфере наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями (на примере Приволжского федерального округа) / Г.Р. Хабибуллина, Р.И. Загидуллин // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 5. – С. 62–64.

294. Хабриева Т.Я. Реформирование Конституции Российской Федерации: возможность и необходимость / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2003. – № 11. – С. 20–32.

295. Хабриева Т.Я. Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор. – М.: Инфра-М, 2020. – 176 с.

296. Хлуденева Н.И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды: монография / Н.И. Хлуденева. – М.: Инфра-М, 2014. – 172 с.

297. Черданцев А.Ф. Теория государства и права / А.Ф. Черданцев. – М.: Юристъ, 2003. – 442 с.

298. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора / А.Ф. Черданцев. – М.: Юнити, 2003. – 288 с.

299. Черногор Н.Н. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило и др.; под общ. ред. Н.Н. Черногора, Д.А. Пашенцева. – М.: Норма – Инфра-М, 2021. – 244 с.

300. Чиркин В.Е. О некоторых проблемах реформы российской Конституции / В.Е. Чиркин // Государство и право. – 2000. – № 6. – С. 2–7.

301. Шапп Я. Система германского гражданского права / Я. Шапп. – М.: Междунар. отношения, 2006. – 399 с.

302. Шаргородский М.Д. Уголовный закон / М.Д. Шаргородский // Избранные работы по уголовному праву. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – С. 197–225.

303. Шафиров В.М. Законность в правовом государстве / В.М. Шафиров // Российская юстиция. – 2011. – № 4. – С. 41–48.

304. Шеллинг Ф. Сочинения в двух томах / Ф. Шеллинг. – М.: Мысль, 1989.

305. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 4 т. Т. 1 / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910. – 611 с.

306. Юридическая техника: учебник / под ред. В.М. Баранова. – М.: Проспект, 2021. – 648 с.

307. Явич Л.С. Сущность права / Л.С. Явич. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 271 с.

308. Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики) / В.Ф. Яковлев. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. – 387 с.